

Юрий Бурносов



Армагеддон²

Книга вторая

ЗОНА 51

Автор идеи

Константин Рыков



ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010



ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010





УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б91

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Бурносов Ю.

Б91 Армагеддон 2. Книга вторая: Зона 51 – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010. – 256 с.

2014 год. Пораженные эпидемией вируса «Армагеддон» североамериканские штаты надежно изолированы от мира. Их называют Закрытой Территорией, и никто не знает, что происходит за плотным кордоном войск Североамериканского Альянса.

Команда ученых, возглавляемая Андреем Гумилевым, приступает к исследованию Закрытой Территории. Главная цель миссии – поиск вакцины от чудовищного вируса, но у нее есть и другое, секретное задание – обнаружить таинственную «Зону 51», где американские военные хранили тела инопланетян и их летательные аппараты.

Именно туда, на бывшую авиабазу ВВС США «Неллис», в недрах которой расположена «Зона 51», приводит судьба и вырвавшихся из жуткого города Солт-Лейк-Сити хоккеиста Ростислава Шибанова, фотомодель Атику, тринадцатилетнюю кинозвезду Мидори и чернокожего рэпера по имени Профессор Джей-Ти...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б91

ISBN 978-5-904454-27-2

© Рыков К., 2010
© Бурносов Ю., 2010
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Побег верхом на «призраке»

– Дайте мне ваш пистолет, полковник, – сказал Мастер.

Роулинсон вытащил из кобуры тяжелый израильский «дезерт игл» и подал Мастеру рукоятку вперед.

Шибанов сидел, не понимая, что эти двое перед ним разыгрывают.

– Держите, мистер Шибанофф.

Мастер протягивал Ростиславу пистолет. Ростислав отрицательно покачал головой.

– Ваши люди начнут стрелять, как только я его возьму.

– Нет, мистер Шибанофф. Мои люди начнут стрелять, если вы вздумаете убить меня. Но я хочу предложить вам совершенно иной вариант. Вот стоят две человеческих самки. Выберите одну из них.

– То есть?!

– Одна останется жить. Ей будет предоставлено все, что только может предоставить Солт-Лейк-Сити. Другую вы должны убить. Сделайте свой выбор. Считайте это входной платой. Вы сильный человек, я вижу. Вопрос теперь в том, насколько вы сильны.

Шибанов оглянулся. Атика заплакала. Мидори держалась, она даже нашла в себе силы подмигнуть Ростиславу, бедная девочка...

– Вы чудовище, Мастер, – сказал Ростислав. – Вы знаете об этом?

– Знаю ли я?! – горько рассмеявшись, спросил седой человек в кресле и положил пистолет на столик. – Знаю ли я?! Я каждое

утро вижу себя в зеркале, когда бреюсь. Мне этого достаточно, русский. Итак, вы готовы сделать выбор?

– А если я откажусь?

– Если вы откажетесь, мы убьем обоих, – просто сказал Мастер. – Это нам ничего не будет стоить, кроме пары истраченных патронов. Конечно, я стану сожалеть, но вина-то в первую очередь ляжет на вас.

Полковник Роулинсон сделал большой глоток из бутылки и хрипло засмеялся. Наверное, так смеялась бы ожившая мумия: плоско, картонно, выталкивая из горла давно забытые звуки.

– Если вы собираетесь выстрелить в меня или в Роулинсона, или в любого из охранников, вас убьют до того, как успеете это сделать. Если же вы окажетесь слишком шустрым и кого-то застрелите, то после этого в любом случае убьют ваших женщин. Обратите внимание, русский: я гуманен. Я мог бы отдать их своим солдатам или рабам, которые нашли бы им применение на пару часов. Но итог один – смерть. А я считаю, что она должна наступать благородно и быстро.

Ростислав молчал.

– Ну?

Мастер снова протянул «дезерт игл», вопросительно глядя на своего гостя.

– Хорошо, – сказал Ростислав Шибанов и взял оружие. – Я сделал свой выбор.

Глубоко вдохнув, он щелкнул флажковым предохранителем и поднял тяжелый полуторакилограммовый пистолет.

У Шибанова был только один выстрел. Всего один прицельный выстрел, сильная отдача «игла» не позволила бы ему тщательно прицелиться еще раз. Он имел дело с такими пистолетами и прекрасно понимал свои возможности.

На счастье, Ростислав попал. Тяжелая пуля «магнум» ударила в ржавый блок, на котором была укреплена система из пяти

огромных люстр, висящих под потолком. Блок являл собой часть механизма, который помогал поднимать и опускать люстры, чтобы чистить их, менять лампочки и проводить прочую профилактику. Его Ростислав заметил еще за едой, украдкой разглядывая помещение.

Блок разлетелся в стороны, и пять люстр с ужасающим скрежетом обрушились вниз. Одна из них припала аккурат в то место, где недавно стоял стол, за которым чинно ужинали Шибанов и Мастер, заставив последнего испуганно отшатнуться и закрыть лицо руками. Две люстры грохнулись об пол, разбросав вокруг осколки лампового стекла и хрусталя, еще две – крайние – упали в боевые порядки охранников. Впрочем, Ростиславу некогда было разглядывать последствия причиненных им разрушений. Он в два прыжка обогнул стол, успев крикнуть своим девицам: – За занавеску! – после чего схватил Роулинсона за обмотанную бинтами шею и поволок за собой, уперев ствол пистолета в висок полковника. Конечно, хватать нужно было самого Мастера, но тот уже забрался под свой трон и явно не выбрался бы оттуда быстро и без сопротивления.

Мидори и Атика, натренированные за время своих странствий по руинам Америки быстро реагировать и ориентироваться в пространстве, бросились к малозаметной деревянной двери. Это был чистой воды экспромт, причем экспромт опасный – Шибанов не ручался, что за занавеской не окажется обычный чулан, куда и скрылся давеча негр-уборщик. Однако выбирать не приходилось. Девушки исчезли за черной завесой, и только теперь опешившие охранники принялись стрелять, делая это довольно сумбурно. Как ни крути, свою армию Мастер набирал с бору по сосенке. Скорее всего, большинство ее составляли гражданские люди, в лучшем случае – бойцы Национальной Гвардии, служившие в регулярных войсках в незапамятные времена.

Ростислав, таща за собой упирающегося и смердящего полковника, успел заметить, как от «дружественного огня» упали двое охранников с правой стороны, а Мастер шустро вылез на четвереньках из-под трона, отчаянно крича:

– Прекратить! Не стрелять!

За занавеской оказался широкий коридор, и Шибанов поспешил по нему, не отпуская Роулинсона и изредка придавая ему ускорение пинками под зад. Коридор закончился еще одной дверью, за которой открылся двор, ярко освещенный укрепленными на столбах фонарями. Судя по густому плющу на каменных стенах и белому «роллс-ройсу», это был тот самый двор, куда их привезли перед визитом к Мастеру.

– В машину! – быстро велел Ростислав, рассудив, что Мастер вряд ли боится угона, а потому дверцы должны быть открыты и ключ оставлен в замке зажигания. Его ожидания оправдались. Роулинсона запихали на заднее сиденье, словно тряпичную куклу, Шибанов вручил Атике пистолет, а сам сел за руль. Двигатель завелся мгновенно, «роллс-ройс» прыгнул вперед и через пару секунд выбил деревянные ворота. С радиатора отлетел фирменный шильдик, в мягком верхе салона застряла пробившая его острая щепка, но в остальном машина, кажется, не пострадала. Автомобиль, освещая дорогу мощными светодиодными фарами, помчался по улице, которая постепенно уходила вниз.

Ночной Солт-Лейк-Сити был безлюден – наверное, здесь действовал комендантский час. Четкого плана действий у Шибанова не имелось, но он рассчитывал как минимум укрыться где-нибудь в руинах, а потом уже пешком попытаться выбраться с охраняемой территории. Что делать с Джей-Ти, Ростислав не знал – оставалось надеяться, что бывшему рэперу не придется слишком худо, потому что спасти его пока не представлялось возможным.

Винить и проклинать себя за то, что они вообще влезли в Солт-Лейк-Сити, тоже было не время, да и ни к чему. Что сделано – то сделано, надо исправлять ситуацию.

Поскольку их никто не преследовал, Ростислав сбавил скорость. Самым глупым сейчас было бы вмазаться в стену какого-нибудь здания, и тогда весь побег насмарку... Насколько Шибанов помнил, такой «фантом дропхед» разгонялся по трассе до двухсот пятидесяти километров в час, но здесь гонять было негде и незачем.

– И что вы думаете делать дальше, *tovarishch*? – ехидно поинтересовался сзади полковник Чарльз Роулинсон, когда Шибанов свернул в темный проулок и остановился.

– А что бы вы посоветовали?

Шибанов опустил стекла, потому что салон уже наполнился неприятным запахом, исходящим от Роулинсона – смесью дорогого лосьона и разлагающейся плоти. Сидевшая рядом Мидори тут же высунула голову наружу.

– Сдайтесь, – хрипло сказал полковник. – Мастер оценит вашу находчивость. Думаю, никаких наказаний не последует.

– Нет уж, полковник. Этот вариант я даже не рассматриваю. Как мы можем выбраться из города? Учтите, я по натуре человек добрый, но могу сделать вам очень больно. У меня нет совершенно никаких поводов гуманно к вам относиться.

– Справедливо. Но больно вы мне не сделаете, *tovarishch*. Вы не знаете, что такое боль. А я... Я – знаю.

Полковник произнес эти слова с горьким сарказмом. Видимо, этот человек был очень серьезно болен, и Ростиславу на миг даже стало его жалко и захотелось отпустить. Но эту крамольную мысль он решительно отмел и сказал:

– Я постараюсь открыть перед вами новые горизонты в области таких познаний. Вы готовы нам помочь?

– У вас в любом случае нет шансов, – пожал плечами Роулинсон. – Это, по сути, крепость. Стены охраняются. «Роллс» – тяжелая машина, но выездные ворота вы ей не пробьете. К тому же по пути вы не раз нарветесь на патрули. Странно, что не на-

рвались до сих пор, это я спишу на удачное стечение обстоятельств. А если учесть, что уже объявлена тревога...

– Мастер готов пожертвовать вами?

– Мастер готов пожертвовать всеми. Разумеется, он будет недоволен, если вы меня прикончите. Но отпускать вас со мной в качестве заложника не станет, уверяю, tovarishch.

– По-моему, этого вонючку все же надо пристрелить, – со свойственной ей прямоотой заметила Мидори. – Пользы от него никакой, а дышать в салоне невозможно.

Роулинсон захихикал – звучало это так, словно кто-то пытается запустить старый заржавленный мотор.

– Девочке не откажешь в рассудительности. Давайте же покончим с этим, tovarishch, а далее вы можете ехать дальше, чтобы убедиться в правдивости моих слов.

– Убирайся, – решительно сказал Шибанов, вылез из-за руля и открыл дверь.

– Что?! – не понял полковник. Атика и Мидори смотрели на Ростислава с явным недоумением.

– Убирайся! – повторил Шибанов, откидывая водительское кресло, потому что у «фантома» было всего две дверцы. Полковник не спеша выбрался из автомобиля, отряхнулся и произнес, склонив плешистую голову набок:

– Неожиданно. Что ж, я постараюсь замолвить за вас словечко.

Сказав так, Роулинсон повернулся и зашагал прочь, постепенно исчезая в темноте.

– Ну и зачем ты это сделал? – разочарованно спросила Атика, выбираясь из машины.

– Хватит с нас бесполезных убийств. Давайте решать, что делать дальше.

– А что решать? Приступ пацифизма у тебя прошел? Тогда рванули дальше! – сердито сказала Мидори.

Шибанов покачал головой:

– Полковник прав, на машине нас быстро засекут. Предлагаю передвигаться пешком, сориентироваться, где крепостная стена, а там уже подумать, как смыться за периметр.

– Получается, Джея-Ти мы бросаем? – уточнила Мидори, не хотя вылезая из салона автомобиля.

– Пока мы ничего не можем сделать... Вернуться назад – значит, добровольно сдаться. Мы ведь даже не знаем, где его держат.

– Хорошо, – сказала Атика и вздохнула. – Бедный Джей... Как-то он там...

– В какую сторону двигаемся? – деловито спросила Мидори.

– В ту же, в какую ехали, – пожал плечами Шибанов.

– О'кей, – Мидори села за руль и лихо начала разворачивать машину. – Надо запутать следы, ждите, я скоро.

«Роллс» пронесся мимо Атики и Шибанова и свернул на дорогу.

Затем несколько часов они плутали, пробираясь по ночным улицам, прячась от патрулей. В самом деле, им повезло – после того, как они бросили автомобиль, им несколько раз попались «хаммеры» с установленными прожекторами, а также несколько пешех групп. Отбиться в случае чего шансов не имелось – один «дезерт игл» с восемью патронами в обойме против автоматических винтовок или пулемета «хаммера» ничего бы не сделал. Однако до руин добраться удалось без осложнений. На пустынных улицах было относительно чисто, как минимум, в той части города, которая казалась населенной: двери крепко заперты, окна первых этажей аккуратно забиты досками. Окна же верхних этажей были плотно занавешены, хотя Мидори пару раз замечала мерцающий огонек за занавесками. Вся компания тут же прижималась к стенам домов и старалась двигаться как можно тише и незаметнее. Ростислав дважды забирался по пожарным лестницам на крыши зданий, чтобы сори-

ентироваться на местности и не кружить по Солт-Лейк-Сити, но толку от этого было мало. К сожалению, никто из троих города не знал. Еще больше осложняла задачу темнота.

Но двигались они, похоже, в правильном направлении. Вскоре дома приобрели гораздо более обветшалый вид, мусора под ногами поприбавилось и продвигаться стало труднее – нет-нет да треснет оглушительно под ногой в темноте какая-нибудь пластмасса. Атика едва не сломала ногу, когда из арки наперерез им с топотом бросилось что-то, неразличимое в темноте. Судя по размерам, это была крупная крыса или кошка. Хотя последнее – вряд ли. Но Атика инстинктивно отшатнулась и попала ногой на корпус разбитого телевизора. Нога с треском провалилась, и если бы Шибанов вовремя не подхватил падающую Атику, то весь поход для них мог бы закончиться плачевно. Атика еле слышно застонала:

– Нога!

Шибанов поднял Атику на руки и огляделся.

– Так, пора слегка передохнуть, – сказал Ростислав и двинулся к ближайшей выбитой двери.

Мидори подобрала с потрескавшегося асфальта старую жестяную банку и запустила внутрь – все тихо. Они осторожно вошли в разрушенное здание.

– С виду бывший ресторанчик, – сказала Атика, как только глаза привыкли к темноте.

Шибанов усадил супругу на какую-то железяку, которая оказалась пивным кегом, и, достав из кармана зажигалку, осветил на ногу Атики.

– Убери сейчас же! – зашипела Мидори, – ты нас спалишь!

– Все-все, – примирительно сказал Ростислав, пряча зажигалку. Надо же было посмотреть – насколько серьезная рана и можем ли мы двигаться дальше. В принципе – можем.

– А что, если пересидеть тут до утра? – деловито предложила Мидори. – Утром появятся жители, мы будем не так заметны среди них... Тогда и разберемся, что к чему.

– Я думаю, здесь тоже не дураки обитают. Патрули будут знать, кого искать. Или думаете, мы не настолько приметная троица?

– Я согласна с Расти, – сказала Атика. – Нас сразу же поймают. Нужно делать что-то прямо сейчас.

– Тогда давайте захватим патрульный «хаммер», – просто ответила Мидори, поправляя стянутые резинкой волосы.

...Профессор Джей-Ти сидел под замком в комнате, более всего напоминающей тюремную камеру. Одна ее стена представляла собой металлическую решетку со сдвижной дверью, а внутри находились двухъярусная кровать с тощими матрасами, приделанный к стенке столик и унитаз за ширмочкой.

После того, как седой человек по кличке Мастер велел охранникам «увести черномазого», Джей-Ти привели сюда, сняли с него все оставшиеся украшения и заперли. Побегав по камере и покричав угрозы, бывший рэпер успокоился и сел, чтобы обдумать сложившееся положение.

От печальных мыслей его отвлек негр, стучавший по прутьям решетки. Это был пожилой сутулый мужчина с седым венчиком волос на голове. В руках он держал металлическую миску и стучал ею по решетке.

– Меня звать Абрахам, – без обиняков представился негр. – Велено принести тебе пожрать. Будешь?

– Еще бы, – буркнул Профессор и взял просунутую через специальное продолговатое отверстие миску с едой. Это оказался подсохший чизбургер, початок вареной кукурузы и немного жареного картофеля.

– Жри. Сейчас кофе принесу, – пообещал Абрахам и ушел, громко шаркая ногами по бетонному полу.

Джей-Ти уселся за столик и принялся за еду. Несмотря на свое унылое положение, он не мог не признать, что давно уже не ел такой приличной пищи, пусть даже все было холодное и

не совсем свежее. Он управился довольно быстро и, когда Абрахам вернулся с дымящейся кружкой, уже облизывал пальцы.

– Быстро ты схавал пайку, ниггер, – с явным одобрением заметил Абрахам, забирая пустую миску и передавая кофе. Кофе оказался очень сладким, даже приторным, притом низкого сорта, но нынче и такой был сродни бальзаму. Прихлебывая и обжигаясь, Джей-Ти вернулся на свою койку, сел и обнаружил, что Абрахам за ним с интересом наблюдает.

– Что тебе? – спросил бывший рэпер.

– Откуда ты взялся? Чего приперся сюда? Думал, тут рай? – ворчливо спросил Абрахам.

– Мало ли, что я думал... А что, здесь ад?

– Да нет, не ад, – равнодушно пожал плечами пожилой негр. – Будь ты белый, так и совсем неплохо. Но черным тут несладко, приятель. Мать мне рассказывала, как они жили на Юге в те времена, когда все делилось на «Для белых» и «Для цветных»: магазины, рестораны, автобусы, даже скамейки. У нас примерно то же самое. Потому, приятель, ни хрена ты не правильно угадал, когда поперся в Солт-Лейк.

– Ясно, – кивнул бывший рэпер, делая последний глоток. – Кстати, меня зовут Джей-Ти. А ты здесь чем занимаешься? И что со мной дальше будет?

– Я тут занимаюсь всем, – сказал Абрахам. – Подметаю, убираю, мою пол, жрать вот приношу, если надо... Нормальная работа для черномазого, ага? То же будет и с тобой, если не станешь рыпаться. Будешь иметь кусок хлеба и даже немного виски по праздникам и выходным.

– А если стану рыпаться?

– Тогда тебе придется худо. Пошлют на тяжелые работы, где подгоняют уже не криком или тумаками, как меня, а кнутом. Если не остепенишься – могут и повесить. На моей памяти, а я тут полгода, человек десять вздернули. Не считая тех, кого на месте шлепнули.

– Да у вас тут весело, – произнес Джей-Ти, возвращая кружку. – А моих друзей ты не видел?

– Белый парень и две девки, одна желтая, вторая вроде как мулатка? Видел, отчего же не видеть. Парень подрался с Сонни и уделал его, Сонни подох. Мне пришлось кровищу замывать.

– Какой Сонни?!

– Был тут один драчун. Мастер свел его с твоим приятелем, типа проверить, не тонка ли кишка. Тот Сонни и прибил. Переломал все ребра.

– Молодец, Расти! – Джей-Ти даже подпрыгнул, издав воинственный клич, словно на бейсбольном матче или боксерском поединке. – И что с ним сделали?

– Не знаю. Когда я в последний раз его видел, он жрал с Мастером, сидя за столом. Девоч куда-то увели.

– Что с ними будет?

– Откуда мне знать. Белого могут взять в солдаты, девочек – отправить в монастырь, или на кухню, или ублажать офицеров... Мало ли. Как решит Мастер, а у него наперед не угадаешь.

– Я этого Мастера где-то видел... – задумчиво произнес Джей-Ти, прищурившись. – В политике я не секу, брат, но он вроде из ихних. У всех политиков противные рожи.

– Ты угадал, но мне пора идти. Еще хватятся, а я тут с тобой трещу.

Абрахам медленно зашаркал прочь по коридору, оставив Профессора в одиночестве.

Подкрепившись, Джей-Ти почувствовал себя более уверенно. Порадовали его и новости о друзьях. У Расти все хорошо, если уж он ужинает с местным паханом, с девочками тоже все в порядке... если не вспоминать слова Абрахама про «ублажать офицеров», но не все ведь кончается обязательно плохо?

Черт с ним, решил Джей-Ти. Если надо притвориться послушным и учтивым черномазым, который говорит всем «да, сэр» и «что вам угодно, масса?», он может немножко поиграть. В кон-

це концов, гангстер из него на сцене получался вполне убедительный. Можно, конечно, устроить тут борьбу за права афроамериканцев, но Абрахам вряд ли врет насчет здешних порядков, а попасть на виселицу в планы Джей-Ти не входило.

Часы у Джей-Ти тоже забрали, но он догадывался, что уже стояла глубокая ночь. Профессор улегся на койку, подложив под голову руки за неимением подушки, и задремал, рассудив, что утро вечера мудренее. Впрочем, поспать ему не удалось, потому что появился Абрахам, который зашипел:

– Вставай! Вставай!

– Что еще случилось?! – недовольно спросил Джей-Ти, садясь на койке.

– Твой приятель удрал.

– Расти?! Как?!

– Не знаю. Устроил стрельбу, захватил в заложники полковника Роулинсона и смылся вместе с бабами на машине. Везде переполох, на меня все равно никто не обращает внимания, я и пришел тебе сказать. Поди, рад?

– Конечно!

– А зря. Поскольку ты из их компании остался один, несладко придется. Ладно, я пошел, а ты подумай, что дальше делать.

Абрахам ушел, лениво волоча за собой швабру, а Джей-Ти заметался по тесной камере. В самом деле, обстоятельства складывались для него как нельзя хуже. Снова подергав решетку, он занялся запиравшим ее замком. Замков полагалось два: врезной и навесной, продевающийся в специальные петли. Сейчас навесного не было – то ли его потеряли, то ли не стали заморачиваться с двумя замками, посчитав, что пленный и так никуда не денется.

Ощупав и осмотрев врезной замок, Джей-Ти задумался. Хотя большая часть его улично-гангстерской жизни была специально выдуманной для публики легендой, кое-чему он в свое время научился. В том числе искусству работать отмычкой, пусть никогда и не применял этого умения на практике.

Маркус Мэйн, по сложным родственным взаимоотношениям считавшийся дядюшкой Джей-Ти, научил его мастерству взломщика в промежутке между двумя тюремными отсидками.

– Ты не думай, старина, что я советую тебе залезть в магазин или взломать чей-нибудь сейф, – наставительно говорил Маркус, попивая из бутылки дешевое калифорнийское красное вино. – Нет, если ты будешь заниматься такими вещами, то закончишь как я, в тюрьге. А ты пацан способный, у тебя другой путь. Но уметь открыть замок без ключа иногда нужно. Скажем, тебя ни за что зацапали копы. Потом они разинули рты и пошли жрать пончики, а ты сидишь в машине, скованный наручниками. Сейчас я покажу тебе, как открыть наручники булавкой – а булавку, чтоб ты знал, нужно всегда носить с собой, прицепленной к одежде. Лучше – несколько булавок.

Дядюшка Маркус открывал и закрывал бог весть откуда имевшиеся у него наручники, после чего заставлял это делать Джей-Ти. Точно так же они попрактиковались на автомобильном замке старого мамино «датуна» и на дверных замках. У Джей-Ти получалось плохо, после чего дядюшка махнул рукой и сказал:

– Ни черта из тебя не выйдет взломщика, Джей. Ну, оно и к лучшему. Пойду-ка я лучше куплю еще винища...

Из следующей отсидки дядюшка Маркус не вернулся, потому что его прирезали в тюремной драке бритоголовые парни из арийского братства. Науку работы с отмычками продолжить оказалось некому, и Джей-Ти благополучно забыл все ее азы. Вернее, думал, что забыл. Сейчас он пытался вспомнить уроки дядюшки, и небезуспешно. Он понял, что перед ним за замок и как его вскрыть...

Времени терять нельзя: пока все заняты поиском удравшего с девчонками Ростислава, о надежно запертом в камере узнике никто не вспомнит. Но чем открыть замок? Джей-Ти порылся в карманах, но не нашел ничего подходящего. Пожалел, что не следовал заветам дядюшки Маркуса и не прицепил к одеж-

де несколько булавок. Попытался поискать под койкой – вдруг там заваялось что-то, оставшееся от предыдущих узников. Вспомнил даже, что один из передних зубов, который он выбил во время пустяковой автомобильной аварии в Висконсине, установлен на титановом штифте. Почти прикинул, как выбить зуб, чтобы использовать штифт, но потом громко шлепнул себя по лбу и сказал с улыбкой:

– Вот же я идиот.

Охранники, которые обыскивали Джея-Ти и отнимали у него сохранившиеся за время скитаний побрякушки, не польстились на проволочный браслет. Браслет представлял собой несколько колец из анодированной стальной проволоки, ценности не имел и был дорог бывшему рэперу исключительно как подарок давнего приятеля, умершего от лейкемии. Когда-то Джей-Ти даже украсил браслет золотыми бусинами, потом, когда они надоели, бусины убрал... Но браслет-то остался!

Сняв его, Джей-Ти принялся сгибать и разгибать проволоку, пока не разломил одно из колец на две части. Вспоминая уроки дядюшки, изготовил из куска проволоки некое подобие отмычки и начал возиться с замком, то и дело прислушиваясь, не идет ли кто по коридору.

Замок не поддавался. Взломщика из Джея-Ти и в самом деле не вышло бы, прав был дядюшка Маркус... Выругавшись, бывший рэпер отшвырнул в сторону проволоку и опустил руки. Что же делать? Время уходит. Если охранникам Солт-Лейк-Сити не удастся поймать Расти, то они скоро придут сюда и займутся им. Просто от злости.

Джей-Ти снова выругался.

– Чего это ты, приятель? Моя мамаша заставляла за такие слова вымыть рот с мылом и прочитать десять страниц из Библии.

Абрахам заглядывал в камеру из-за угла, расплывшись в щербатой улыбке.

– Что, поймали?! – тревожно спросил Джей-Ти.

– Кого? А, белого парня с девчонками? Нет, еще ловят. Но не уверен, что у них получится удрать из города. Я вообще давно не видел, чтобы все так переполошились.

– Слушай... – Джей-Ти помолчал, пожилой негр внимательно смотрел на него в ожидании. – А мне никак нельзя отсюда удрать?

– Хм... – нахмурился Абрахам. – Ключей у меня нет, если ты вдруг про них.

– А сломать замок ничем нельзя?

– Замок? Если только у тебя есть отмычка.

– Отмычка у меня есть, – признался Джей-Ти. Уборщик выглядел вполне доброжелательным, да и терять уже было нечего. – Только ни хрена не получается...

– Ты что, сидел? – спросил Абрахам.

– Н-нет...

– А я сидел. В Сан-Квентине, в Синг-Синге¹... Давай сюда свою отмычку.

Джей-Ти нашел на полу выброшенную в сердцах проволочку и протянул Абрахаму. Тот со знанием дела повертел ее в руках, что-то поправил сильными пальцами и всунул в замок. Щелчок, еще один...

– Готово, – с чувством собственного достоинства произнес негр, сдвигая дверь в сторону. – Вали отсюда, приятель.

– А ты как же?!

– А я останусь. Все равно никто не подумает, что я тебе помог. Меня почти не замечают, и это хорошо. Кстати, дай-ка я закрою дверь обратно. Пусть эти сукины дети подумают, как это ты так выбрался из закрытой камеры, словно Гудини².

Джей-Ти оглядел коридор. В обе стороны тянулись такие же камеры, совершенно пустые. Абрахам закрыл замок, а импровизированную отмычку сунул в карман.

¹ Сан-Квентин, Синг-Синг – известные американские тюрьмы

² Гарри Гудини (1874 - 1926) - знаменитый американский иллюзионист, прославившийся сложными трюками с побегами и освобождениями

– Куда мне идти? Что посоветуешь?

– А вон туда, – махнул рукой Абрахам. – В конце дверь, она не закрывается. Там будут мусорные баки, если получится и никто не засечет – перелезай через забор. Дальше сам. Если собираешься идти к озеру – двигай на север, там есть указатель на перекрестке. Точно так же поймешь, где остальные части света. Если тебя поймают, про меня ни слова, понял!

– Сдурел? – обиделся Джей-Ти. – Ладно, спасибо за помощь, Абрахам. Если доведется, постараюсь отплатить тебе тем же.

– Удачи, парень.

Бывший рэпер пожал уборщику руку и направился в указанном направлении. Действительно, снаружи стояли несколько мусорных баков, от которых воняло тухлятиной. Вокруг никого не было. Не теряя времени попусту, Джей-Ти взобрался на бак, ухватился за край кирпичной стены, подтянулся и огляделся.

За стеной была темная улица. Где-то далеко слышались звуки сирен, на стенах мелькал отсвет прожекторов. А здесь была тишина. Видимые в свете луны дома выглядели заброшенными, посередине проезжей части ржавели несколько автомобилей со снятыми колесами. Похоже, в этой части города никто не жил. Почти никто – поправился Джей-Ти, заметив маленького чернокожего пацана, с интересом наблюдавшего за ним из-за помятого «Понтиака».

Бывший рэпер перебрался через стену, прыгнул вниз и, добродушно помахав пацану рукой, отправился на север, к озеру Солт-Лейк.

...Патрульный «хаммер» остановился. Из открывшейся дверцы прыгнул человек в форме и, держа наготове М-16, осторожно двинулся к лежащей в свете прожектора женской фигуре.

Из другой дверцы вылез еще один, громко спросив:

– Что там такое, Клем?

– Баба, – отозвался первый. – Не пойму, живая или нет...

– Из тех, что мы ищем?

– Не видно. Она мордой вниз лежит.

Клем подошел поближе и аккуратно потыкал лежащую ствол винтовки. Второй сделал шаг вперед.

– Мертвая?

– Сейчас... – Клем закинул винтовку на плечо и опустился на корточки. В тот же момент Шибанов бросился из темного проулка к «хаммеру» и с размаху припечатал второго члена экипажа грудью к борту автомашины. Подобные столкновения с учетом массы и разгона Ростислава на хоккейном корте часто заканчивались для того, в кого он врезался, переломами ребер. На солдате Мастера был надет кевларовый бронежилет, но от удара воздух выбило у него из легких. Рывком развернув солдата лицом к себе, Шибанов коротко ударил его в лицо, отправив в нокаут.

Клем хотел было вскочить, но ему в живот уперся пистолетный ствол. Быстро перевернувшись, Мидори с улыбкой произнесла:

– Приве-ет!

Клем молчал, боясь пошевелиться и зная, что при выстреле в упор из «дезерт игла» бронежилет его не спасет.

Атика, выскользнувшая из того же темного проулка вслед за мужем, быстро освободила обоих солдат от оружия. Затем Ростислав велел им раздеться. Точнее, второй до сих пор валялся без чувств, и снимать с него обмундирование пришлось все тому же Клему.

– Не стреляй, крошка, – робко попросил Клем, зябко ежась в грязной майке и белых боксерских трусах перед Мидори, не опускавшей пистолета. У второго трусы оказались розовыми в цветочек и с кружевами по краю, что заставило Ростислава усомниться в моральных качествах армии Солт-Лейк-Сити. Правда, отношение к геям в армии США было вполне терпимым еще до Катастрофы, так что ничего удивительного...

– Надевай, – кивнул Шибанов на кучу одежды. Атика, безразлично морщась, натянула на себя куртку и брюки Клема, который был поменьше и посубтильнее своего спутника. Ростислав

напялил второй комплект, заставил Атику надеть бронежилет, затем связал солдатам руки и ноги специальными пластиковыми полосками, обнаруженными в бардачке «хаммера».

– В какой стороне ближайший выезд из города? – спросил он у Клема.

Тот молчал, и тогда Ростислав поманил к себе Мидори. Девочка подошла и направила в лицо Клему пистолет, держа его двумя руками.

– Мы торопимся, – пояснил Ростислав. Клем испуганно заморгал глазами и сказал:

– Ближайший – если сразу свернуть направо и проехать мимо большого торгового центра... потом налево...

– Охрана?

– Шесть человек... сейчас, наверно, б-больше, потому что объявлена т-тревога... из-за вас...

– Ворота укреплены? На таран сможем взять?

– Нет-нет, – замотал головой Клем. – Ворота крепкие, «хаммером» вы их не выбьете...

– Как еще можно выбраться из города?!

Клем судорожно сглотнул.

– Как еще можно выбраться из города?! – угрожающе повторил Ростислав. Мидори щелкнула предохранителем.

– Н-никак... Только через ворота...

Ростислав пожал плечами и заткнул Клему рот кляпом, свернутым из его же носка. Они оттащили солдат подальше в проулок, после чего Ростислав сел за руль. Атика в форме поместилась рядом, Мидори – позади. Прожектор они тут же вырубили, чтобы не привлекать лишнего внимания.

– Отлично сработали, – заключила Мидори. Шибанов не уставал удивляться способностям девчонки, но еще больше – ее милой кровожадности. Пожалуй, в этом мире Мидори прижилась куда быстрее и комфортнее, чем они все. Дети адаптируются быстрее? Может быть. А может, японская кровь. Самурайские гены.

– Отлично-то отлично, – сказал он, – но что теперь делать? У нас есть «хаммер» с пулеметом, есть две автоматические винтовки, пистолеты. Но взять штурмом ворота мы не сможем – нас расстреляют из гранатомета или перебьют по одиночке, если мы попытаемся прорваться без машины.

– Значит, надо найти другой путь, – Атика поправила ремешок шлема. – Это все-таки не крепость, а простой город. Вернее, кусок простого города, огороженный стеной. Не везде же они охрану выставили?

– Может и не везде, но, не зная ничего, мы очень рискуем. В конце концов, расставить посты так, чтобы перекрывать весь периметр стены, труда не составляет.

Мидори заерзала на заднем сиденье:

– Неужели нет способа?

– Есть, – неожиданно осенило Ростислава. – Канализация!

– Канализация? – одновременно переспросили девушки.

– Я с детства увлекался хоккеем. Соответственно – зимними Олимпийскими играми. Помню много всякой ерунды обо всех «белых Олимпиадах», само собой запомнилось... Так часто бывает – что-то полезное запомнить трудно, а разная белиберда хранится в голове на каких-то специальных полочках... Так вот, я читал, что когда в Солт-Лейк-Сити была зимняя Олимпиада, все канализационные люки на улицах города подключили к единой сети оптико-волоконной связи, позволяющей из командного центра контролировать их положение в реальном времени. Понятное дело, что эта система давно уже не работает, скорее всего, ее сразу после Олимпиады демонтировали. Но канализация-то осталась! А ведь эти подземные коммуникации проложены подо всем городом и соединены между собой!

– Не может быть, чтобы их не охраняли, – усомнилась Атика.

– А зачем охранять? На самом деле крепость Мастера предназначена для защиты извне, и уже во вторую очередь – для того, чтобы

не позволить кому-то отсюда сбежать. Да я и не думаю, что отсюда многие бегут. Скорее всего, население очень даже счастливо.

– Ну, это их проблемы, – проворчала Мидори и хмыкнула. – Значит, полезем в дерьмо?!

– Да. Бросаем машину, ищем ближайший люк и спускаемся под землю. Единственная сложность – нельзя потерять направление, иначе будем кружить по тоннелям бесконечно. Мидори, в бардачке я видел маркер, возьми его. Пригодится ставить отметки.

– Есть! – воскликнула девочка.

– В таком случае идем искать торговый центр, он будет отправной точкой. Как там сказал наш приятель Клем? От него налево. Вот и постараемся сделать то же самое, но только под землей.

Атика вздохнула:

– Бросаем машину и уходим?

– Зачем идти? До центра мы можем с комфортом доехать на «хаммере», никто не обратит внимания. Подумают, что патруль, тем более зря вы, что ли, надевали форму этих ублюдков?

– Иногда я тебя боюсь, Ми, – со смехом призналась Атика и обняла девочку.

Торговый центр они нашли сразу, его трудно было не заметить. Попадшиеся навстречу два таких же «хаммера» их не остановили, лишь помигали фарами. Маскировка работала исправно.

Огромное здание было, разумеется, заброшено. Без огромных стеклянных блоков оно выглядело уныло и напомнило Ростиславу замороженное строительство начала века в Москве. Такие же пустые бетонные блоки, правда, огороженные забором, на котором время от времени появлялись яркие граффити. Все граффити были на английском языке, чтобы выдержать стиль. А ведь граффити именно в том виде зародились в Америке, в Нью-Йорке, как часть хип-хоп культуры. И те граффити на российских стенах заимствовали их стиль.

Ростислав вздохнул. Мидори же с грустью посмотрела на развороченный автомат «кока-колы» на входе – ей вдруг отчаянно

захотелось глотнуть этой известной всему миру газировки. А ведь ее придумали тоже в Америке... Сглотнув слюну, девочка сердито отвернулась – она давно дала себе слово не поддаваться мимолетным слабостям.

Погруженные почти в одни и те же мысли, они молча доехали до въезда на стоянку, которая находилась под зданием центра. Шлагбаум давным-давно кто-то снес, и Шибанов, не останавливаясь, поехал вниз.

Загнав машину на стоянку, где она не слишком выделялась среди десятков брошенных еще во время Катастрофы автомобилей, они принялись искать канализационный люк. Он обнаружился здесь же, на стоянке, недалеко от распахнутых и покореженных дверей лифта. Сдвинув тяжелую крышку, Ростислав посветил вниз фонариком, найденным в «хаммере». В глубину уходили вмурованные в стену металлические скобы, метрах в пяти виднелось бетонное дно трубы.

– Спускаемся, – сказал он. – Атика, ты первая, потом Мидори, а я закрою за нами люк. Незачем оставлять такие явные следы. Хотя сюда вряд ли кто заглядывал уже кучу времени. И вряд ли заглянет.

– Надо было снять с джипа пулемет, – укоризненно сказала Мидори.

– Он весит килограммов сорок, и без станины отдача унесет меня в Монтану. Поэтому обойдемся тем, что у нас есть.

Шибанов передал жене фонарь и та, цепляясь стволом винтовки за стенки узкого люка, полезла вниз. Подождав, пока за Атикой последует Мидори, Ростислав спустился следом и задвинул крышку.

Солт-Лейк-Сити исчез.

Теперь они были под землей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Были сборы недолги...

– Вот, – сказал начальник службы безопасности Олег Санич, садясь в кресло и кладя на стол перед Гумилевым тонкую пластиковую папку. – Вся группа в сборе. Я имею в виду, группа, которая будет работать непосредственно на интересующем нас объекте. Остальная часть специальной миссии ООН будет утверждаться академиком Делиевым, как вы и просили.

– Да, – кивнул Гумилев, – мы особо обсудили этот вопрос с Владимиром Владимировичем. Тем более в сложившейся ситуации... До научной части у меня явно руки не дойдут, хотя, если честно, было бы весьма любопытно. Впрочем, оставим это Игорю Синцову, на то он и микробиолог плюс вирусолог.

– Кесарево – Кесарю, – поддакнул Санич. Гумилев с интересом посмотрел на него и раскрыл папку. Невзирая на упреки за старомодность – мол, в век компьютеров перелистывать бумажки просто глупо – он любил читать важные документы именно с листа, а не с экрана.

– Это кто? – сухо спросил Гумилев, помахав в воздухе первой страничкой.

– Я... – смущенно произнес Санич.

– А я-то думаю, кто такой! А заранее согласовать со мной ты не собирался?

– Я подумал, что автоматически должен лететь с вами... В конце концов, меня должность к этому обязывает. Я вас одного не отпускаю, Андрей Львович. Хватило с меня Арктики...

– Хорошо, хорошо, – примирительно сказал Гумилев и, не читая, перевернул лист с данными по Саничу.

– Володя Лобачевский, – прокомментировал Санич следующего кандидата. – Вы его знаете, из моих. Бывший десантник, капитан.

– Лобачевского знаю, толковый мужик, – согласился Гумилев. – Великому математику Лобачевскому не родственник?

– Нет, Андрей Львович, – с улыбкой ответил Санич. – Не вы первый спрашиваете.

– Этого берем. Та-ак... – Гумилев взял очередную страничку. – Оксана Иванова.

– Наш новый кадр. Уникальная девушка, мастер спорта по трем видам единоборств, рукопашному бою, отличный стрелок... Переманил из очень серьезной конторы. Даже поссорился с хорошими людьми, пришлось потом поляну накрывать совершенно астрономическую, чтобы не обижались за кражу ценных кадров.

Иванова была красивой. Даже очень красивой. С короткой мальчишеской стрижкой, немного нагловатым выражением лица типа «Да, я такая, и чо?!», едва заметным шрамом на правой скуле. Тридцать лет. Поди ж ты, а больше двадцати не дашь...

– Не боишься, Олег? Сам знаешь, куда отправляемся...

– Вот и проверим, Андрей Львович. Под мою личную ответственность.

– Ты часом не влюбился?! – подмигнул Гумилев. Санич покраснел и возмущенно воскликнул:

– Что вы такое говорите?! Да если бы и так, чего бы я тогда с собой ее тянул в такое пекло?!

– Ладно, – заключил Гумилев. – Коли под твою ответственность, то берем... Слушай, давай я пролистаю твоих бойцов, а? Ты их лучше знаешь, чем я, тебе и карты в руки. Если что не так – на месте и взыщу, ты меня знаешь. Договорились?

– Договорились, – Санич обошел стол, встал рядом с Гумилевым, наклонился и пролистнул несколько страниц. – Моих тут

пятеро, не считая меня самого... Чтоб знали – там среди них Грищенко.

– Старый знакомый! – Гумилев вспомнил капитана, с которым искал в тайге пропавшую жену Еву. Человек был весьма толковый, и Гумилев поручил тогда Саничу любыми путями забрать Грищенко к себе. Санич забрал, многократно хвалил бывшего капитана, но работал Грищенко на объекте в Сибири и с Гумилевым ни разу больше не пересекся. Вот, стало быть, и выпал случай...

– А вот это – ученые, – продолжал Санич. – Те, которые пригодятся именно нам, а не миссии ООН и академику Делиеву.

– А вот и ученые... из пробирки извлеченные... – рассеянно пробормотал Гумилев нехитрый стихотворный экспромт. Он прекрасно понимал, что без ученых в Зоне 51 ему делать нечего, но внутренне опасался брать с собой необстрелянных гражданских людей. Рисковать собой он мог, имел право, а вот подставлять под удар других... Да, есть понятия «долг» и «обязанность». Но следовало признать, что с Закрытой Территории могут вернуться не все. А могут и все не вернуться. Нет, пессимистом Гумилев себя не считал, но и сквозь розовые очки смотреть на жизнь разучился давно и бесповоротно.

– Нестор Тарасов... – Гумилев внимательно рассматривал симпатичное, но немного усталое лицо. Двадцать пять лет. Сотрудник вирусологической лаборатории. Ни разу не попался на глаза, хотя Гумилев, конечно же, и не мог знать всех своих сотрудников, тем более низшего звена. – Кто рекомендовал?

– С учеными сложнее, Андрей Львович. Вначале я отбирал по чисто физическим параметрам. Специально провели ряд тестов – разумеется, ничего не объясняя, просто, дескать, нужда возникла. Потом устроили спартакиаду по отделам. Оно и полезно – кто жирок подрастряс, кто мышцы накачал чуток... А уже после всего этого я тех, кто проходил по всем

пунктам, обсудил с начальниками отделов, лабораторий, секторов. Отобрали уже с профессиональной точки зрения всех, кто мог пригодиться согласно вашей разнарядке. Вот набрали. Тарасов, в частности, специализируется по онкологии, добился уникальных результатов, его шефу слов не хватало его расхваливать.

– Онкология? А зачем нам онкология?

– Это у него побочное. На самом деле специалист по вирусам. Классный специалист. Плюс хорошее знание английского.

– Хорошее знание английского, не говоря уж о русском, должно быть у любого образованного человека, – наставительно произнес Гумилев. – Твои бойцы, кстати, когда начнут массированно изучать языки? Ты мне давно обещал. Выполнил? А, Робокон?

– Мы помаленьку уже начинаем, Андрей Львович, – сказал, кашлянув, Санич. Гумилев прекрасно понимал, что начальник службы безопасности врет, но журить его не стал, не время. Тем более теперь, раз Гумилев показал, что помнит о своем внесенном вскользь пожелании, то Санич исполнит его непременно и на двести процентов.

– Берем Тарасова, раз такое дело... Кто у нас следующий? Следующий у нас Игорь Синцов. Ну, этот «Армагеддоном» занимается с самого начала, его грех не взять.

На Гумилева глянуло длинное сухое лицо психолога Артемьева. Его он хорошо знал.

– Артемьев? Я думал, он не пройдет тесты по физподготовке и врачебный осмотр.

– Как видите, прошел.

– Сложный человек, но полезный. Ой, помотает он нам нервы... Но с ним лучше, чем без него. Рад, что Артемьев прошел. Я грешным делом его даже и приглашать не стал, думал, пожилой человек.

– Этот пожилой человек, Андрей Львович, при мне на спор пятьдесят раз подтянулся.

– Ну так и молодец. Э-э... А это еще кто? Ксенобиолог²... Я вроде бы всех наших ксенобиологов знаю.

– А это и не наш. Прикомандирован лично Решетниковым.

– Индро Вессенберг... Эстонец?

– По отцу. Там все написано.

– Если это человек Решетникова, написанному можно и не верить. Хотя что это я, эстонец так эстонец. Хоть папуас, лишь бы специалист был хороший. Ишь ты, он еще и криптозоолог³! С учетом того, что нас может ожидать в Зоне 51, весьма и весьма благодарен Решетникову.

– Кстати, он звонил недавно. Сказал, что с нами не летит, прибудет в Твин Фоллз немного позже. Из прочего – с нами очень просился Дмитрий Краснов. Тот, который вас в свое время взорвать хотел.

– Я помню, Олег. Обижаешь. И что с ним?

– Не прошел по физике. Сердчишко у парня не ахти... – сокрушенно развел руками Санич.

– Вылечить. Если нужно – сделать пересадку. Скажи... Впрочем, не надо, я сам распоряжусь. А пока его можно приставить к Делиеву, у академика есть чему поучиться. Они будут под надежной охраной, надеюсь, там ничего серьезного не случится. Естественно, на Закрытую Территорию мы его не возьмем ни под каким соусом.

Гумилев еще раз пролистал страницы папки и вернул ее Саничу, сказав:

– Не буду я все подробно читать. Одних и без того хорошо знаю, других ты хорошо знаешь, третьих – как этого Вессенберга – нам все равно навяжут. На чем летим, разобрались?

– Военный борт. АН-124-210 «Руслан», тяжелый дальнемагистральный транспортник. Вылет с военного аэродрома Сеща

² Ксенобиология - наука о формах жизни внеземного происхождения

³ Криптозоологи – люди, занимающиеся поиском животных, которые в биологии считаются легендарными, вымершими или несуществующими, как например, динозавры, чупакабра или снежный человек

в Брянской области. Вы летите с нами или на собственном «джете»?

– Знаю такой аэродром. Конечно, лечу вместе со всеми. Когда определится точное время вылета, проинформируй. И скажи там, пусть машину подадут. Покачу домой, обещал Маруську в цирк сводить.

...На сцене прыгал разноцветный клоун в огромных башмаках и с красным носом. У клоуна не получалось сыграть на рояле – то из-под клавиш брызгали ему в лицо струйки воды, то вместо музыки слышалось разъяренное мяуканье, и из инструмента выбегала целая стая кошек, а в конце концов рояль и вообще развалился, после чего шпрыхталмейстер выгнал клоуна вон, а бутафоры унесли черные доски за кулисы.

Маруся весело смеялась и скакала на кресле рядом с Гумилевым, хлопая в ладоши. Периодически она пихала отца локтем в бок:

– Па! Смешно же!

Гумилев вымученно улыбался и тихо говорил дочери:

– Марусь, я, наверное, старый для этого и этих шуток не понимаю. Это же для детей...

На что Маруся, хитро улыбаясь, заявила:

– Да знаю я, что для детей! Я этот номер видела, когда мне еще три года было! Мы еще тогда в цирк с мамой ходили... – и осеклась, помрачнела, закусила губу.

Гумилев расстроился – называется, привел ребенка в цирк порадоваться. Почему ж всегда все наперекосяк?! Но пока думал, что сказать и не уйти ли вообще, Маруся оживилась и снова хохотала над тем, как потешная болонка отбирала у бутафора кольца и еще какие-то причиндалы, которые он раскладывал на арене для следующего номера. Гумилев облегченно вздохнул и мысленно пообещал сделать дочери какой-нибудь подарок, какой только попросит. Тем более что вскоре им предстояло расстаться, и кто знает – надолго ли...

Сам Гумилев цирк никогда не любил: животные казались ему уставшими и измученными, шутки – несмешными, выступления гимнастов и разных там фокусников – неинтересными. Но Маруся все это любила, и Гумилев старался по возможности ходить с ней.

– Ты чего такой задумчивый, папа? – заботливо спросила Маруся, пока сцену готовили к выступлению эквилибристов.

– Работы много, милая. Скоро полетим в Америку, нужно серьезно подготовиться.

– Это туда, где все люди болеют?

– Да. Мы хотим им помочь. Придумаем лекарство, ну и еще кое-что надо там сделать. опередить злых людей, пока они не совершили очень плохой поступок.

«Что я делаю?! – подумал Гумилев мимолетно. – Рассказываю восьмилетней девочке о секретном проекте».

– Папа! Ты прямо со мной как с маленькой разговариваешь – «злые люди»! Кто они? Бандиты? Или преступники?

– Не знаю, Маруся. Честно не знаю – бандиты они, преступники или вообще непонятно кто такие... Давай не будем об этом. Считаю, я ничего не говорил, ладно?

Маруся нахмурилась:

– Нет, папочка, не ладно. Я буду волноваться. А если эти «злые» будут в вас стрелять? Между прочим, в кино злые всегда стреляют, – сказала Маруся. Она действительно смотрела очень много фильмов, старых и современных. Ева в свое время пыталась это ограничивать, но потом... Потом Гумилев решил, что умный ребенок сам разберется, что ему смотреть, а что – нет. Разумеется, всякую заведомую эротику с порнографией он отсек, зато исторические фильмы, боевики, фантастику и даже разный там артхаус разрешал.

– Если злые будут в нас стрелять, мы будем стрелять в них, – ответил Гумилев. – К сожалению, жизнь – такая штука, что иногда приходится стрелять.

– Ух ты! А можно мне с тобой полететь в Америку?

Гумилев улыбнулся.

– Нет, Марусь, никак нельзя. Во-первых, туда летят только взрослые, которые будут заниматься определенной работой. Кто-то – вирусы исследовать, кто-то – придумывать лекарство, кто-то – наблюдать за экологией, готовить еду, ремонтировать технику. Во-вторых...

– Я тоже умею готовить еду! – возмутилась Маруся. – Я позавчера борщ варила!

Результатом приготовления борща стали до потолка загаженная кухня и примерно поллитра неаппетитной на вид густой бурды, которую Гумилеву пришлось съесть, рассыпаясь в благодарностях. Справедливости ради следовало сказать, что бурда оказалась неожиданно вкусной, хотя и на редкость неприглядной.

– Ты же не все умеешь готовить. А вдруг кто-то борщ не захочет, а захочет гречневую кашу?

– Нет, кашу я не умею, – подумав, сказала Маруся. – И стрелять я тоже пока еще не умею.

– Вот видишь!

– Ладно, тогда обещай мне, что ты будешь там себя хорошо вести, поможешь, кому надо, и прилетишь обратно. А злых, если попадутся, вы застрелите.

– Обещаю! – сказал Гумилев, торжественно поднимая руку. – А теперь давай смотреть дальше, а то мы разговариваем и другим мешаем.

Эквилибристы вертелись на каких-то блестящих приспособлениях под рукоплескания публики, а Гумилев просчитывал в уме, все ли необходимое ушло в погрузку. Здоровенный «Руслан» мог поднять сто пятьдесят тонн груза – вроде бы достаточно, но это как поездка в командировку: все равно забудешь или зубную щетку, или бритву. Разумеется, какое-то оборудование предоставляла принимающая сторона, но беда была в

том, что часть груза никак не предназначалась для глаз американцев.

Особенно это касалось оружия и полевой амуниции. После длительных консультаций с Решетниковым было решено брать с собой только американское стрелковое оружие. Во-первых, оно не вызывало излишних подозрений. Во-вторых, в случае соприкосновения с вероятным противником давало возможность использовать трофейные боеприпасы. Накануне вылета Санич должен был провести специальный курс стрелковой подготовки со всеми членами группы. То-то удивятся господа ученые, подумал Гумилев. А может, и не удивятся. Они ведь прекрасно представляют себе, куда летят и что их там может ждать. Закрытая Территория – это, по сути, сплошная ловушка, где на тебя могут напасть все, кто угодно, от диких зверей до одичавших людей.

С американской стороны, по информации все того же вездесущего Решетникова, их должны были сопровождать федеральные агенты Ковальски и Маккормик. Официально об этом заявлено еще не было, но какие-то неведомые источники уже были в курсе. Конечно же, ни Маккормика, ни Ковальски с собой в Зону 51 брать не собирались. Точно так же пока не был решен вопрос о переброске группы в Неваду на базу Неллис. Гумилев не представлял себе, что придумали ребята Решетникова – угон вертолета или пеший поход. Чего-чего, а бардака на границе с Закрытой Территорией не наблюдалось – периметр жестко отслеживался на предмет проникновения инфицированных. Помимо сухопутных патрулей, вертолетов и беспилотников незримую границу уже пару месяцев охраняли «Итеры».

Название «Энергетически автономного тактического робота» (Energetically Autonomous Tactical Robot), разработанного компанией Robotic Technology еще в 2009 году, для удобства было сокращено до многозначительного EATR (почти что eater, по-английски – «едок»). «Итер» был способен находить и заглатывать биомассу, и извлекать из нее энергию, используя раз-

личные органические источники. Он мог питаться и традиционными видами топлива, причем почти любыми – бензином, керосином, дизелем, нефтью, пропаном, углем. Но изначально робот был рассчитан на пожирание животной органики – в частности, трупов людей и животных.

В мирное время определенные этические нормы не позволяли запустить «Итеров» в широкое производство и тем более – в активное использование. Роботы-людоеды еще на стадии разработки вызвали нездоровый ажиотаж, когда информация просочилась к газетчикам. Но после Катастрофы выбирать не приходилось. Северо-Американский Альянс решил на использование «Итеров» после того, как в одной из частей Национальной Гвардии, охранявших периметр, поднялся бунт – гвардейцы отказались стрелять в людей, просивших помощи.

С «Итерами», по информации опять же Решетникова, возникла масса проблем. Некоторые отрубились и начали существовать автономно, не подчиняясь приказам операторов. Другие перестали распознавать сигнал «свой – чужой», устраивали перестрелки с гвардейцами и солдатами регулярной армии. Третьи вели себя пристойно, но иногда «сходили с ума» – в том же Айдахо, куда предстояло лететь Гумилеву, робот прямо на базе сожрал трех солдат и капрала.

– Папочка, папочка! – закричала Маруся, отвлекая Гумилева от мыслей о плотоядных роботах. – Купи мне такого котика!

На арене лохматый манул прыгал через кольцо.

– Купим, – рассеянно пообещал Гумилев. – Только пообещай, что на руках не будешь таскать, он кусучий.

– Хорошо, не буду! – радостно закивала Маруся.

Что-то там еще было насчет одичавших пум, вспомнил Гумилев применительно к «котику». Даже не просто одичавших, а мутировавших. Самка пумы рождает четырежды в год, сущее раздолье для мутаций...

Из цирка он ехал все в той же задумчивости, автоматически отвечая на марусины вопросы, порой совершенно не впопад.

– Папа! Так что, купишь мне котика? Ты пообещал!

– Да-да, – рассеянно сказал Гумилев.

– Тогда почему мы уже подъезжаем к дому? – требовательно спросила Маруся.

– Как почему? – растерялся Гумилев, – потому что уже поздно и...

– Ничего не поздно! Мне же нужен кто-то, кого я буду воспитывать, пока ты будешь в Америке!

– Маруся, я же не сегодня уезжаю в Америку... Да и где мы сейчас найдем тебе манула?! Это не быстро делается. Мне нужно позвонить специальным людям...

Маруся хитро улыбнулась:

– Да ладно, пап, не нужен мне манул. Раз он кусучий. Давай купим просто котика в торговке, это же рядом. Там есть такой отдел, где рыбки продаются, птички и котики!

Но зоомагазин в торговом центре уже закрылся, и через стекло на посетителей грустно смотрели хомячки, белые мыши, махонький кайман и три шиншиллы. Котят не было совсем, но Маруся все равно расстроилась. Пришлось Гумилеву клятвенно пообещать дочке, что завтра, прямо с утра, они отправятся за котенком в магазин.

Дома Гумилев отправил Марусю умываться и надевать пижаму, сказав, что скоро зайдет пожелать спокойной ночи. И тут же набрал Саню.

– Олег, выручай. Маруське срочно кот понадобился, воспитывать его будет, пока я в отъезде.

– Да без проблем, Андрей Львович. А какой кот? Породистый?

– Она вообще манула хотела, в цирке на мою голову увидела. Но манула, пожалуй, все-таки не надо. Да и вообще возни с этими породистыми... Ну их. Пусть будет обычный котенок. Посимпатичнее найди, да и все. Только надо, чтобы он утром здесь уже был, к тому времени, как она проснется.

– Сделаем, Андрей Львович. Знаю я, где кота взять. И то, хорошее дело – некогда девочке скучать будет с котом-то.

Гумилев положил трубку и тяжело вздохнул. Им тоже скучать не придется и без всяких котов...

Маруся уже лежала в своей кровати, чинно сложив руки на одеяле. Гумилев улыбнулся – до чего послушными делает детей обещанный подарок... Он пожелал дочке спокойной ночи.

– Спокойной ночи, папочка! Хороших снов! – прошептала Маруся свою традиционную ночную формулу. Но хорошие сны Андрею Гумилеву не снились. Снились человекоподобные роботы, пожирающие вопящих людей, простирающиеся до горизонта руины и выжженные кукурузные поля.

Утром Гумилева разбудил радостный Марусин визг. Затем дверь в его спальню распахнулась, и Маруся, вереща от счастья, стала тыкать Гумилеву в нос какой-то крошечный пушистый комок. Гумилев сел в постели, протер глаза:

– Папа! Папа! Он круче манула в стотыщпийсят раз! Можно, я назову его Мурзик?

– Ну-ка, покажи мне, что тут еще за Мурзик...

Маруся положила котенка ему на ладонь, где он, собственно, целиком и уместился. Из мягкого рыжего меха на Гумилева уставились два синих и неожиданно наглых глаза.

– Какой же он Мурзик? – удивился Гумилев. – Откуда ты вообще это имя взяла? Так котов, по-моему, с прошлого века не называют. Простенько как-то.

– А что, по-твоему, его нужно назвать Иннокентий Павлович? Или Даниил Андреевич?

– С чего это ты решила, что я думал так назвать кота? – опешил Гумилев.

– А у моего знакомого кошку звать Аделаида Петровна. Может, ты тоже думаешь, что котов так нужно называть!

– Нет-нет. Мурзик, так Мурзик, – сдался Гумилев, и Маруся, схватив котенка, понеслась его кормить.

Гумилев еще возился с выборкой из свежих газет, подготовленной референтом, когда ожил селектор.

– К вам господин Вессенберг.

– Пропустите, – велел Гумилев, сразу вспомнив эстонца-ксенобиолога.

Вессенберг вошел, благоухая дорогим парфюмом. Он был такой же, как на фотографии, только светлые волосы длиннее раза в два, чем там. Очки в тонкой золотой оправе были, скорее всего, с простыми стеклами, без диоптрий, просто для красоты. Пижон, решил Гумилев.

– Милости прошу, – сказал он, радушно указывая на кресло. Вессенберг сел и только тогда сказал:

– Здравствуйте, господин Гумилев.

– И вам не болей, – сказал в ответ Андрей. – Могли бы известить о визите.

– Я знаю, что вы не щепетильны в данных вопросах, – с едва заметным прибалтийским акцентом произнес Вессенберг. – К вам можно попасть практически с улицы.

– Теперь уже нет. Слишком много людей приходили просить денег. Из них деньги по-настоящему были нужны одной десятой, и это в лучшем случае. Один, не поверите, просил на новый «майбах».

– Дали?

– Дал. В лоб.

– Разумное действие.

Гумилев посмотрел на часы – девять с небольшим. Потом оценивающе глянул на кипу документов. На Вессенберга.

– Пьете? – спросил он. – Я не алкоголик, с утра обычно не пью, но вчера прочел в газете, что старушка в Великобритании дожила до ста десяти, каждое утро выпивая сто граммов виски. Таков рецепт ее долгожительства.

– Мы совершенно не старушки, потому предлагаю выпить по сто пятьдесят, – не чинясь, сказал эстонец.

Гумилев достал из ящика стола – на самом деле это был, скорее, встроенный бар – бутылку «макаллана» и налил в стаканы на три пальца. Чокнулись, пригубили.

– Хорошее начало, – отметил эстонец.

– Вы в самом деле ксенобиолог? – напрямую спросил Гумилев, ставя стакан прямо на стопку бумаг.

– Ну не понарошку же.

– Нет, я не в том смысле... Видите ли, даже у меня в штате есть несколько ксенобиологов. Более того, они даже изучают определенные вещи. Вполне материальные. Но толку от этого я не вижу. Поэтому и спрашиваю, перефразируя – вы настоящий ксенобиолог?

– Я неоднократно работал с вполне материальными объектами, – уклончиво ответил Вессенберг. – Не могу рассказать вам более детально. Может быть, потом. На месте.

– На месте, я надеюсь, у нас будут под рукой свои материальные объекты, если вся информация о Зоне 51 окажется реальной... Вы сами-то верите?

– Отчего же не верить. Свято место пусто не бывает. Нет дыма без огня.

– Вы, часом, еще не филолог? Пословицами разговариваете.

– Хобби, – с виноватой улыбкой сказал Вессенберг. – Я их коллекционирую. Поневоле запоминаю и использую в повседневной речи.

Эстонец-ксенобиолог разговаривал довольно странно, словно компьютер. Эта манера Гумилева не покорила, а напротив, позабавила. Он был уверен, что плохого человека Решетников в группу не посоветует. Эксцентричного – да, запросто. Но и сам Гумилев был эксцентричным с точки зрения других. Рыбак рыбака видит издалека? Черт, вот и он заговорил пословицами. Неужто заразно?!

– И почему вы ко мне пришли?

– Представиться. И сообщить, что в группе я буду являться вашим непосредственным заместителем.

– А вот это мне уже не нравится, – насупился Гумилев. – У меня есть Санич. Человек, прошедший огонь, воду и медные трубы. Робокон, которому я всесторонне доверяю. Вас же я, простите, при всем уважении вижу в первый раз.

– Я ожидал такое непонимание, – с готовностью закивал Вессенберг, вертя в пальцах стакан с «маккаланом». – Решетников предупреждал меня, что вы сложный человек. Однако вы не должны забывать, кто стоит за организацией вашего, э-э, анабазиса⁴. Поэтому у нас есть определенные просьбы и условия.

– Черт с вами, – сказал Гумилев сурово. – Кто вы по званию хотя бы?

– Ксенобиолог, – расплылся в широчайшей улыбке эстонец. – А Санич?

– Начальник службы безопасности, – парировал Гумилев.

– Таким образом, кадровый офицер у нас в составе группы только один – Решетников.

– Не понял. Решетников идет с нами, но мой заместитель – вы?

– Я только что об этом сообщил. Так будет удобнее во всех отношениях.

Гумилев решил, что сейчас задавать еще какие-то вопросы бессмысленно – его посетитель слишком уклончив и осторожен, лучше уж потом поговорить с более открытым для диалога Решетниковым. Заместитель так заместитель, какая разница, в конце концов.

– Как вас, простите, по имени-отчеству? Я видел личное дело, но запомнил.

– Индро Юльевич.

⁴ Анабазис (греч.) - отступление, военный поход из низменной местности в более возвышенную

– Очень приятно. Андрей Львович. Итак, вы пришли представиться и сообщить, что у меня появился заместитель. Ваши функции в группе?

– Все, что касается Зоны 51 и того, что мы в ней обнаружим. Организационная часть полностью остается за вами.

– Туда еще пробраться надо, – задумчиво произнес Гумилев.
– Вы же не думаете, что это будет легкая пешая прогулка? Я видел результаты спутниковой съемки – база не безжизненна, там кто-то есть. И этот кто-то вряд ли ждет нас с распростертыми объятиями.

– Давайте решать проблемы по мере их поступления, Андрей Львович.

Вессенберг поставил недопитый стакан на край стола.

– Собственно, у меня все, – сказал он. – Если возникнут вопросы, всегда можете связаться со мной через Решетникова. Если нужно будет подъехать – я тут же подъеду.

– В таком случае не смею вас задерживать.

Гумилев поднялся из-за стола и проводил гостя. Когда Вессенберг вышел, он вернулся, нажал кнопку селектора и произнес:

– Олег, зайди, пожалуйста. И захвати дело эстонца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На земле и под землей

Признаться, в канализации Ростислав Шибанов сроду не был.

В детстве имел такой шанс, когда, играя в войнушку, убежал от «немцев» и наступил на люк, который рабочие халявно прикрыли какими-то тонкими дощечками. Провалившись, Ростислав уцепился за край люка и так висел, оглашая окрестности тоскливыми воплями. «Немцы» с перепугу смылись по домам, решив, что Ростик убился, поломал себе все ноги и орет перед смертью. Не исключено, что тем бы и закончилось, но мимо шел пьяненький мужичок, который извлек будущую звезду НХЛ из люка, надрал уши и дал прощальный поучительный пендель, сказавши:

– В другой раз под ноги смотри, лишенец!

Дальнейшее знакомство Шибанова с канализационными системами заключалось в чтении «Отверженных» Гюго. Описание мрачных парижских недр, по которым Жан Вальжан тащит раненного Мариуса на баррикадах во время восстания 1832 года, поразило Ростислава до глубины души. Вот и сейчас он подсознательно ожидал увидеть обросшие мхом и плесенью кирпичные стены, позеленевшие скелеты, прикованные цепями в зарешеченных нишах...

А ничего такого не обнаружилось. Сухие коридоры с проложенными по стенам кабелями и трубами напоминали обычный подвал какого-нибудь учреждения. Видимо, непосредственно как канализация они уже давно не использовались, с

самой Катастрофы, а дожди промыли стоки, унеся почти весь мусор.

Стараясь сохранять выбранное направление, Шибанов пошел вперед по узкому коридору, освещая его трофейным фонариком. По идее, здесь имелось аварийное освещение, но оно вряд ли работало, да и как его включить, Ростислав не представлял.

Девушки шли следом, тихо перешептываясь. Как и Шибанов, они тоже вряд ли когда-либо бывали в канализации. Мидори довольно долго не могла поверить, что им не приходится брести по колено в дерьме. Да и вообще, наученная горьким опытом последних лет жизни, она постоянно ожидала, что мир встанет с ног на голову и какая-нибудь дрянь случится непременно. Так что тихие и чистые подземные коридоры ее только больше настораживали.

Они продвигались довольно быстро, останавливаясь только для того, чтобы Мидори поставила очередную отметину маркером на стене.

– Я читала, что в канализационных коммуникациях водятся аллигаторы, – вполголоса произнесла Мидори, озираясь по сторонам.

– Это газетные утки, – сказал Шибанов. – Хотя как-то в Нью-Йорке, кажется, действительно поймали в канализации крокодила. Но он был маленький и убежал совсем недавно. А долго жить и тем более размножаться они в таких местах не могут, ученые это регулярно объясняют, а газетчики регулярно придумывают очередную страшилку.

– А, нет! Я не в газете читала, меня приглашали сниматься в таком кино, – припомнила Мидори. – Не помню уже, что там пошло не так. Роль охотника за крокодилом должен был играть Джейсон Стэтхэм.

Шибанов уже привык к рассказам Мидори о ее неудавшихся кинопроектах. Иногда он подозревал, что девочка все выду-

мывает, но, с другой стороны, был в курсе, что таких неснятых картин в Голливуде тысячи.

– Судя по всему, фильм не стали снимать, потому что крокодил отказался работать со Стэтхэмом? – уточнил он.

Мидори и Атика захихикали, потом жена Ростислава со вздохом пожаловалась:

– Очень хочется есть...

– Вы же поели в гостях у Мастера.

– Да я понимаю, но... Наверное, это нервное.

– Вот, – сказала Мидори, чем-то зашуршав. – Батончики. Они довольно старые, но думаю, есть можно. Шоколад же не портится?

– Где ты их взяла? – удивилась Атика.

– В джипе, в бардачке. Эти уроды плюс ко всему оказались еще и сладкоежками.

– Расти, хочешь кусочек? – спросила Атика. Ростислав покачал головой и, продолжая шагать, предупредил:

– Насколько я помню, шоколад все-таки портится. Батончику минимум два года. Вы с ним поаккуратнее.

Прозвучало это строго, но Шибанов знал, что никто батончиком не отравится. Скитания, во время которых приходилось питаться просроченными консервами, собачьим и даже крысиным мясом, дали хорошую тренировку их желудкам.

С батончиками девушки разобрались мгновенно. Ростислав про себя отметил, что у них нет воды и нет даже емкости, куда можно было бы ее налить, если вдруг вода обнаружится. Наверное, в «хаммере» валялась какая-нибудь канистра или термос, но не возвращаться же теперь назад...

Интересно, что там поделявают людишки Мастера? Шибанов, за последние пару лет нахватавшийся основ боевой тактики, оценивал их действия довольно скептически. Хотя оно и понятно: основные силы, бывшие кадровые военные, видимо, стерегут стены или отбивают атаки рейдеров, если тако-

вые случаются. Возможно, даже наносят какие-то превентивные удары, патрулируют прилегающие территории. Именно так в свое время рассказывали Ростиславу те, кто бывал в Солт-Лейк-Сити. Вокруг же Мастера сидят обычные полицейские, которые могут стукнуть по зубам человека, имея на поясе пистолет, а на плече – штурмовую винтовку. Бойцы из них никакие, и Мастер это, вполне возможно, поймет после случившегося побега.

Наверное, рвет и мечет, подумал Ростислав и улыбнулся.

Мастер не рвал и не метал.

Он стоял на балкончике третьего этажа и смотрел на просыпающийся город: черные силуэты мертвых небоскребов, далекое соленое озеро, мечущиеся по улицам лучи фар патрульных автомашин. Никаких следов беглецов не обнаруживалось, по крайней мере, Мастеру о них до сих пор никто не доложил.

Рядом в шезлонге сидел полковник Роулинсон и пил джин «Бомбей» прямо из горлышка бутылки.

– Радуетесь, что живы? – поинтересовался Мастер без особенного любопытства. Он давно уже понял, что полковник – человек непростой, и чувства, свойственные простым людям, Роулинсону не свойственны. Мастер и сам был человек непростой, что греха таить, но Роулинсоном порой втайне восхищался, хотя никогда не признался бы в этом. Потому, кстати, Роулинсон и оставался при нем кем-то вроде советника, хотя явно был способен на большее.

– Скажем так – не сильно опечален этим событием. А вот вы должны радоваться. Порой вас заносит, сэр. Подобные эксперименты ни к чему хорошему не приведут. Он мог бы выстрелить в вас.

– Не успел бы.

– В блок, крепящий эти чертовы люстры, он выстрелить успел.

– Потому и успел, что никто не сообразил, что он затевает.

– Вот-вот, а потом начался кавардак, эти идиоты едва не перестреляли друг друга, а вся троица благополучно сбежала. На вашем же «роллсе». Сколько раз я говорил, что нужно усилить внутреннюю охрану?

– Прецедентов не было, полковник... – покачив головой, сказал Мастер. – Теперь, разумеется, усилим. Дайте распоряжение капитану Долтри.

– Долтри такой же идиот, как и остальные... – с омерзением произнес Роулинсон. – Я давно уже заметил: если нужно завалить какое-то важное дело, надо поручить его военным.

– Лучшие, к сожалению, сейчас дерутся с Макриди.

Войска так называемой Республиканской армии генерала Эрвина (по другим данным, его звали Карл) Макриди доставляли массу хлопот Солт-Лейк-Сити. Что обидно, до Катастрофы Макриди был самым обыкновенным торговцем подержанными автомобилями. Это подтверждало сентенцию Роулинсона про то, как нужно заваливать важные дела, потому что штатская крыса Макриди организовал вполне боеспособную группировку, легко подминающую под себя «свободные города» и более мелкие псевдоармейские образования. Штурмовать Солт-Лейк-Сити они пока не решались, потому что на Закрытой Территории хватало добычи. Но и Макриди, и Мастер понимали, что рано или поздно им придется разобраться, кто здесь главный. И старались по возможности наносить друг другу мелкие, но болезненные уколы.

– Сэр? – заискивающе-вопросительно произнес человек, вышедший на балкон сквозь высокие двойные двери.

Мастер оглянулся – это был капитан Долтри. Легок на помине...

– Что у вас, капитан?

– Боюсь, еще одна неприятность, сэр... – капитан замялся. Квадратное лицо его выглядело бесстрастным, но Мастер знал, что Долтри боится.

– Выкладывайте, не тяните.

– Черномазый удрал.

Роулинсон отвратительно захихикал.

– Каким образом? – холодно поинтересовался Мастер.

– Не знаю. Замок закрыт, а негра в камере нет. Последним, кто его видел, был Абрахам, приносил ему пожрать, потом забирал посуду. Словно в воздухе растворился, сэр.

– Роулинсон! – Мастер повернулся к полковнику. – Заканчивайте надираться джином, пусть даже очень хорошим, и займитесь делом, которое вам по вкусу. Дано: пустая камера, закрытый замок, отсутствующий чернокожий. Решение загадки за вами. И не забудьте, что на днях нужно будет решить проблему с Лос-Аламосом.

– Охотно займусь, – согласился полковник, неуклюже выбираясь из шезлонга. Бутылку он поставил на пол и, случайно задев, разлил ароматную голубую жидкость, но даже не обратил на это внимания. – А про Лос-Аламос я всегда помню, сэр.

Долтри переминался с ноги на ногу, ожидая распоряжений для себя.

– Я вами недоволен, капитан! – сурово сказал Мастер. – Замените всех, кто сегодня упустил пленников – я имею в виду всех, кто был в зале. Отправьте в патруль за периметр, подальше. С вами я разберусь позже. Исполняйте! Если будут новости, докладывайте немедленно.

– Есть, сэр!

Долтри, заметно обрадованный тем, что расправа отложена, убежал. Роулинсон подошел к перилам балкона и посмотрел вниз, где суетились охранники, подъезжали и отъезжали автомобили.

– Вы не торопитесь, я вижу, – заметил Мастер.

– А куда торопиться? Если негра в камере нет, то его там все равно нет. Дайте подышать свежим воздухом.

Мастер хотел было поиронизировать на предмет неожиданной любви полковника к свежему воздуху, но тут неожиданно вернулся Долтри.

– Вы просили докладывать немедленно, сэр...

– Нашли?!

– Нет, сэр. Они захватили «хаммер», оружие и обмундирование. Двух наших людей связали и бросили в проулке. «Хаммер» мы пока не нашли...

– Обоих расстрелять, – не раздумывая, приказал Мастер. – Ищите машину. Задействуйте всех, кого сочтете нужным. Быстро!

– Есть, сэр!

– А вы займитесь, наконец, этим чертовым негром! – еле сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, сказал Мастер полковнику. – Я хочу знать, черт побери, куда он делся!

Джей-Ти сидел в заброшенном сувенирном магазинчике и высматривал, нет ли здесь чего полезного. Погромы, случившиеся в дни Катастрофы, и тщательные зачистки магазинов, особенно продуктовых и скобяных, регулярно производимые потом, миновали эту небольшую лавочку по причине полной непригодности ее ассортимента. Умиравшему куску цивилизации ни к чему оказались пластиковые макеты мормонского молельного дома Табернакл и собора Солт-Лейк, равно как и карты Большого Соленого озера или легкой железной дороги Метролинк. Джей-Ти перевернул пол-лавочки вверх дном, тщетно пытаясь найти карту самого Солт-Лейк-Сити, но кроме дурацких открыток с панорамой города на фоне горы ничего не нашел.

Все, что обнаружил Джей-Ти, это завалившийся под груды туристических брошюр складной нож с символикой зимних Олимпийских игр 2002 года. В качестве оружия – крайне сомнительно, но ничего другого под рукой не было.

Светало, и бывший рэпер задумался, как поступить дальше. Судя по слою пыли и целым рыболовным сетям паутины, в сувенирную лавчонку давно никто не забредал, поэтому можно было провести день здесь. С другой стороны, несколько раз осторожно выглядывая наружу, он заметил, что чернокожих на улицах довольно много. Видимо, в этом районе города они и живут. А для белого, как известно, все негры – на одно лицо. Тем более для белого, который негров не любит – а Джей-Ти пока сталкивался здесь только с подобными.

Выбравшись из магазинчика и чуть-чуть изменив внешность, можно было спокойно добраться до озера, не привлекая особого внимания. С внешностью Профессор справился легко: нахлобучил на голову зеленую бейсболку с эмблемой национального парка Антилоуп, надел дешевые солнцезащитные очки с пластмассовыми стеклами. Сверху полевой куртки пришлась как нельзя впору широкая майка с логотипом яхтклуба Солт-Лейк. Немного разорванная по шву, она не заинтересовала мародеров и валялась на пустой полке.

– Вряд ли у них тут всем раздали фотороботы, правда, братан?! – спросил сам у себя Джей-Ти и, оглядевшись, выскользнул из магазинчика.

Никто не обратил на него внимания. Бывший рэпер угадал верно: в данной части города было организовано негритянское гетто, которое охранялось спустя рукава. Хорошего здесь было мало, но имея кусок хлеба и даже выпивку по праздникам, как говорил старый Абрахам, чернокожие предпочитали эти нехитрые блага сомнительным перспективам выживания за пределами города. Разумеется, кто-то убегал, кого-то ловили и наказывали, но в целом гетто жило своей собственной, довольно спокойной жизнью. В конце концов, рассуждали многие его обитатели, их деды и прадеды как-то ведь жили в годы оголтелого расизма южных Штатов. Что поделать, если время повернулось вспять? Правильно, устраиваться по мере возможностей.

И Клем, и Роулинсон могли дать полезный совет Ростиславу и его спутницам – уходить именно через гетто. Но Роулинсон просто умолчал об этом, а Клем даже и не подумал, да и знать не знал. Поэтому Шибанов с девушками двинулись к свободе сложным путем, а Джей-Ти – довольно простым.

Он шел по растрескавшемуся тротуару, поглядывая по сторонам. Навстречу попадались в основном пожилые женщины, спешившие по хозяйственным делам, и детишки, мал мала меньше. Дети были одеты в разномастные обноски, один карапуз сидел на кевларовом армейском шлеме, который, судя по всему, заменял ему горшок.

Наверное, здесь можно было укрыться, найти оружие, пищу, узнать дорогу. Но Джей-Ти давно уже разучился вот так запросто доверять незнакомым людям, независимо от того, какого цвета у них кожа. Скорее всего, за его шкуру уже назначили награду, и не факт, что первый же черный брат, к которому он обратится с просьбой, не сдаст его солдатам Мастера за галлон виски или несколько банок консервированных бобов.

– Нет уж, нафиг, – пробормотал Джей-Ти, поправляя сползавшую бейсболку, которая была ему великовата. И только тогда обнаружил, что за ним наблюдают.

Давешний пацан, что ночью засек его лихой побег из кутузки, ехал по противоположной стороне улицы на раздолбанном велосипеде. Джей-ти узнал его по приметной прическе – голова пацаненка была местами выбрита, но выбрита весьма затейливо – под футбольный мяч. Тот мяч, который для соккера, а не для нормального американского футбола.

Велосипед был собран из разноцветных частей. Судя по раме, изначально это был «швинн» – Джей-Ти тоже катался на подобном лет в десять. Заметив, что Джей-Ти его засек, пацан развернулся и собрался было удрать, но бывший рэпер приветливо подмигнул ему и поманил пальцем.

Пацан уезжать не стал, но стоял, держа ногу на педали.

– Иди сюда, чувак! – позвал Джей-Ти. – Я ничего плохого тебе не сделаю.

– Откуда я знаю? – резонно спросил пацан.

– Я тебя первый раз в жизни вижу, зачем бы я тебе делал плохое?

Логика в этом умозаключении содержалось маловато, но пацану хватило. Он подъехал ближе и продолжал медленно двигаться параллельно идущему Джею на таком расстоянии, чтобы тот не успел его схватить.

– Тебя как звать?

– Шеммонд, – сказал пацан.

– Красивое имя. А я – Джей-Ти.

– Тоже ничего, – снисходительно сказал пацан. Ржавая велосипедная цепь отчаянно скрипела.

– И хаер у тебя прикольный. Кто тебя так подстриг? Брат?

– Сестра, – с гордостью сказал пацан, – это она сама так придумала!

– Да ладно? – поразился Джей-Ти, – девчонка, а в футболе шарит?

– Она играла за школьную команду.

– Только ни фига это не футбольный мячик у тебя на голове, чувак, – наставительно заявил Профессор. – Это мяч для соккера. Девчонкам он, может, и сойдет, а пацан должен любить американский футбол. «Нью-Йорк Джетс», «Канзас Сити Чифс», «Индианаполис Колтс»... Вот это для американских пацанов, а в соккер пусть играют девчонки и европейцы.

– Да пошел ты, – обиженно сказал пацан и явно собрался отвалить. Джей-Ти поспешил исправить положение:

– Стой, стой! Да черт с ним, с соккером. Классный причесон, клево.

Пацан передумал уезжать, но смотрел подозрительно.

– Слушай, мне помощь нужна, – сдался Джей-Ти.

– Я так и думал. Я видал, как ты удрал из Обезьянника.

- Обезьянника? Это почему вы его так называете?
- Как это почему? Там же одни белые, в этом большом доме.
- Слушай, – серьезно произнес Джей-Ти. – Белые – такие же люди, как ты или я. Среди них полно хороших и достаточно плохих. Вот скажи, среди черных много ублюдков? Таких, которые своему же брату готовы сделать гадость?
- Хватает, – признал Шеммонд.
- Та же фигня и с белыми, братан. Ладно, об этом мы как-нибудь позже побеседуем, а пока мне нужно отсюда свалить.
- А что ты натворил? Замочил кого?
- Нет, просто я пришел с запада, и город мне не понравился. А меня хотели здесь оставить против моей воли. А я этого, братан, очень не люблю.
- Кажись, понял. Это твои кореша удрали? Копы их искали всю ночь, злые были, как собаки.
- Мои.
- Белые небось?
- Один белый, его жена – такая же как мы. Еще одна девчонка – частично японка.
- Японок я люблю, – мечтательно сказал Шеммонд, и Джей-Ти едва удержался, чтобы не рассмеяться, потому что пацан внешне тянул максимум лет на десять. – Их вроде пока не поймали. А ты чего не с ними?
- Меня посадили отдельно.
- Джей-Ти проворно оглянулся по сторонам. Заболтавшись со своим новым приятелем, он совсем расслабился. Слава богу, никто внимания на них не обращал. Вот если появится патрульный автомобиль, придется прятаться... Но, видимо, у патрулей были дела в других местах.
- Так чем тебе помочь, братан? – деловито спросил пацан, подъезжая почти вплотную. Видимо, решил, что враг обитателей Обезьянника может являться для него только другом.

– Да слинять мне надо из города. Сказали, лучше сделать это по озеру. Правда или нет?

– По озеру можно слинять. Там охраны нету. И забора тоже. Если взять лодку и поплыть типа ловить рыбу... – задумчиво предположил Шеммонд. – Рыбы тут почти что и нету, вода в озере слишком соленая, но некоторые ниггеры ловят. Жрать-то надо.

– А где взять лодку?

– Украсть, ясное дело, – пацан посмотрел на Джей-Ти с недоверием. – Слушай, ты точно крутой?

– Крутой, крутой, – заверил Профессор. – Можешь не сомневаться.

И прочитал из старой песни Public Enemy:

*Пока черные музыканты потеют,
И размеренные рифмы гремят.
Дайте нам то, что мы хотим.
Дайте нам то, что нам надо.
Наша свобода слова – это свобода или смерть:
Мы должны бороться с властью!
Я хочу услышать ваше
«Боритесь с властью!».*

Без практики Джей-Ти подрастерял свое мастерство читать рэп, пару раз довольно позорно запнулся, но пацан был в экстазе.

– Фигасе! – вытаращив глаза, пробормотал он. – Да ты круче Фифти Цента! Сам сочинил?

– Сам, – на всякий случай соврал бывший рэпер, потому что песня была старая и Шеммонд ее, скорее всего, не слышал. Тот тут же подтвердил:

– У меня есть несколько рэперских дисков, но слушать такое копы не позволяют. И электричество у нас дают редко, а батарейки давно все кончились. А ты давай сворачивай вон туда, я

знаю, где Брюс прячет свою лодку на озере. Это хорошая лодка, если белые узнают, то отберут ее. Лучше ты ее украдешь, чем белые.

Пожав плечами, Джей-Ти свернул в указанном направлении. Это был нежилой квартал, почти полностью выгоревший – вместо деревянных домов стояли черные каркасы, под ногами скрипели уголья.

– Тут все сгорело, еще когда чокнутые бегали, – пояснял Шеммонд. Он слез с велосипеда, потому что ехать по пепелищу было неудобно, и вел его, держа за руль. – Потом чокнутых по большей части перестреляли, несколько раз они еще нападали на нас, но их отбили. Сейчас или передохли сами, или в другой город ушли. Давно уже не видел чокнутого.

– А твои родители где?

– Мать на плантации, а отца нету. Чокнулся, его и замочили.

Пацан поведал об этом трагическом событии обыденно, словно колонка происшествий в газете. Да ведь так оно все и было, вспомнил Джей-Ти. Два года назад – а словно лет десять прошло... И убивали именно так – пока зараженный не успел убить тебя. Шибанов как-то сказал ему, что эпидемия в США унесла меньше жизней, чем унесла бы эпидемия в России, потому что там нельзя свободно продавать гражданам оружие. Поэтому здоровым нечем было бы защититься от больных.

Профессор не мог представить себе государство, в котором нельзя свободно купить пистолет, чтобы защищать себя. Ростислав тогда развел руками и сказал, что это тот случай, когда и у Америки есть чему поучиться. Дальше они принялись спорить, забрались в дебри политики и экономики (причем оба разбирались в ней на довольно потешном уровне), плюнули и решили больше подобных диспутов не устраивать.

Вспомнив об оружии, Джей-Ти сказал:

– Я пустой, чувак. Пушку можешь достать?

Шеммонд закатил глаза.

– Я что, оружейный магазин? Знаешь, что бывает, если у меня найдут пушку?!

– Насколько я помню, раньше из этого тоже ничего хорошего не выходило, если пушка незаконная, – согласился с пацаном Джей-Ти. – И тем не менее?

– Тебе же даже нечем со мной расплатиться, – прищурился Шеммонд. Велосипед, подскочив на крупной головешке, громко дзинькнул звонком, спугнув стайку каких-то птиц, сидевших на каркасе дома.

– Ножик хочешь?

Пацан критически осмотрел средство оплаты, ногтем проверил остроту лезвия и сунул ножик в карман.

– Идет. Мне все равно ствол не нужен, только неприятности с ним, да и большой... Отдача очень сильная. Только за ним нужно съездить. Ты пока спрячься, братан.

– Где?

– Сейчас покажу.

Джей-Ти привел его к ряду приземистых строений, расположенных не слишком далеко от берега озера. Была видна гладкая поверхность воды, небольшие ржавые кораблики, вытасщенные на берег, перевернутая набок белоснежная яхта, закрывшаяся мачтой в прибрежную смесь песка и соли.

– Тут сиди, – Шеммонд по-хозяйски подтолкнул рэпера к сложенной из бетонных плит будочке. Если, как предположил Джей-Ти, когда-то этот комплекс строений был частным яхт-клубом, здесь должен был находиться пост охраны.

Внутри будочки ничего не было, потому он сел на пол и принялся ждать. Своего рода лотерея – вернется ли Шеммонд? А если вернется, принесет ли пушку? А что будет, если он вернется не один?

Хорошо бы Расти и девчонок не поймали. Наверное, ему так все легко и удалось именно потому, что головорезы Мастера отвлеклись на них... Еще бы – Расти ушел с боем, угнал машину.

Такое не простят. А он, Джей-Ти – просто еще один черномазый, о побеге которого даже не факт что уже известно.

Сняв нелепые очки, Профессор аккуратно положил их на подоконник, а сам привалился к стене и закрыл глаза. Уже несколько часов он был совершенно один, тогда как с самого бегства из Неверлэнда они практически не расставались. И Джей-Ти отвык от одиночества. Сейчас он чувствовал это особенно остро.

Направление они выдерживали, благо трубы и коридоры не слишком петляли. Мидори делала пометки, хотя Ростислав надеялся, что возвращаться не придется.

Пару раз им пришлось преодолевать вброд заполненные мутной водой провалы в полу – результат отсутствия профилактических работ и дождей. Пить эту воду, конечно же, не следовало.

Атика явно устала и весьма заметно стала прихрамывать. Значит, все-таки потянула связки – отметил Ростислав и постепенно замедлил ход. Атика ничего не заметила, а Мидори, уловив момент, показала ему глазами на ногу Атики и одобрительно кивнула. Девчонка держалась как всегда молодцом, по дороге старалась занять Атику разговорами, зная, что так меньше обращаешь внимания на боль.

– Если бы не эта фигня с Катастрофой, я, наверное, в армию пошла, – доверительно сообщила она Атике.

– Ты? В армию? – засмеялась Атика. – Ты же актрисой собиралась быть. Зачем бросать такую прибыльную профессию?

– Актрисе армия тоже не помешала бы. Между прочим, тогда меня чаще бы приглашали на роли – ведь не надо было бы нанимать дублерш всяких, если я и сама могу сальто крутить и прочие трюки делать.

– В армии не трюкам учат, – заметил Шибанов.

– А то я не знаю, чему там учат! – огрызнулась Мидори.

Некоторое время она молчала. Затем тихо сказала:

– Я в армию хотела, чтобы себя научиться защищать. От всяких...

– От всяких кого? – удивился Шибанов. – Ты же еще мелкой школьницей была, когда все это случилось... А потом всегда рядом с нами, тебя никто не обижал.

– А ты думаешь, в школе мало всяких уродов было? – возмутилась Мидори. – У меня одноклассник один был... урод. Меня к нему приставили помогать с учебой...

– Серьезно? У вас тут такое тоже было? А я думал, только у нас, – поразился Ростислав.

– Какое? – не поняла Мидори.

– Что к разным уродам отличников приставляли с учебой помогать.

– Не знаю, как у вас, а в нашей школе почему-то это было. Вот навязали мне этого урода, прихожу я к нему, а он дверь закрыл и говорит: «Хорошо, что ты пришла! У меня есть топор. Поиграем в расчлененку?».

Ростислав и Атика одновременно прыснули со смеху.

– Ничего смешного, – строго сказала Мидори, сама еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться.

– А ты что? – спросила Атика.

– Я что? Я ему кулаком в солнечное сплетение засветила, а потом ему пришлось выучить наизусть всю поэму Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

Тут уже Ростислав и Атика расхохотались так, что по коридору заметалось эхо. Да и Мидори тоже рассмеялась. Но их веселье продолжалось недолго.

В квадратной комнате наподобие коллектора им попался человеческий скелет. Он лежал, скорчившись в углу, некоторых костей не доставало. Никто не испугался – такого добра они насмотрелись на Закрытой Территории предостаточно – и скелетов, и трупов на разных стадиях разложения... Шибанов внимательно осмотрел останки и предположил:

– Давно лежит, по-моему. Может, во время начала эпидемии забился сюда и умер с голоду.

Но потом им попало еще несколько скелетов – как целых, так и разбросанных на несколько ярдов. Вперемешку с костями валялись куски одежды, обувь, в одном месте – полицейский револьвер без патронов, в другом – разбитый радиоприемник... У шестого по счету костяка Мидори остановилась, наклонилась и сказала:

– По-моему, его кто-то грыз.

– Что?! – переспросил Шибанов.

– По-моему, его кто-то грыз, – повторила Мидори.

Ростиславу сразу же представились морлоки, существа из романа Уэлса «Машина времени», ушедшие жить под землю и питавшиеся мясом оставшихся наверху жителей... Скривившись – всплывет же не ко времени дрянь всякая – Шибанов поторопил Мидори, потянув ее за руку:

– Давайте не будем задерживаться, раз такие дела.

А еще через пару сотен ярдов Ростислав Шибанов предостерегающе поднял руку.

– Слышите?! – шепотом спросил он.

Впереди, в глубине коридора, что-то происходило. Шуршание, перешептывание, царапанье... словно орда мерзких гномов выбралась из своих каменоломен, чтобы напасть на человеческому племени. В далеком шипении и шуршании чувствовалась несомненная угроза, мало того, оно явно двигалось им навстречу, и Шибанов снял с плеча М-16.

– Что это?! – так же шепотом спросила испуганная Атика.

– Не знаю...

– Я видела ответвление, это шагов тридцать назад, – сообщила Мидори. Бывшая кинозвезда выглядела спокойной, тяжелый пистолет не дрожал в ее руке.

– Откуда мы знаем, что там, Ми?

– По крайней мере, там тихо, – резонно заметила девушка.

Они вернулись к ответвлению, шорох и шуршание следовали за ними по пятам, оставаясь пока за пределами света фонарика. В боковом коридоре обнаружилась пластиковая дверь с за решеченным окошечком. Она была заперта, но врезной замок выглядел весьма хлипким.

– Укроемся здесь, – решил Шибанов. – Если что – попробуем выбраться наверх, это похоже на какой-то запасной выход.

Дверь в самом деле вылетела от удара плечом. За ней были уходящие вверх ступеньки. Пристраивая дверь на место, Ростислав услышал, как таинственный звук еще приблизился. Он выглянул в коридор, поднял фонарик и отшатнулся от отвращения.

Захлопнув дверь, Шибанов привалился к ней спиной.

– Нужно чем-то ее укрепить, – выдохнул он.

Девушки не стали задавать вопросов – изобретательная Мидори тут же взяла у Атики М-16, уперла прикладом в ступеньку, а стволом – в дверную ручку.

– Придется бросить, – вздохнула она. – Что там?

– Крысы, – коротко сказал Ростислав.

Сотни серых грызунов бежали по коридору. Шибанов навсегда запомнил их сплошной шевелящийся ковер, круглые уши, похожие на человеческие, отблескивающие красным глаза, острые зубы. Серая крыса – тварь, обитающая везде, кроме Антарктиды.

Что испугнуло или приманило их? Может быть, движение – канализация выглядела так, словно людей здесь не было уже очень давно. Те же несчастные, чьи скелеты они видели в коридоре, становились для крыс лакомой добычей. Нет ничего удивительного, что грызуны так быстро среагировали и явились позавтракать...

Дверь уже ощупывали тонкие крысиные пальцы, скреблись и царапались. Зверьки злобно пищали, понимая, что добыча рядом, вкусно пахнет, но добраться до нее нельзя.

Затем они азартно принялись грызть дверь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Илиада»

Гумилев всматривался в лица членов группы, собравшейся в малом конференц-зале.

Сам он сидел, что называется, в президиуме – за легким пластиковым столом, размещенным на невысоком подиуме. Рядом с ним озабоченно листал папку с бумагами Санич.

Члены группы рассредоточились по залу, собравшись, так сказать, по интересам. Люди Санича сидели с левой стороны, в ряд, торжественные, словно готовясь к вручению правительственных наград, и о чем-то вполголоса переговаривались. Посередине был Грищенко, который приветливо поглядывал на Гумилева.

Ученые сидели справа. Тарасов и Синцов вдвоем, на первом ряду кресел, за ними – критично озирающийся Артемьев, на значительном расстоянии от него – Вессенберг.

Ну вот, мрачно подумал Гумилев, уже начинаются проблемы. То, что вояки сидят отдельно, в принципе, принимается – у них будут свои собственные функции, ученые для них – объект защиты. А вот Артемьев, как и ожидалось, оригинальничает. И Вессенберга его парни пока не приняли, что ожидаемо, но нежелательно. Как бы там ни сложилось впоследствии, не надо бы вот так сразу показывать, что мы – сами по себе, а ты в нашу песочницу не лезь.

Эстонец, казалось, не обращал на это никакого внимания. Он добродушно разглядывал стены конференц-зала, сделанные из панелей мореного дуба, потом поймал взгляд Гумилева и улыбнулся.

Саничу Вессенберг не понравился. Еще больше ему не понравилось то, что неведомый ксенобиолог будет заместителем Гумилева. Не он, боевой робокоп Санич, не даже сотрудник спецслужб Решетников, а ученый. Притом настолько несолидного вида – длинные волосы, пижонские очочки.

«Павиан белобрысый», – так охарактеризовал Санич эстонца в приватной беседе с Гумилевым после того, как Вессенберг приходил к нему отрекомендоваться.

Усилия ребят Санича ни к чему особенному не привели – Вессенберг был тем, кем он есть, то бишь ученым редкой и в чем-то даже шарлатанской специальности. Отчасти известный в таких же кругах за рубежом, автор нескольких брошюр, изданных малым тиражом в частных мелких издательствах. Холост, родители живут в Пскове, пенсионеры.

Решетников при всей доверительности их отношений объяснять тоже ничего не стал.

– Это лучший специалист, – коротко пояснил он Гумилеву. – Если все, что мы собираемся там найти, на самом деле существует, то без него не разберемся. Извините, Андрей Львович, но я сам поначалу был против, а потом понял, что Вессенберг необходим. В любом случае мешать он не будет.

Вессенберг снова улыбнулся, видимо, ожидая, что Гумилев сделает это в ответ. Но Гумилев отвернулся к Саничу и тихо произнес:

– Начинай, что ли.

– Прошу внимания! – с готовностью сказал Санич. В зале затихли. – Сегодня мы собрались, чтобы ознакомиться с данными операции «Илиада». Вам уже было сообщено заранее, но повторюсь для тех, кто вдруг не осознал всей серьезности – после текущей беседы вы уже не покинете территории комплекса и не будете иметь возможности связаться с родными и близкими. Скорее всего, послезавтра с утра мы отправляемся на аэродром, откуда вылетим в Соединенные Штаты.

Про Соединенные Штаты все знали давно, потому что международная миссия в Айдахо давно стала объектом газетных статей и телерепортажей. Гумилев устал отбиваться от журналистов, приказав в конце концов пресс-службе на все вопросы отвечать «Без комментариев». СМИ подергались немного и отстали.

А вот про вторую часть, а именно проникновение на территорию Зоны 51, не знал никто. Кроме Санича, Решетникова и, как ни печально, Вессенберга.

– Личные вещи с собой вам не пригодятся, – продолжал Санич. Гумилев укоризненно посмотрел на начальника службы безопасности, и тот, поняв, как двусмысленно прозвучала его фраза, тут же поправился:

– Я не в том смысле, что... ну, вы поняли... а в смысле, что члены группы будут обеспечены всем необходимым с учетом наших целей и места пребывания, а также из расчета общего груза.

Ученые заулыбались забавной оговорке Санича, вояки сидели спокойно.

– Если есть вопросы, поднимайте руки, – предложил Санич.

Руку поднял Вессенберг.

– Почему именно «Илиада»? – поинтересовался он, поправляя свои пижонские стеклышки.

– Разрешите, я отвечу, – вступил в игру Гумилев. – Видите ли, одно время я пытался ввести в своей...э-э... организации схему, используемую в некоторых зарубежных спецслужбах – когда компьютер выбирает случайное слово для наименования проекта или операции. Вроде бы так теряются все ассоциации, которые могут возникнуть в случае, если название придумывает человек. Но после того, как компьютер предложил назвать одну из программ по исследованию проблем омоложения организма «Харон», а проект по поддержке талантливой молодежи в одном из лицеев – «Лопух», я это нововведение отменил.

«Илиадой» операция названа потому, что это одна из моих любимых книг – вы, верно, заметили ее на моем рабочем столе во время прошлого визита.

– Но, насколько я могу знать, в данном случае как раз работает ассоциация. «Илиада» – это произведение о путешествии, войне, секретной операции данайцев...

– Вы считаете, если бы моей любимой книгой было, скажем, «Великое путешествие кроликов» Ричарда Адамса⁵, ассоциации бы не наблюдалось?

– Вопрос снимается, – с улыбкой сказал Вессенберг. Тарасов что-то зашептал на ухо Синцову, косясь на эстонца.

– Если вопросов больше нет, разрешите приступить к информационной части.

Санич нажал кнопку. Шторы за спиной у них разъехались, загорелся экран, на нем появились кадры космической съемки: похожее на неровный осколок зеркала озеро, окруженное горами.

– Перед нами – высохшее озеро Грум-Лэйк, возле которого на территории военной базы Неллис располагается так называемая Зона 51, – начал Санич, выйдя из-за стола и взяв указку. До мая тысяча девятьсот пятьдесят пятого года база входила в состав испытательного полигона Военно-морских сил США, на котором проводились подземные ядерные испытания...

Гумилев не слушал Санича, потому что все эти данные прекрасно знал. Он наблюдал за своими будущими спутниками, прикидывая, правильный ли выбор сделал. Даже самые свежие данные не проливали света на то, что происходит на территории Зоны 51 и непосредственно объекта S-4. Там могли остаться военные. Базу могли захватить инфицированные, могли – обычные люди, попавшие туда в поисках убежища.

⁵ «Великое путешествие кроликов» («Watership Down») - эпический роман Р. Адамса об удивительном путешествии кроликов, которые вынуждены покинуть свой город из-за развернувшегося строительства и отправиться в долгое и опасное странствие в поисках нового дома. Другие названия в русском переводе: «Корабельный холм», «Удивительные приключения кроликов»

Все три варианта гарантировали проблемы... Ладно, решил он, посмотрим, что будет дальше.

– Самые разные источники утверждают, что сюда с конца пятидесятих годов постепенно стали перемещаться работы по исследованию внеземных технологий с базы Райт-Паттерсон, штат Огайо. О том, что в Зоне 51 испытываются инопланетные аппараты, потерпевшие крушение в конце сороковых годов в штате Нью-Мексико, в свое время в доверительной беседе признался физик Отто Краузе, – продолжал Санич. – Целью программы, по его словам, было создание двигателей, аналогичных тем, что установлены на летающих тарелках. Через увеличительную оптику металлические тарелки над Грум-Лэйк не раз видели участники ядерных испытаний в Неваде.

Оксана Иванова что-то сказала сидящему рядом Грищенко. Майор – так решил звать его по старой памяти Гумилев – согласно кивнул. Удивленными вояки не выглядели, потому что за время работы у Гумилева привыкли, что многие фантастические вещи вовсе таковыми не являются. Доклад же Санича, построенный на суммированных фактах и точных описаниях, был привычен и понятен их армейской натуре. Нужно захватить объект? Хорошо, для исходных данных нужны координаты, места проникновения, вероятное количество противника. То, что хранится на объекте, уже второстепенно.

– Бывший сотрудник спецподразделения ВМС Дерек Хенесси, служивший на объекте S-4, рассказывал: «На объекте, не считая самого верхнего, вырубленного в скалах, имеется четыре подземных этажа. Там находятся ангары, связанные друг с другом лифтами, с помощью которых летающие тарелки доставляются на поверхность». На третий и четвертый уровни допускались только люди со специальными полномочиями. Каждый из них имел специальную магнитную карточку, кроме того, специальные сканирующие устройства проверяли их отпечатки

пальцев и рисунок радужной оболочки глаза. Хенесси, охранявший лифт на втором подземном уровне, не знает, что находится на более глубоких этажах. Зато он дал детальное описание второго уровня и нарисовал подробный план его помещений. Он рассказал, что в девяти ангарах в то время находилось семь «летающих тарелок». С помощью гидравлических систем их с какими-то целями периодически поднимали на верхний этаж, – Санич сделал небольшую паузу, словно наслаждаясь вниманием слушателей, и продолжал:

– Хенесси обозначил на схеме место, где в специальных контейнерах хранились тела инопланетян. «Стеклянные трубы высотой сто восемьдесят и шириной шестьдесят сантиметров стояли вплотную друг к другу. Они все одинаковые, и существа, находившиеся в них, тоже выглядели одинаковыми. Я не знаю, какого они пола, так как цилиндры посередине были прикрыты кольцом из алюминия. Цилиндры стояли на постаменте из черного полированного камня высотой тридцать сантиметров и были заполнены раствором, в котором плавали тела. Эти существа имели худощавое телосложение, сужающиеся к подбородку головы и длинные руки. Глаза в складках. Век не видно. У них была сероватая пигментация кожи, они совершенно безволосые. Голубоватые углубления вместо ушей, две щели вместо носа и одна вместо рта. Похоже, у них нет ни сосков, ни пупка, во всяком случае, я их не видел. Но я помню, как кто-то сказал, что у них совершенно не такое, как у нас, строение тела».

В зале наконец-то зашептались. Санич, не обращая внимания, продолжал рассказывать про то, как американцы пытались скрывать сведения о Зоне и о том, кто собирается наложить на них руки. О самопровозглашенной Республике Солт-Лейк слышали все, хотя писали о ней все меньше и меньше – Закрытая Территория была недоступна для журналистов, а стало быть, не являлась поставщиком достоверных новостей.

Североамериканский же Альянс не считал Республику законным государством и старался всячески блокировать информацию со своей стороны.

– Итак, вы понимаете, что от нас требуется, – обратился Гумилев к собравшимся, когда Санич закончил свое выступление, выключил экран и закрыл шторы. – Пробраться на территорию Зоны 51, попытаться разобраться с тем, что мы там обнаружим, а затем уйти, уничтожив остальное. Операция очень сложная, потому что мы не знаем, что происходит на территории Зоны. Возможно, там вообще никого нет, хотя данные космической съемки фиксируют некие перемещения. Возможно, нас встретят во всеоружии. Послать более крупный отряд мы не имеем возможности – Североамериканский Альянс любезно пригласил нас для медицинских исследований, но ни за что не разрешит нам попасть на этот объект. Разумеется, вы имеете право отказаться – я не вправе вас осудить. Уверяю, что никаких репрессий в случае отказа не последует. Все мы люди, у всех есть семьи, родные, планы на будущее. Это не оборона Москвы в сорок первом, когда врага нельзя было пропустить дальше. Хотя в каком-то смысле это почти то же самое.

В зале молчали. Вессенберг по-прежнему улыбался, словно бы Гумилев рассказал нечто смешное. Грищенко смотрел в пол. Румяный Антон Миллерс, бывший офицер-десантник, задумчиво грыз ноготь. Насколько помнил Гумилев из досье, Миллерс два месяца назад женился. Еще один безопасник, Максим Дербенев, что-то записывал в блокнот.

– Я так понимаю, никто не отказывается? – уточнил Гумилев, выждав достаточную паузу. – Спасибо. Я верил в вас. Однако вопросов я услышал мало. Всем все понятно?

– Андрей Львович, вы уж простите, что я так упрощаю, – сказал, не поднимаясь, пожилой Артемьев. – Но мы же видим, что все решится только на месте. Чего же воду в ступе толочь? Лич-

но я лучше пойду в тире немного позанимаюсь, благо домой меня уже не отпустят.

– Логично. Что ж, тогда не смею никого задерживать, – развел руками Гумилев. – Вас известят, в какой день и во сколько мы встречаемся на вертолетной площадке.

– У меня вопрос, – неожиданно сказала Оксана Иванова, когда все уже встали и начали пробираться к выходу. – Какие гарантии, что наш противник не успеет добраться до базы раньше нас?

– Никаких, – Гумилев покачал головой. – Больше того, возможно, они уже там побывали. Хотя, по данным Решетникова, Республика Солт-Лейк слишком занята сейчас вооруженными столкновениями с армией Макриди – одним из наиболее серьезных военизированных формирований на Закрытой Территории. С другой стороны, это противостояние может подтолкнуть Мастера к отправке отряда на базу в поисках... э-э... новых технологий. Как вы понимаете, это чревато большой бедой.

– Вы говорите о Маккейне? – уточнила Иванова.

– Я говорю о Мастере, – сказал Гумилев.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Летучий Голландец и Крысиный Король

Шеммонд вернулся спустя час с небольшим. Солнце уже поднялось довольно высоко, никто Джей-Ти в его укрытии не тревожил. Лишь пробежала мимо бродячая собака, удивив бывшего рэпера – как это ее до сих пор не съели?!

Пацан явился уже без велосипеда. Он постоял на открытом месте, внимательно осматривая окрестности, и только потом рысцой побежал к будке. Хвоста за ним, вроде, не наблюдалось. Не подвел, стало быть.

– Вот пушка, братан! – сказал Шеммонд, вытаскивая из-под ремешка штанов большой револьвер. Это оказался здоровенный «Кольт-Анаконда», дорогушая и смертоносная игрушка, способная стрелять мощными патронами «магнум» калибра 44 миллиметра. Судя по внешнему виду, мальчик тщательно за ним ухаживал. Джей-Ти отщелкнул барабан – все шесть патронов находились на месте, в своих гнездах.

– Больше нету, – виновато шмыгнув носом, сообщил Шеммонд. – Я его у покойника забрал, давно еще. Его люди Мастера ловили и подстрелили, он потом помер в развалинах. Там, может, и запасные патроны были, но я побоялся искать по карманам, вдруг схватит и станет кровь сосать... Сейчас бы не побоялся, конечно.

– Спасибо, чувак, – с чувством сказал Джей-Ти и пожал пацану руку. Тот буквально засветился от счастья, но тут же смутился, принял серьезный вид и все тем же деловым тоном промолвил:

– Я еще пожрать принес.

Это оказалась банка дешевого колбасного фарша, такой раньше покупали бездомные и Джей-Ти в рот бы его не взял. Как, однако, изменились с тех пор его вкусы, подумал бывший рэпер, чувствуя, как рот наполняется слюной. Вчерашний ужин, казалось, всосался работающим в экстренном режиме организмом без остатка.

– Присоединяйся, – велел Джей-Ти, дергая за колечко и вскрывая банку. – Можно пальцами.

– Зачем же пальцами, – солидно возразил мальчишка. – У меня есть четкий складной нож.

...Лодка неведомого Брюса оказалась стекловолоконной трехместной плоскодонкой с двигателем «эвинруд», заботливо укрытой различным мусором в нескольких ярдах от берега. Заметить ее случайно было практически невозможно. На борту красовалось написанное через трафарет синей краской название: «Летучий Голландец». То ли Брюс был начитанным, то ли от предыдущего хозяина осталось.

– И что, работает? – недоверчиво спросил Джей-Ти, кивая на испачканный маслом и местами поржавевший двигатель.

– А то! Только бензина нету. Брюс его где-то здесь прячет, недалеко.

– И ты не знаешь, где именно?!

– Неа... Щас найдем, братан, не мельтеши, – успокоил Шеммонд.

Приступив к поискам, они обнаружили жестянку с бензином под останками пирса, над которым угрожающе кренился небольшой портовый кран. Жестянка оказалась полна, и Джей-Ти, открутив завинчивающуюся крышку, перелил топливо в бак.

– Брюс, поди, расстроится, – предположил Джей-Ти, пытаясь столкнуть лодку с отмели.

– Тебе нужнее, да и с рыбой хреново, – просто сказал Шеммонд и стал помогать. Вдвоем они спустили плавсредство в

маслянистую, полную соли воду. Когда она дошла до колен, Джей-Ти запрыгнул в лодку и попытался завести мотор.

– Погоди!

Джей-Ти удивленно воззрился на мальчишку. Тот немного посопел и опустил глаза.

– Что не так? – заволновался Джей-Ти.

– Ты это... напиши мне слова песни, – попросил пацан, неловко вытаскивая из кармана огрызок карандаша и помятые бумажки. – Ну, как мы должны бороться с властью.

Джей-Ти хмыкнул, огляделся нервно, но не выполнить просьбу мальчишки не мог. Даже если сейчас выскочат автоматчики из-за всех прибрежных валунов. Быстро нацарапав на бумажке слова, бывший рэпер сунул листки ему в руку и снова принялся за мотор.

Тот кашлянул пару раз, но потом на удивление послушно завелся.

– Прощай, чувак! Привет сестре! – крикнул бывший рэпер. Мальчишка помахал ему вслед и побрел к берегу.

– Не было бы у тебя мамыши и сестры... – с сожалением пробормотал Джей-Ти, провожая взглядом маленькую фигурку, ковыляющую среди мусора к развалинам клуба. Он понимал, что на пустошах с ребенком пришлось бы тяжело, но и оставлять Шеммонда здесь, в этом странном мирке, не хотелось. Успокаивало лишь то, что пацан, кажется, отчетливо представлял себе, что нужно делать, и вряд ли здесь задержится.

«Летучий Голландец» уверенно шел, рассекая острым носом низкую волну, но разгоняться Джей-Ти не спешил – мало ли, что за два года могло здесь затонуть. Стеклопластик не выдержит, если на полной скорости наткнуться на корпус утопшего корабля или какое-нибудь бревно. А кораблекрушение в его планы никак не входило.

Солт-Лейк-Сити оставался позади – мрачные заброшенные небоскребы, полуразрушенный собор, мертвая прибрежная

полоса... Впереди рос остров Антилоуп, где находился одноименный парк штата. Остров Джею был ни к чему, он даже не знал, что там сейчас находится и живы ли еще антилопы и бизоны, которые там обитали. Если и живы, то идут на стол Мастеру и его прихлебателям, а значит, туда плыть не надо.

Джей принялся помаленьку отворачивать от острова, уходя на запад, подальше от населенных мест. На моторных лодках он плавал всего лишь пару раз и не представлял, хватит ли на такое путешествие бензина, но надеялся, что в крайнем случае возьмется за весла, валявшиеся на дне «Летучего Голландца».

Отойдя подальше от берега, Профессор увеличил скорость. Никаких патрульных судов в пределах видимости он не обнаружил. Наверное, нападения с воды Мастер не боялся, потому что у противника не имелось боевых кораблей должного размера. Высадить на побережье десант еще можно, а вот доставить, к примеру, танк – уже никак. В то же время защитники Солт-Лейк-Сити могли встретить вражескую флотилию артиллерийским огнем еще на подходе. Макриди это должен был понимать и вряд ли сунулся бы с этой стороны.

– Черт, я рассуждаю, как хренов полководец, – проворчал Джей-Ти.

В этот момент лодка подскочила на волне, и бывший рэпер едва не свалился в озеро. В последний момент уцепившись за борт, он выругался и оглянулся.

Примерно в миле от него шел небольшой корабль, бывшее прогулочное судно, с укрепленным впереди рубки крупнокалиберным тяжелым пулеметом на треноге.

– Нормально я попал, – сказал Джей-Ти и вытащил из-за пояса револьвер.

Крысы пытались ворваться внутрь, а Шибанов безуспешно старался открыть дверь наверху. Эта, в отличие от нижней,

пластиковой, была металлической. Отсутствие замка не помогло – дверь приоткрывалась лишь сантиметров на двадцать, открыться дальше ей что-то мешало. Сколько Ростислав ни ударял по ней всем корпусом, ничего не выходило. Мидори, наблюдавшая за вторжением крыс, крикнула:

– Они сейчас будут здесь!

– Стреляй! – крикнул в ответ Ростислав. Послышались выстрелы из М-16, истошный визг... И в тот же момент сквозь приоткрытую щель, возле которой стоял Шибанов, в узкий коридорчик ворвался настоящий шквал. Сверканье глаз, когтей и зубов в свете фонарика заставило Ростислава отшатнуться и прижаться к стене, а вот Атике не повезло – от удара разномастной шерстяной волны она упала на колени и закрыла голову руками. Мидори внизу развернулась, но Шибанов успел крикнуть:

– Не стреляй!

Судя по всему, крысы успели уже прилично прогрызть дверь, потому что стая кошек, бросившаяся в канализацию сверху, буквально пробила пластик. Тотчас же в коридоре началась беспощадная бойня. Истошно верещали крысы, завывали и орали коты, время от времени о дверь что-то тяжело ударялось.

– Откуда их столько? – спросила Атика, поднимаясь. На лице ее краснели несколько царапин, одежда в паре мест была разорвана когтями. Кошки сделали это не со зла – просто спешили на битву с исконным врагом. Кстати, судя по удалявшемуся шуму, крысы сдавали позиции.

– Если в канализации существует такое количество крыс, почему бы наверху не существовать тем, кто их ест? – вопросом на вопрос ответил Шибанов. – Видимо, у кошек есть свои разведчики. Они узнают, когда в подвале собираются крысы, и спускаются навести порядок.

– Ты серьезно, Раста?! – недоверчиво покосилась Атика, вытирая со щеки струйку крови.

– Вполне. Животные гораздо умнее, чем мы думаем. А если судить по тому, что случилось за последние два года, – и подавно умнее...

Он еще раз на всякий случай толкнул заблокированную дверь. Безуспешно.

– Здесь мы не пройдем, – покачал головой Ростислав.

– По-моему, крыс они прогнали. Мы можем пойти дальше по канализации, – предложила Мидори. Ей тоже слегка досталось, а левую штанину кошки располосовали по всей длине.

– Ну-ка... – Шибанов спустился вниз и выглянул в коридор. Подгрызенная крысами и выломанная затем кошками дверь валялась на бетонном полу. В коридоре там и сям лежали крысиные трупы, попались и несколько погибших кошек. Сидели здесь же и несколько живых – пока соратники преследовали противника, эти лентяи уже лакомились добычей.

– Ну и ну, – только и смог сказать Ростислав. Из-за его плеча выглянула Атика.

– Ой, сколько они перебили... А вон котик еще живой... Бедненький...

«Еще живой котик» представлял собой рыжую бандитскую морду с погрызенными в минувших драках ушами. Сейчас он вроде бы не особенно пострадал – на короткой шкуре сочились кровью несколько укусов, но ничего серьезного не произошло. Умирать кот не собирался, скорее, отдыхал после боя. Покосившись на людей, он с трудом поднялся, уселся поудобнее и стал вылизываться.

– Все с ним в порядке. Идем, пока никакая новая напасть не приключилась, – поторопил Шибанов. Но Атика и, кто бы мог подумать, Мидори уже хлопотали вокруг раненого. Кот принимал уход снисходительно, иногда на всякий случай прижимал уши. А после того, как девушки его погладили, кот бесцеремонно забрался на колени к Атике и громко заурчал. Ну, все, девчонка теперь за уши не оттащишь, печально подумал Шибанов. И его опасения немедленно подтвердились.

– Можно мы его с собой возьмем, милый? – просительно протянула Атика.

– Расти, он классный! – поддержала Мидори.

– Вы с ума сошли? Кто его будет тащить?!

– Я, – одновременно сказали девушки.

– Тьфу ты... – рассердился Шибанов. – Это же кот. Он тут живет. У него тут друзья, родственники. Еды вон полный подвал.

Но девушки наперебой начали его убеждать:

– Расти, ты посмотри, он же совсем домашний! Смотри, как ластится, с нами хочет!

– Да, он точно не против. Он, наверное, по людям сильно соскучился... И потом, он же нас спас.

– Не он один, – буркнул Ростислав, внутренне уже смирившись и надеясь лишь на то, что кот удерет по дороге. Как он и думал, ему всучили вторую М-16, и кота на руках понесла супруга. Рыжий бандит уткнулся носом куда-то ей под мышку и вроде бы дрых. Его новые хозяйки обсуждали, как назвать кота, и почему-то остановились на претенциозной кличке Крысиный Король.

– Он же не крыса, – увещевал Ростислав, брезгливо пробираясь среди разбросанных на полу серых трупиков. Несколько грызунов, которые даже будучи полудохлыми, злобно щелкали зубами и угрожающе пищали, пришлось добить каблуком ботинка.

– Он король крыс, Расти. Видел, как он погнал этих маленьких ублюдков? – возразила Мидори.

Шибанов далее спорить не стал, про себя назвав кота просто Крыс. Что-то в этом было, особенно после сегодняшней схватки двух армий.

На поверхности они оказались неожиданно. Миновали поле боя, причем коты, видимо, погнали разбитую крысиную орду какими-то незаметными ходами, потому что по дороге больше не попадались. Прошли полузатопленный участок, бредя по

пояс в холодной вонючей воде. Пробрались через завал – потолок просел и треснул, засыпав путь грунтом, так что несколько метров пришлось ползти по-пластунски. Проснувшийся кот пролез сам, но на той стороне завала тут же запрыгнул на руки Мидори – ехать в качестве багажа Крысу явно нравилось.

Когда Ростислав уже собрался объявлять очередной привал и доест единственный оставшийся батончик, они пришли к развилке. Куда идти, Шибанов не представлял – никаких указателей на стенах не наблюдалось. Он уже хотел бросить жребий, как вмешалась Атика:

– Расти, давай пустим кота. Может, он почует выход.

Крысиный Король посидел немного на полу в свете фонарика, уже начинающего тускнеть. Потом закинул ногу за ухо и принялся мыться.

– Долго будем ждать? – скептически поинтересовался Ростислав.

Кот, словно услышав его, прервал свой нехитрый туалет и трусцой побежал в правый коридор. Через несколько минут он привел их к двери. Замок был открыт, дверь – тоже, сквозь щель пробивался серый свет.

– Осторожно. Мы не знаем, что там наверху, – вполголоса предупредил Ростислав. – Оставайтесь здесь, я посмотрю. Не хватало еще нарваться на патруль или выбраться возле постоянного поста.

Кот попытался последовать за ним, но Мидори успела подхватить его на руки. Крыс тут же уснул.

Ни патруля, ни постоянного поста охраны снаружи не оказалось. Дверь выходила на поверхность на склоне небольшого холма, на котором находилось заброшенное строение – то ли небольшая фабрика, то ли станция очистки. Неподалеку виднелась асфальтированная дорога, возле которой на боку лежал желтый школьный автобус. За ним начиналась пустыня, а за пустыней – горы.

– Кажется, мы вышли в удачном месте, – сказал Ростислав с облегчением.

Из двери показались Атика и Мидори с котом.

– Где это мы? – спросила Шибанова жена.

– Ума не приложу. Главное – мы выбрались из Солт-Лейк. Где-то на юге, если я все-таки не перепутал направление под землей.

– И что это означает? Назад в Неваду?!

– Почему бы и нет? – неожиданно сказала Мидори, поглаживая блаженствующего кота. – На севере нас пристрелят с вертолета пограничники Альянса. Мы слышали об этом множество историй. В Солт-Лейк-Сити мы уже были, я лично туда возвращаться не намерена. Можно, конечно, попытать счастья в Аризоне, но я давно ничего не слышала об Аризоне. На дороге почему-то о ней говорят редко.

«На дороге» давным-давно стало устоявшимся термином. Многочисленные путники, спасавшиеся от остатков банд чокнутых, от рейдеров, от простых бандитов, иногда пересекались на просторах Закрытой Территории, а именно – «на дороге». Дорога была средством массовой информации, газетой, телевидением и интернетом в одном лице. Все новости узнавали только на дороге. Правда, за эти новости порой приходилось заплатить провизией, оружием, а то и жизнью. Но таковы были сложившиеся правила.

– Неплохо бы кого-нибудь встретить и узнать, что происходит, – задумчиво сказала Атика.

– Тогда нужно двигаться к дороге. Надеюсь, по пути мы не наткнемся на посланцев Мастера. Мы все-таки совсем недалеко от города.

– Интересно, как там Джей. Надеюсь, его не обижают.

Ростислав в этом уже не был уверен. Непредсказуемый Мастер мог отыгаться на Профессоре за их бегство. Рэпера было искренне жаль, и Шибанов мысленно пожелал ему удачи, надеясь, что их пути непременно пересекутся.

Корабль пытался догнать лодку, но то ли был чересчур перегружен – ведь установка крупнокалиберных пулеметов на этом легком прогулочном судне изначально явно не планировалась, то ли «Летучий Голландец» был намного легче, и даже поношенный «эвинруд» позволял ему развивать приличную скорость. Преследователи пока не стреляли, вероятно, рассчитывая рано или поздно догнать беглеца. Джей-Ти не был уверен, что они знают, кого именно ловят. Как сказал Шеммонд, некоторые негры ловили здесь рыбу, хотя в соленой воде ее водилось маловато. Может быть, на корабле просто хотели подразнить свежим уловом или надавать по башке слишком досужему черномазому, чтобы не заплывал далеко.

В любом случае начинать палить из «анаконды» не следовало. Присев на скамью, Джей-Ти пригнулся и крепче ухватился за рукоять мотора.

– Эй, придурок! – заорали с корабля в мегафон. Наверное, его долго не могли найти, поэтому до сих пор молчали. – Ты, на лодке! Тормози, иначе мы откроем огонь!

Джей-Ти обернулся и неопределенно помахал руками, мол, не слышу ни хрена!

– Тебе говорят, клоун! – рассердились на корабле. – Глуши мотор!

Джей-Ти вздохнул. Теперь они точно не отделаются. Он заложил крутой вираж и по прямой пошел к видневшемуся очень далеко западному берегу озера. Корабль последовал за ним. По палубе забегали фигурки, одна встала у пулемета. Еще двое держали в руках черточки автоматических, а то и снайперских винтовок – отсюда не было ясно видно.

– Если у вас там снайпер, парни, то я в глубокой заднице, – пробормотал Джей-Ти. От пули не убежишь.

Почему-то рэперу вспомнился его первый концерт, в маленьком клубе на окраине. Он очень боялся, потому что на той же сцене должен был выступить известный исполнитель с тремя

дисками, прикативший на розовом «Мерседесе» с приборным щитком из чистого золота. Больше всего Джей-Ти опасался, что его освищут – зрители в таких клубах отличались простотой выражения эмоций, по слухам, кого-то даже замочили за то, что песня не понравилась. Но все прошло отлично, а приехавший вместе со звездой продюсер подошел к Джею, угостил виски и предложил завтра заехать к нему в звукозаписывающую фирму и подписать контракт.

С тех пор все шло замечательно до тех самых пор, пока черт не занес Джея-Ти в поместье «Неверлэнд» в тот самый момент, когда его вздумали штурмовать гребаные заразные психи. Что бы ему стоило улететь в Вашингтон или, скажем, Новый Орлеан?

– Последний раз предупреждаем! – хрипло завопили с корабля-преследователя.

Что-то они долго его предупреждают. Это может означать лишь одно – на корабле поняли, кто в лодке, и хотят поймать его и доставить Мастеру живьем. Вот уж нет.

Джей-Ти взвесил в руке револьвер. Шесть патронов. Хороших патронов «магнум», но это чересчур мало. Даже если он ухитрится подстрелить одного или двух людей на корабле, к пулемету встанет еще кто-нибудь, их же там человек пять, а то и поболее. Он даже не мог попасть в мотор, хотя теоретически, маневрируя на большой скорости вокруг корабля, это можно было устроить. Беда в том, что это не лодка, как у него – мотор скрывался внутри корпуса. А вот если они попадут в «эвинруд»...

На корабле словно прочли мысли Джея и дали пристрелочную очередь. Она прошла далеко за кормой «Летучего Голландца», но Профессора это не успокоило. Он принялся влиять, лихорадочно думая, что делать. Догнать его не могут, значит, разобьют мотор. Вот вам и легкая добыча, парни. Негритос на дырявой лодке.

А ведь у них тоже не крейсер, неожиданно сообразил Джей-Ти.

И решительно сбавил ход.

На корабле, наверное, решили, что беглец захотел сдаться. Пулеметчик для острастки выпустил вторую очередь, на сей раз левее курса «Голландца», в мегафон закричали:

– Встань и подними руки!

– Щас, разогнался, – мрачно сказал Джей-Ти и прицелился в носовую часть догоняющего корабля немного выше ватерлинии.

Сорок четвертый калибр, насколько он помнил, оставлял здоровенные дыры в чем угодно – хоть в человеке, хоть в легком корабельном алюминии. Из шести выстрелов он попал четыре раза, что на такой скорости было очень неплохо. На корабле поначалу попрятались, потом поняли, что беглец палит черт знает куда, заулюлюкали в микрофон и дали очередь выше головы Джея. Но потом корабль стал заметно отставать. Встречные волны, в которые зарывался нос глубоко сидящего в воде преследователя с четырьмя пробоинами, заливали трюм. Идиоты на палубе засуетились, кто-то выпалил из автомата вслед уходящему Джею, потом ожил пулеметчик, но тут же прекратил огонь – видимо, ситуация была даже хуже, чем ожидал Профессор, и идиотам стало не до стрельбы.

Когда он в последний раз оглянулся на корабль, тот криво торчал из воды, задрав корму. Несколько фигур взобрались на рубку.

– Если не потонете, Мастер вставит вам во-от такущий пистон! – мстительно пообещал Джей-Ти и больше уже не оборачивался.

К западному берегу он доплыл уже ближе к вечеру. Мотор несколько раз вырубался, причем однажды пришлось провозиться с ним минут сорок, а под конец закончился бензин. Пришлось идти на веслах, и Джей с непривычки сильно натер ладони.

Он подумал, что выволакивать «Летучего Голландца» на берег бессмысленно. Лодка ему больше не понадобится, бензина

в ней нет. Если Брюсу повезет, то рано или поздно ее прибудет назад, а если нет... Если нет, не видать старине Брюсу свежей жареной рыбки.

Выбравшись на каменистый склон, Джей-Ти уселся на плоский валун и печально осмотрел стертые руки. Потом повертел в руках тяжелый «кольт» с пустым барабаном. Выбросить? Нелепо, все-таки оружие. Но где найти для него патроны? Джей почти уже решился спрятать револьвер под тем же валуном, где сидел, но передумал. Выглядел «кольт» весьма угрожающе и в качестве пугача вполне годился. А там, может, и патронами разжиться удастся. На пустошах можно найти самые неожиданные вещи в самых неожиданных местах – Джей до сих пор помнил, как с полгода назад, заглянув в почтовый ящик возле давно заброшенного городка на шоссе, нашел там несколько банок бобов, мясных консервов, консервированных мандаринов и бутылку бренди, а в довершение – две ручные гранаты и маленький пистолет неизвестной ему европейской марки с запасной обоймой. Тогда у них был праздник...

Джей-Ти вспомнил Расти, девочек, и пригорюнился. Они хотя бы вместе, а он совсем один на этом дурацком голом берегу. Даже «Летучего Голландца» уже отнесло ярдов на сорок. Отчаянно хотелось пить, и вид огромного озера с тошнотворно-соленой водой раздражал.

Бывший рэпер поднялся и пошел прочь, но далеко уйти ему не пришлось.

– Кто это у нас тут? Никак, шпион мормонов?!

Они организовали засаду очень грамотно. Четыре человека, и Джей-Ти не заметил ни одного, пока они не поднялись из-за камней. Все в оранжево-желтом пустынном камуфляже, с автоматами, направленными на Джея.

– Я не шпион, – миролюбиво сказал бывший рэпер, поднимая руки. Раз речь зашла о шпионе мормонов, стало быть, он попал

к солдатам Макриди. Не самый плохой вариант, вот только начало разговора ему не нравилось.

– А что здесь делать обычному человеку? И откуда ты взялся?
– спросила женщина, уже немолодая, с мексиканскими чертами лица.

– Я удрал из Солт-Лейк-Сити на лодке.

– Что, там так плохо?

– Мне не понравилось.

– И где твоя лодка?

– Бросил на берегу. Вернее, возле берега. Бензин в моторе кончился, обратно плыть я не собирался, поэтому она где-то там плавает.

– Где-то там плавает... – повторила женщина. Видно было, что она не доверяет пленному. – Что у тебя за поясом? Осторожно вынь и брось на песок.

Джей-Ти выполнил приказ. Человек с рыжей бородкой быстро поднял револьвер, осмотрел и сказал:

– Пустой сорок четвертый, из него недавно стреляли.

– В кого стрелял? – равнодушно продолжила свой допрос женщина.

– В корабль из Солт-Лейк-Сити. Они меня преследовали, что же я должен был, сдаваться?

– Корабль... Джин, ты что-то говорил о пулеметных очередях со стороны озера?

– Да, было такое, – согласно кивнул чернокожий с «ингрэмом» в руках. – Вроде крупный калибр.

– И как тебе удалось уйти от крупного калибра?

– Я их потопил на хрен, – сказал Джей-Ти, прекрасно понимая, что ему не верят.

Женщина улыбнулась, остальные захохотали.

– Брат, ты потопил военный корабль Мастера из револьвера?
– уточнил Джин, качая головой. – Я слышал, как люди брешут, но до тебя им далеко.

– Это была обычная прогулочная калоша, – попытался объяснить Джей-Ти. – Никакой брони. А у меня все-таки сорок четвертый Магнум.

– Из сорок четвертого рано утром кто-то перестрелял трех парней из разведотряда, – устало произнесла женщина. – Не так уж далеко отсюда. Ты вполне мог за день добраться, и в эту историю я верю больше, чем в морской бой.

– Эй, люди! – заволновался Джей-Ти. – Я не шпион! Смотрите, у меня даже ноги еще мокрые, я слезал с лодки и шел к берегу!

– Если даже и мокрые, что из того? – скептически спросил рыжебородый.

– Может, ты не слушал мамочку и писал против ветра, вот и надул себе на ботинки, – добавил чернокожий Джин. Все, кроме женщины, снова засмеялись.

– В машину его, – велела женщина.

Не позволяя опустить руки, Джей-Ти отвели за ближайшую скалу, где в тени редких деревьев стоял грузовик. Небольшая фермерская модель, перекрашенная в маскировочный цвет и усиленная бронелистами.

– В кузов, – Джин легонько толкнул Профессора в спину. Тот послушно забрался в закрытый брезентовым тентом кузов и сел на какие-то ящики.

– На пол! – рыжебородый толкнул его с ящиков.

Женщина и третий мужчина сели в кабину. Мотор завелся, грузовик стал разворачиваться.

– Сейчас, братан, мы отвезем тебя во временный лагерь, – пояснил зачем-то Джин, хотя Джей-Ти ни о чем его не спрашивал. – Там с тобой поговорит босс и решит, чего делать. Но хорошего не жди – в последнее время много потерь, а тут ты со своим сорок четвертым. Еще и разведчиков убили. Хреновое дело, уж поверь.

– Заткнись, Джин, – вяло и беззлобно сказал рыжебородый.

Грузовичок ехал достаточно долго, но через откинутую заднюю часть тента Профессор видел только пыль, вздымающуюся из-под колес. Бежать было бессмысленно – что можно сделать голыми руками против двух автоматов?.. Может, удастся что-то объяснить? Про Макриди ходили разные слухи, но вдруг он не настолько сдвинутый, как Мастер?

Джей-Ти попросил попить, рыжебородый молча протянул ему пластиковую флягу. Вода была теплой, с привкусом химии – видимо, ее чем-то обеззараживали. Напившись, Джей-Ти поблагодарил рыжебородого, но тот снова промолчал. Джин таращился на пленного, потом не выдержал и спросил, как его зовут.

– Джей-Ти, – сказал Профессор.

– А я Джин. Юджин точнее. Имячко редкое для черного, да?

Джей-Ти пожал плечами.

Потом грузовик остановился, и ему велели выходить. Очевидно, это и был временный лагерь, устроенный в небольшой рощице, окруженной с трех сторон скальными выступами. Особо разглядывать Джею было некогда, но он успел заметить два танка и несколько разномастных бронемашин, а также артиллерийские орудия, прицепленные к грузовикам «РИО», на которых обычно возили Национальную Гвардию. Судя по аппетитному запаху, где-то рядом работала полевая кухня.

Бойцы, прилично экипированные, как и те, что его задержали, не обращали на пленного внимания. Рыжебородый и Джин провели Джея мимо зеленого трейлера с крупными красными крестами на борту в большую штабную палатку, где за складным столом сидел человек в настоящей генеральской форме. Джей-Ти не служил в армии и не разбирался в званиях, но много раз видел генералов в кино и знал, что на погонах у них должны быть большие серебряные звезды. У этого типа они были, по четыре штуки на каждом погоне.

На вид Макриди можно было дать лет сорок пять. Бледное, гладко выбритое лицо, большие карие глаза, достойные фото-

модели, узкий подбородок, тонкие губы. Генерал смахивал на симпатичного киноактера, который играет полководца в боевике про вторую мировую, про какой-нибудь «День Д» или там Иводзиму.

– Задержали недалеко от озера, сэр, – доложила женщина, неслышно вошедшая в палатку вслед за ними. – При нем был револьвер сорок четвертого калибра, пустой, из которого недавно стреляли.

– Ну и зачем вы расстреляли парней из нашей разведки? – мягко поинтересовался Макриди.

– Я никого не расстреливал. Я сбежал на лодке из Солт-Лейк-Сити, отстреливался от корабля, который за мной гнался.

– Утверждает, что потопил его, – вставила женщина.

Макриди улыбнулся, отчего лицо его сделалось еще приятнее.

– На войне бывает и не такое, – сказал он, кивая головой. – Я слышал и видел более необычные вещи.

Джей-Ти едва удержался, чтобы не расплыться в ответной улыбке. Если Макриди ему поверит...

– Это не все, сэр, – сурово сказала женщина. – Я вспомнила этого человека. Я видела его давно, два года назад.

– Вот как? Это интересно, Бетси. Где, при каких обстоятельствах?

– В Неваде, сэр. Мы на двух машинах преследовали по вашему приказанию дом на колесах, кажется, «виннебаго». Они открыли огонь, сбили нас с шоссе. Потом застрелили двоих, третьего пытали – с ними был коп, он прострелил ему ногу. Выясняли, кто мы и откуда, кто нас послал... Со мной был капитан Смоллвуд, он может подтвердить.

– Пригласите Смоллвуда, капрал, – распорядился Макриди. Джин мгновенно выбежал из палатки. – Вот незадача. Со старыми врагами мы обычно не церемонимся, как и с новыми. Видите, как причудливо переплетаются человеческие судьбы?

– Вижу, не слепой, – буркнул Джей-Ти. Теперь и он вспомнил ту встречу на дороге. Вшивые и грязные бандиты, с которыми Манчини не стал церемониться. Теперь один из них капитан, да и Бетси, кажется, не из рядовых... Стоп, Смоллвуд? Черт, это же тот урод, который приходил предлагать капитуляцию в Уотерхоул!

Подозрения Джея подтвердились, когда капитан Смоллвуд вошел в палатку. Те же усики, те же золотые очки, разве что немного отъелся. А на трассе, когда он стоял, обмочив штаны, его звали Гофером.

– Привет, Гофер, – сказал Джей-Ти, потому что терять было уже нечего. – Как дела, чувак?

– Полагаю, дальнейшее опознание бессмысленно? – уточнил Макриди.

– Да, этого человека я знаю, сэр, – кивнул Смоллвуд, внимательно посмотрев на Джея. – Впервые я видел его на дороге вместе с лейтенантом Мартинес. Затем – в городке, уже не вспомню названия... Вы посылали меня парламентаром.

– Вот как. Последовательный, упорный враг, – произнес Макриди, наставительно подняв палец. – Зачем вас послал Мастер?

– Никто меня не посылал, понял, чертов клоун! Думаешь, если ты надел генеральский мундир, так сразу стал генералом?! Я видел, как один ниггер нашивался и надел костюм Бэтмена, но Бэтменом он так и не стал – прыгнул с балкона и разбился на хрен в лепешку, его лопатой собирали на носилки!

Джей понимал, что его понесло, но злоба на нелепость последних событий не давала остановиться.

– Капитаны, лейтенанты... Ты небось слишком много играл в компьютерные игрушки, когда сидел у себя в офисе? Кем ты был, пока все это не началось? Бухгалтером? Продавцом в магазине сельскохозяйственных товаров? А твои капитаны и лейтенанты небось жрали тухлую пиццу из мусорных контейнеров или сидели за изнасилование малолетних?

Джей хотел сказать что-то еще, но только махнул рукой. Макриди выслушал его внимательно, потом спросил:

– У вас все? В таком случае будем считать, что право на последнее слово вы использовали. Возможно, я поступил бы более гуманно, возьми мы вас в плен на поле боя. Но поскольку вы прибыли сюда со шпионской миссией, да к тому же виноваты в гибели трех разведчиков, к которым, как я понимаю, следует приплюсовать еще убийство два года назад двоих наших людей из команды Смоллвуда и Мартинес...

Генерал не договорил. Поднявшись и одернув и без того безукоризненно сидевший на нем мундир, он вышел из палатки. Остальные двинулись за ним, Джей чувствовал, как в спину ему между лопатками воткнулся ствол автомата.

– Во-он тот холм, – указал Макриди в наступающих сумерках. – Смоллвуд, помните, что мы сделали с человеком, которого наши враги прислали отравить колодец в Форт-Грин?

– Так точно, сэр, помню, – отозвался капитан.

– Полагаю, эту поучительную процедуру следует повторить. Распорядитесь, чтобы плотник все приготовил, а когда я решу оставить это место, солдатам будет на что посмотреть.

– А что с ним делать до тех пор, сэр? – осведомился капитан Смоллвуд.

– Покажите ему южное гостеприимство, капитан. Гуманизм не бывает излишним, тем более если человека ожидает подобная смерть.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Полет нормальный

Разговор с губернатором Айдахо, куда предстояло отправиться в ближайшем будущем, состоялся наутро после общего собрания по операции «Илиада». Гумилева разбудил референт, сказав:

– Андрей Львович, с вами хочет говорить губернатор штата Айдахо. Соединять или сказать, что вас нет на месте?

– Соединяй, конечно.

Гумилев сел на кровати, стряхивая остатки сна. Снилось какая-то страшная дрянь, поэтому он был даже рад, что его разбудили. В последнее время ему почти каждую ночь снилось черт знает что. Иногда он даже вскакивал и потом долго не мог понять, где находится. Нервишки стали сдавать...

– Алло? Мистер Гумилев? – раздался в трубке жизнерадостный голос.

– Да, мистер Джонсон. Доброе утро.

– Это у вас в Москве утро, но я не мог откладывать. Я еще раз хочу уточнить, устраивает ли вас Твин-Фоллз? Понимаю всю важность миссии, я хотел бы со своей стороны обеспечить все необходимое для ее успешного проведения. Мы выделим вам отель «Амерител Инн». Полагаю, вам будет там очень удобно. Я уже распорядился, чтобы вас выслали все материалы, фотографии и прочее. Если будут особые пожелания, мы их непременно учтем.

Гумилев спросонья попытался вспомнить, что он уже знает о Твин-Фоллз. Маленький туристический городок, чуть больше сорока тысяч населения, вокруг – достопримечательности

типа Шошонского водопада... Недалеко от границы... Тихое и спокойное место... Да какая разница, в самом деле? Какие еще могут быть особые пожелания? Там и так небось готовы встречать миссию ООН во всеоружии.

– О'кей, мистер Джонсон, – сказал он. – Но я думаю, никаких особенных пожеланий не будет, мы же все-таки едем работать, а в этом плане, как мне сообщили, все уже подготовлено.

– Отлично, мистер Гумилев! Если возникнут какие-то вопросы, обращайтесь напрямую ко мне. Все контактные данные будут в отправленных вам материалах.

– Спасибо, мистер Джонсон. Всего доброго!

Гумилев положил трубку.

Штат Айдахо входил в Североамериканский Альянс, но во многом был, по сути, самостоятельным государством. Он не стала отделяться, как это сделал Техас, но независимость его была немногим меньше. Несмотря на близость к Закрытой Территории, штат Айдахо сохранил неплохо развитую сельскохозяйственную базу, и теперь кормил половину Североамериканского Альянса.

Разумеется, правительство Североамериканского Альянса с радостью согласится передать право принять миссию ООН Айдахо, как верно сказал в телефонном разговоре Джонсон. Меньше головной боли. Если что-то случится, всегда можно сказать, что виноват губернатор со своей независимостью. Если же все пройдет успешно – Айдахо часть Альянса, стало быть, его руководство и есть молодцы.

Гумилев принялся одеваться, потому что день планировался сложный и суетливый. Необходимо было окончательно согласовать вылет рейса с членами группы и оборудованием, переговорить с целым рядом чиновников и людей из спецслужб, дать последние указания своим бойцам. «Своими бойцами» Гумилев мысленно называл всех, кому предстояло участвовать в операции «Илиада»: и сотрудников Санича, и ученый люд.

Наскоро перекусив овсянкой и морковно-сельдереевым соком, в холле Гумилев наткнулся на Марусю.

– Папочка, ты куда?!

– Ты чего так рано? Спи давай, у тебя же каникулы.

– Я не хочу спать. Когда спишь, ничего интересного не происходит, если только во сне. А во сне – оно же не по-настоящему... Лучше я что-нибудь сделаю хорошее.

– Полей цветы у меня в кабинете, – попросил Гумилев. Маруся сморщила нос.

– Разве это хорошее? Цветы у тебя и так специально поливают.

– А ты полей, и тот, кому положено специально поливать, в это время отдохнет.

– Хорошо, папочка, – кротко сказала Маруся.

Гумилев усмехнулся – такой послушной дочь бывала редко, обычно все происходило совсем наоборот. Если с раннего утра дочери, которой положено спать на каникулах вволю, внезапно хочется сделать что-то полезное, значит, дело тут нечисто. Гумилев пристально посмотрел на дочь и грозно произнес:

– А ну, признавайся! Что вы с Мурзилкой натворили?

Но Маруся неожиданно по-взрослому сказала:

– Да ничего, пап. Мурзик спит, это я специально рано встала, чтобы тебя увидеть.

Гумилев растерялся. Он привык, что Маруся легко относится к его отъездам-приездам, к всевозможным задержкам на работе и прочим сложностям. А сейчас явно происходило что-то не то. Повзрослела дочь – печально подумал Гумилев и провел рукой по светлой Марусиной макушке. Маруся подняла на него серьезные глаза:

– А ты скоро улетишь в Америку?

– Вот сейчас поеду и все узнаю, – пообещал Гумилев.

– Привезешь мне оттуда чего-нибудь?

– Я же буду в пустыне. Там ничего нет.

– Привези тогда кактус. В пустыне же есть кактусы?
– Кактус привезу, – согласился Гумилев и подумал, что нужно бы заранее дать поручение купить кактус и спрятать где-нибудь до его возвращения.

Поцеловав Марусю, он спустился вниз и сел в машину.

– Давай в министерство обороны, – велел Гумилев водителю.
– А пока я там буду возиться – это на час, а то и полтора – съезди в какой-нибудь цветочный магазин и купи большой кактус.

– Хорошо, Андрей Львович, – сказал водитель. – А какой именно? Они разные бывают, кактусы.

– Пустыню видел по телевизору? Вот такой и купи. Главное, побольше.

Когда машина подъехала к министерству обороны, Гумилев сказал водителю:

– Отбой по кактусу.

– Понял, Андрей Львович.

– Сам привезу. Настоящий. Из пустыни...

Вылетать пришлось в тот же день вечером, потому что согласовалось все неожиданно быстро. Часть груза, принадлежащую миссии ООН, отправили еще днем, а скарб гумилевской «Илиады» находился в Сече в ожидании группы. До Сещинского аэродрома добрались на вертолете, и теперь Гумилев стоял возле огромного «Руслана» и смотрел, как бортовые передвижные краны загружают на нижнюю палубу самолета вездеходы. Это были специальные машины на базе армейских «Тигров», доработанные и модернизированные в гаражах гумилевской конторы его специалистами. В опломбированных контейнерах, помимо научной аппаратуры и других причудалов, хранилось оружие и обмундирование. А пока все члены группы были одеты в одинаковые темно-зеленые комбинезоны, на груди – нашивки с фамилиями на русском и английском, на рукаве – голубые флажки ООН.

Вессенберг о чем-то разговаривал с Артемьевым, оба курили: эстонец сигару, а Артемьев тоненькую папироску, он их набивал сам. Вояки держались вместе, тоже переговаривались, потом Санич побежал к самолету за что-то ругать аэродромных работников.

– Давно я не летал на таком мастодонте, – сказал Решетников. Он стоял рядом с Гумилевым и тоже был одет в темно-зеленый комбинезон.

– Я вообще на таком не летал, Константин Кириллович.

– Ничем не отличается от простого лайнера, разве что комфорта поменьше. У них там есть на верхней палубе кабина для сопровождающих, туда нас и посадят. Стюардесса, ясное дело, не положена.

– Ну, на этот случай у нас с собой все припасено, – подмигнул Гумилев.

К ним подошел командир корабля, невысокий подполковник.

– Заместитель командира авиаполка Сеницын, – шепнул Решетников.

– Все готово, товарищи, – сказал подполковник. – Погрузка идет к концу, можете занимать свои места. С погодой, вроде, все порядке, тьфу-тьфу.

– Есть, товарищ Сеницын, – отозвался Гумилев. – Через минуту рассядемся. В Америку прибудем по графику?

– Если ничего не случится, – развел руками подполковник и снова плюнул через левое плечо.

Кабина для сопровождающих оказалась достаточно уютной. Гумилеву приходилось летать на обычных военных бортах, и в памяти навсегда остались их холодные полутемные салоны с приделанными к стенкам жесткими сиденьями. Здесь, как и говорил Решетников, все напоминало обычный авиалайнер. Усевшись, Гумилев поерзал, устраиваясь поудобнее, и объявил:

– Поскольку полет предстоит долгий, разрешаю это дело отметить. Но только после того, как взлетим, и в разумных пре-

делах. То, что каждый с собой чего-то да протащил, я в курсе. Надеюсь, это будет первым и последним нарушением полученных инструкций.

Он оглянулся – все улыбались, только Грищенко отчего-то покраснел. Видимо, слишком много всего с собой нагрузил.

Синицын объявил по радио, чтобы приготовились к взлету. Гумилев пристегнул ремень, а Решетников выглянул в иллюминатор и зябко поежился:

– Сколько раз летаю, и всегда боюсь. Дернул меня черт как-то прочесть книгу «История авиакатастроф»... Весьма жуткое чтение, уверяю. А больше всего, знаете, пугает, если, например, управление откажет. То есть самолет может еще долго лететь, но сесть – уже никак. Был случай в Японии, они несколько часов так болтались, пока в гору не врезались.

– Найдете же вы, о чем рассказать на взлете, – с деланной укоризной сказал Гумилев, который на самолетах летать вовсе не боялся. – Вероятность погибнуть на земле, в автокатастрофе, куда выше, чем разбиться на самолете.

– Это все инсинуации, – возразил Решетников. – А если посмотреть с другой стороны, то примерно один из двух миллионов полетов заканчивается катастрофой, тогда как у автомобилистов – одна из восьми миллионов поездок. И где выше вероятность?

– Надеюсь, у нас сегодня не двухмиллионный полет, – буркнул Гумилев, и «Руслан» начал разгон по взлетной полосе.

Гумилев неоднократно наблюдал за пассажирами в поездах и всегда удивлялся их поведению. Расположившись на своем месте в купе или плацкарте, они тут же начинали выкладывать на стол жареную курицу в фольге, вареные яички, картофелины, огурцы и помидоры, кое-кто ставил бутылку водки. Как только поезд трогался, большинство начинало раздирать на части курицу, чистить яйца или нарезать помидоры. Люби-

тели выпить бежали к проводнице за стаканами, если забыли вдруг купить одноразовые.

Самое смешное, что многие из этих людей только что, максимум час-полтора назад, уже перекусили дома «на дорожку» и выпили «за счастливую поездку». Но, видимо, что-то такое есть в человеческой натуре, что заставляет в путешествии развлекаться едой.

Члены «Илиады» исключением не были. Запасливый Грищенко в самом деле расстарался – копченое сало, какие-то соленья, домашняя колбаса, здоровенные помидоры «бычье сердце», даже неизменная курица. Остальные не отставали, только у Ивановой были какие-то худосочные бутерброды с торчавшими листьями салата, да эстонец вообще ничего не ел.

Гумилев и Решетников ограничились сотней граммов коньяка.

– Интересно, по прилету будет банкет? – спросил Решетников.

– Наверное, да. Губернатор Джонсон производит впечатление весьма радушного человека. Да и во время эпидемии себя хорошо проявил, не стал ждать, пока из администрации президента начнут ценные указания давать. В итоге спас множество людей.

– Я слышал, но лично с ним сталкиваться не приходилось...

– Мне тоже не приходилось, только по телефону общались. Вот и столкнемся. Ну да бог с ним, с банкетом. Что будем делать с транспортом? Как и планировали, выдвинемся на вездеходах через периметр якобы с исследовательскими целями, а потом исчезнем?

– На мой взгляд, наиболее приемлемый вариант.

– Вы по-прежнему против вертолета?

– Решительно против. Я уже говорил, что у обитателей Закрытой Территории есть средства противовоздушной обороны. По земле передвигаться значительно безопаснее, хотя и медленнее.

– То-то, что медленнее. И пропасть сложнее. А вертолет... тут-то как раз и можно сослаться на средства ПВО.

– Давайте все же решим на месте. Действуя по обстоятельствам.

– Да я понимаю, – сказал Гумилев. – Просто подумал, что каждый день на счету.

Он встал из кресла и прогулялся по проходу. Бойцы предложили угоститься, Гумилев вежливо отказался и подошел к Вессенбергу, который читал книгу.

– А что граф Суворов ничего не ест? – шутливо поинтересовался Гумилев.

– Что? Почему Суворов? – эстонец оторвался от книги.

– Была такая старая телевизионная реклама, вы, наверное, не видели. Суворов там отвечал, что до первой звезды, дескать, нельзя.

– Почему нельзя кушать до первой звезды? – удивился Вессенберг.

– Пост был, – объяснил Гумилев. – Но в самом деле, почему не едите?

– Спасибо, я кушал в столовой незадолго до вылета. Еще не время. Ешь вполсыта, пей вполпьяна – проживешь век дополна.

– Какой вы... продуманный, Индро Юльевич, – добродушно улыбнулся Гумилев. – Что читаете, если не секрет?

Вессенберг вместо ответа закрыл книгу и показал обложку.

– «Великое путешествие кроликов»?!

– Я не читал. Хотел понять смысл вашей шутки тогда, на встрече. Теперь понимаю. Очень хорошая книга, я вам благодарен за рекомендацию.

– Не стоит, – сказал Гумилев и вернулся на свое место.

– Станный человек, – заметил он, садясь.

– Какая наука, такой и человек. Представьте себе, что вы постоянно имеете дело с формами жизни неземного происхождения. Станешь тут странным.

– Вессенберг постоянно имеет дело с формами жизни неземного происхождения?! – Гумилев поднял брови. – Я полагал, что он чистый теоретик.

– Не совсем, – уклончиво сказал Решетников. – У нас есть кое-что... еще со времен Сталина... Разумеется, это очень высокий уровень секретности, да и есть некоторые нюансы... в общем, нечего там особенно исследовать. Это еще одна из причин, почему нам нужна Зона 51. Уж не знаю, почему, но в этом смысле американцам повезло больше.

– Понял, – сказал Гумилев.

Аэропорт Твин Фоллз был предназначен для местных рейсов на небольших «Эмбраерах» и физически не мог принять такую машину, как «Руслан». Сесть громадный самолет еще мог, но для взлета единственная посадочная полоса была слишком короткой. Однако стараниями все того же Джонсона полосу в кратчайшие сроки укрепили и удлиннили еще тогда, когда окончательное решение о принятии миссии еще не было принято. Хитрый губернатор выбил на это деньги из правительства Альянса, здраво рассудив, что русские, может, и не прилетят, но хорошая взлетно-посадочная полоса на дороге не валяется.

К сожалению, губернатор не смог лично встретить миссию; его чиновники пообещали, что Джонсон наведается непосредственно в Твин Фоллз, где их уже ждет гостиница «Америтель Инн». Там же миссию ООН ожидали прикрепленные к ней агенты Пол Ковальски и Шон «Буч» Маккормик, прибывшие из Вашингтона.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Голгофа

Фургончик остановился, дико закрипев изношенными тормозами, в полуметре от Шибанова, который уже собрался было отскочить. Ростислав опустил винтовку и подошел к открывшейся дверце, из которой вылезал вислоусый старичок в огромной стетсоновской шляпе.

– Ты еще кто такой? – сварливо спросил дед и прищурился. Лицо его было сложным переплетением морщин, из которых торчал бугристый нос. – У тебя глаза разного цвета. Это подозрительно.

– Я не сделаю вам ничего плохого, – поторопился объяснить Ростислав. – Мы и не ожидали, что встретим автомобиль...

– Автомобили сейчас тут редко ездят, это ты верно сказал, парень. Но это ни хрена и не автомобиль. На таком автомобиле только чертям в аду в сортир ездить. Потому у меня его никто и не отнимает. Я тоже никому не нужен, потому и живой. Воевать староват, отобрать у меня нечего...

– А бензин? – деловито спросила Мидори, которая вместе с Атикой тоже подошла к фургончику и стояла рядом, с винтовкой наперевес.

– А у меня нету бензина, – хитро улыбаясь, сказал старичок. – Это электромобиль, заряжается от солнца. Я всем показываю пустой бак, он специально приделан, и говорю, что остались капли. А кому нужен такой жуткий рыдван без бензина?

Старик гордо подбоченился.

– Панели батарей стоят на крыше. Я, знаете ли, изобретал на досуге, пока эта страна не провалилась в тартарары. Имею несколько патентов. Правда, ими сейчас можно только подтереться, если они еще уцелели в моем домике в Элко.

– А старичок-то по части ругательств даст фору Джею, – шепнула Ростиславу Атика.

– Я все слышу, – сказал старичок. – Вылезайте уж все из кустов, чего прятаться, раз тут еще какой-то Джей имеется.

– Джей, к сожалению, не здесь... – Шибанов протянул руку. – Меня зовут Расти. Это Атика, моя жена. Это – Мидори.

– Оливия! Оливия, вылезай! – вместо того, чтобы представиться, громко закричал дед. Боковая дверца фургона с грохотом отъехала в сторону, и с подножки с достоинством спустилась маленькая старушка в такой же стетсоновской шляпе, правда, украшенной искусственной выцветшей розой. В руках она держала дробовик стволом вниз.

– Это Оливия, моя супруга. А я – Ромео Грэнджерфорд.

Только теперь старик пожал руку Шибанову.

– Что это за молодые люди? – поинтересовалась старушка. Она была такая же древняя и морщинистая, как и ее муж, в мешковатом джинсовом комбинезоне и домашних тапочках на босу ногу.

– Господь их ведает, Оливия, – сказал Ромео. – Остановили нас.

– С утра останавливают уже третий раз, – недовольным тоном произнесла Оливия. – Хорошо хоть не стреляют.

– Третий раз? – переспросил Ростислав. – А кто останавливал и где?

– Известно кто, солдаты, – махнул рукой старичок. – Вернее, эти олухи, которые считают себя солдатами. Видите ли, у них посты. Когда я служил в Корее, в восьмой армии генерала Риджуэя, это да, мы были солдаты! А здесь какой-то сброд с оружием.

Насколько Шибанов помнил, корейская война была в начале пятидесятих годов двадцатого века. Получалось, что деду Ромео уже за восемьдесят. Собственно, так он и выглядел.

– Так что вам надо? – спросил дед.

– Воды. А вообще, наверное, на юг, – сказал Шибанов. – В Неваду.

Ростислав и девушки пробирались по пустынной местности уже несколько часов и Шибанов сам себе удивился, что у него еще хватило выдержки на светскую беседу со старичком, когда всем, включая кота, пить хотелось невыносимо.

Оливия засуетилась и вытащила из фургона пластиковую бутылку с мутноватой водой и мисочку, в которую плеснула немного коту. Такого наслаждения от глотка воды, пусть даже грязноватой, пресной и теплой, Ростислав не испытывал, казалось, никогда в жизни. Девушки, напившись, горячо благодарили старичков.

– А вы куда направляетесь? – наконец смог продолжить беседу Шибанов.

– Мы едем в Неваду, но не уверен, что хотим вас подвезти, – нахмурился дед. – Сами понимаете, что вдвоем с Оливией нас никто не трогает, а если увидят вас, да еще с оружием...

– Ромео, мы непременно обязаны подвезти этих молодых людей! – безапелляционно заявила Оливия и принялась чесать за ухом кота, который высунул морду из-под куртки Мидори, где спал. – Не будут же они идти пешком по этой ужасной дороге.

– Вот всегда так, – буркнул Ромео так, чтобы его слышал только Шибанов. – Если бы я сказал, что вас нужно взять, она бы стала пилить меня, что я собираю по дороге всякое отребье... Старая гримза постоянно говорит мне назло.

По довольному виду старичка Ростислав понял, что именно по этой причине он и отказывался посадить их в фургоны.

Внутри фургончика оказалось уютно. Шибанов поместился впереди, рядом с Ромео, а девушки – сзади, в украшенном вышитыми салфетками салоне, вместе с Оливией. Та сразу принялась радушно угощать их обедом, сетуя, что остался только вчерашний жареный койот. Койота по достоинству оценили все, включая Крысиного Короля. Ему положили изрядную порцию, и вообще придали статус почетного гостя. Оливия непрестанно умилялась, говорила, что самое хорошее, что с ними случилось за последние полгода – это вот этот милый котик. Крыс не возражал, сыто облизываясь. В благодарность за угощение он позволил себе немного полежать на коленях Оливии, но вскоре перебрался к Атике и тут же уснул.

– Вы едете в Неваду в какое-то конкретное место? – спросил Ростислав, обглаживая тонкое ребрышко и выкидывая его в открытое окно.

– Знаешь, Расти, я объехал уже все эти чертовы штаты. Могут сказать одно – везде хреново, – старичок со скрежетом переключил рычаг коробки передач. – Нахлебники вроде нас с Оливией никому не нужны. Приходится охотиться или чинить что-то нужное за еду... В Неваде мы не были с год, вот и решили посмотреть, что там. Говорят, в Вегасе до сих пор полно больных.

Ростислав подумал, что давно уже не слышал выражения «больные» применительно к инфицированным. Чокнутые, психи, дебилы... Хотя они в первую очередь действительно больные. И, если бы не иммунитет, он был бы с ними.

– Зачем же туда ехать?

– А заодно и проверим, – задорно сказал старичок. – Там хотя бы нет войны, насколько я знаю. Такой, как у нас между этим хреновым Макриди и этим хреновым Солт-Лейк-Сити. В сам Вегас мы, понятное дело, соваться не станем, в больших городах делать нечего. А вот в маленьких можем и пригодиться.

– Жили мы как-то в маленьком городе... Уотерхоул, может, слышали?

– Не слышал, – признался Ромео. – Мало ли их возникало и исчезало. А ты-то кем был, пока не началась эта кутерьма?

– Хоккеистом.

Шибанова давно уже никто не спрашивал, чем он занимался раньше, в мирное и тихое время. Это перестало интересоваться людей, всех куда сильнее занимало, что человек может сейчас. Хорошо ли он стреляет. Может ли отремонтировать двигатель автомобиля, заменив его части снятыми с другого, порой совсем иной марки. Умеет ли вкусно приготовить крысу, койота, ящерицу. Примеров было достаточно: то же Макриди, скорее всего, действительно торговал подержанными автомобилями, а трусливый Гофер был риэлтором.

На деда слова Шибанова не произвели впечатления.

– Небось неплохо платили, – только и сказал он, объезжая перевернутый ржавый пикап. – А девчонки?

– Моя жена фотографировалась для журналов.

– Голая, что ли? – заинтересовался Ромео, но остыл, когда узнал, что Атика фотографировалась одетой для рекламы. Никак не заинтересовало старичка и то, что Мидори была довольно известной киноактрисой.

– Я кино давно не смотрю, – заявил дед. – Раньше еще были некоторые толковые картины с Джоном Уэйном, Оди Мерфи... Рейган неплохо играл, потом зачем-то поперся в президенты, как будто ему там медом намазали. А дальше началась сплошная белиберда.

И заключил:

– Странно, что вы вообще живые до сих пор. Совершенно никчемные у вас профессии, парень.

Знал бы ты еще, кто был Джей-Ти, подумал Шибанов.

Джей-Ти лежал в запертом армейском фургоне. Свет еле-еле проникал туда сквозь узкие вентиляционные отверстия под самым потолком, но разглядывать в фургоне все равно было нечего. Подстилка в виде тонкого матраса, армейское синее одеяло, подушка. По нужде Джея-Ти выводили в кусты под конвоем двух охранников – один стоял перед ним, второй за спиной. Впрочем, о стыдливости бывший рэпер давно позабыл, как и о нормальных туалетах с унитазами и биде.

В еде ему не отказывали. Жареное мясо, зеленый горошек, пюре из вареной репы с большим количеством подливки, апельсиновый джем, белые сухари, свежая вода, даже немного разбавленного виски. Виски Джей-Ти пить не стал, решив, что голова должна быть ясной.

Макриди готовил ему что-то ужасное, это было понятно по выданным капитану Смоллвуду указаниям и по тому, как грустно посматривали на узника охранники. Бояться Джей не боялся, но умирать не хотелось. Жаль, что ему так и не удалось встретиться с друзьями. Дай бог, чтобы хоть у них все сложилось хорошо.

Джей-Ти потянулся, поднялся с матраса и принялся бегать туда-сюда по фургону. Залязгал засов, дверь приоткрылась, в щель просунулась морда сержанта-охранника:

- Ты чего тут скачешь?
- Разминаюсь, – сказал Джей-Ти и начал приседать.
- Сумасшедший, – пожал плечами сержант и вновь закрыл дверь.

Сбежать возможности не представлялось – фургон ногтями не проковыряешь, при выводах в туалет строго охраняли, даже еду просовывали под дулом автомата. Наверное, Джея считали за особо опасного шпиона Солт-Лейк-Сити и обращаться с ним велили соответственно. Макриди если и был ублюдком, то очень осторожным и умным ублюдком.

Наприседавшись и наотжимавшись до тех пор, пока с него в три ручья не полил пот, Джей-Ти сел прямо на металлический пол в позу лотоса и стал ждать, что будет дальше. Он почти впал в некоторое подобие транса, когда принесли ужин. Принес его капитан Смоллвуд.

– Насколько я помню, приговоренным к смерти полагается сделать особый заказ, – сказал капитан, ставя поднос рядом с Джейм. Сквозь приоткрытую дверь за ними бдительно наблюдал сержант. – Я читал, что один человек заказал пять банок маринованных огурчиков, а другой – одну оливку с косточкой. У нас, к сожалению, уже не самая свободная страна в мире, поэтому я позволил себе сделать выбор самому. Надеюсь, ты останешься доволен.

Ужин и в самом деле был что надо. Жареный цыпленок с хрустящей корочкой, как любил Джей. Маринованные огурчики, только не пять банок, а пять штук на блюдечке. Салат из шинкованной капусты с морковью, жареная картошка, пакетик кетчупа, красное яблоко. И бутылочка ржаного виски.

– Отлично, – сказал Джей-Ти и, не меняя позы, взял цыпленка и отломил сочную ножку. Оторвав зубами кусок мяса, он принялся жевать его. Потом взял пластиковую ложку с прорезями, которую можно использовать, как вилку – он знал, что такие дают в тюрьме – и подцепил немного салата.

– Вкусно? – с неприкрытым радушием осведомился капитан, садясь рядом на матрас.

– Отлично! – повторил Джей-Ти, хрустя салатом. Потом поймал ускользающий огурчик, сунул в рот, снова заел цыпленком.

– Я думаю, что человеку в самом деле нужно доставить радость перед тем, как посылать его на смерть, – философски рассуждал капитан Смоллвуд. – В этом я полностью согласен с генералом Макриди. Смерть вообще чудовищна, и брать на

себя нелегкое бремя распоряжаться человеческими жизнями – это не для каждого. Вы согласны со мной?

Джей-Ти молча кивнул, поливая картошку кетчупом.

– Я уверен, что у вас найдется для меня доброе слово, когда вы встретитесь с господом. То, что мы делаем, вся эта жестокость, которую мы допускаем сегодня – вынужденные меры. Такова жизнь, – вздохнул Смоллвуд, – и мы не можем вести себя иначе, потому что в противном случае победит хаос.

На зубах у Джея хрустнула бедренная косточка цыпленка, и он принялся ее старательно обглаживать.

– Буду искренен, я поделился собственным офицерским пайком, – доверительно сказал капитан. – Хотелось сделать вам приятное.

– Спасибо, кэп, – сказал Джей-Ти и вонзил в глаз Смоллвуду острый конец цыплячьей косточки. Капитан завопил и покатился по полу. Перепуганный сержант выпустил очередь в потолок фургона, тут же покрывшийся пробоинами, кто-то другой сунулся внутрь и поволок корчащегося и кричащего Смоллвуда прочь. Джей-Ти захохотал, размазывая по лицу кетчуп, словно кровь. Нет, он не сошел с ума, он смеялся над глупым риэлтором, думавшим, что прощение можно купить горстью картошки и пятью огурцами.

Смоллвуда вытащили, дверь захлопнули, но еще слышно было, как он визжит и бьется. Джей постарался успокоиться, понимая, что этот его смех может перейти в банальную истерику. Он несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, потряс головой и спокойно принялся доедать свою прощальную трапезу.

Больше его никто не беспокоил до самой ночи. Спать Джей не лег, понимая, что за ним придут до рассвета, иначе зачем совестливому Смоллвуду было устраивать ужин смертника?

По крыше забарабанил дождь, через пробоины, оставленные автоматной очередью в потолке, закапала вода. Джей накинул на плечи одеяло.

Снаружи слышались голоса, кто-то скомандовал:

– Открывайте.

Это оказался сам генерал Макриди. В накидке-дождевике, каске и в сопровождении нескольких автоматчиков. Поодаль стоял грузовик.

– Когда я узнал о том, что случилось с капитаном Смоллвудом, решил, что сам должен присутствовать, – сказал Макриди. – Напрасно вы так поступили. Капитан был добрым человеком.

– Был?! – переспросил Джей, пока ему связывали за спиной руки.

– Э-э... Я бы сказал, что сейчас капитан несколько не в себе, – поправился Макриди. Джей осклабился:

– Надеюсь, он чокнулся насовсем.

Макриди глубоко вздохнул, словно сожалея о столь неуместном поведении пленного, и велел посадить его в грузовик.

Вместе с Джем в тесный кузов набились еще пятеро с автоматами. По тенту продолжал стучать дождь, и бывший рэпер вспомнил старую примету, которую частенько повторяла его старая бабушка: «Дождь в дороге – это хорошо».

– Куда уж лучше... – пробормотал себе под нос Джей-Ти.

– Что ты там бормочешь? – окрикнул его один из охранников.

– Молюсь, блин, – огрызнулся Джей-Ти.

Когда они подъехали к холму, уже почти стемнело, и его вершину пришлось освещать фарами грузовика и джипа, на котором приехал Макриди. С холма был хорошо виден временный лагерь Республиканской Армии, но не он привлек внимание Джея, а новенький крест, вкопанный в глинистую почву. Крест был сколочен из толстых брусьев; сколочен не абы как, а с умением и старанием.

Значит, вот что они придумали. Джей-Ти стиснул зубы.

– Я специально исследовал подробности распятия Иисуса Христа, – произнес Макриди. Он был все в той же накидке и каске, хотя дождь почти утих. Рядом стоял унылого вида мужчина в наглухо застегнутом плаще, из-под которого был виден воротничок священника. – Там есть интересные нюансы – евангелисты утверждают, что Иисуса прибили к кресту гвоздями, два гвоздя – в ладони, и один – в скрещенные ноги. Но многие исследователи утверждают, что человеческое тело под своей тяжестью не сможет удержаться на гвоздях, вбитых в ладони. Гвозди или выскочат из древесины, или разорвут плоть. Много говорилось и о специальной подставочке для ног, которая то ли была, то ли нет на Голгофском кресте... Я убедился, что вопросы действительно серьезные, и потому разработал систему, при которой тело отлично держится на кресте, а распятый долго не умирает. Милосердные римляне перебивали им кости голени – без опоры на ноги в таком положении очень трудно дышать, и человек умирал от недостатка кислорода. По-моему, это лишнее.

Здоровенный капрал положил на мокрую траву звякнувший сверток, развернул его. Внутри оказались длинные гвозди и молоток. Джей-Ти невольно зажмурился, но собрался и вновь открыл глаза.

– Давайте, – велел своим людям генерал. Джею-Ти развязали руки и потащили к кресту. Он не сопротивлялся, не желая доставлять удовольствие этому мерзавцу.

– Вас на всякий случай привяжут, это необходимо, – крикнул Макриди. – Заметьте еще и то, что Иисус нес свой крест на Голгофу самостоятельно. Вас я от этой неприятной обязанности избавил.

Джея в самом деле привязали поперек груди, укрепив ноги на пресловутой подставочке. Тот же здоровенный капрал взобрался на стремянку, и тут уж Джей-Ти не смог отказать себе в том, чтобы пнуть ее свободной пока ногой. Капрал тяжело грохнулся о землю.

Макриди покачал головой:

– Вы все норовите испортить.

Джей-Ти даже удивился, когда вторично взобравшийся на стремянку капрал вбил первый гвоздь, в правую руку. Да, было больно, но совсем не так больно, как он ожидал. Бывший рэпер обратил внимание, что один из державших его молодых солдат отвернулся, не в силах смотреть.

– Это ты, что ли, плотник? – стараясь говорить ровно, спросил Джей-Ти капрала.

– Я, – буркнул тот, переставляя стремянку к другой руке и выбирая гвоздь.

– Иисус тоже был плотником, ты знаешь об этом?

Капрал промолчал.

Второй гвоздь вошел больнее. Видимо, он задел одну из ладонных костей, и Джей-Ти не смог сдержать стон. Отворачивавшийся солдат не выдержал и, потеряв сознание, сполз вниз. Второй закричал:

– Помогите кто-нибудь, мне его тяжело держать!

Помог один из автоматчиков, в котором Джей узнал рыжебородого, задержавшего его на берегу озера.

– Надеюсь, тебе дали за меня медаль? – спросил Джей. – Или вам выдают в награду жратву?

Рыжебородый прикусил губу. Похоже, солдатам не нравилось то, что делает генерал. Но Джею было на них плевать, тем более он обезумел от боли, когда капрал занялся ногами. Сердце колотилось, словно готовясь пробить грудную клетку и выскочить наружу, и Джей изо всех сил старался не закричать и не потерять сознание. У него еще много времени впереди, чтобы болтаться тут без чувств в ожидании ворон.

Он даже не понял, когда державшие его солдаты отошли в сторону. Открыл глаза, когда услышал вкрадчивый голос священника:

– Ты не хочешь исповедаться, сын мой? Не хочешь поговорить со мной?

Джей-Ти помотал головой. Даже такое движение послало по всему телу новую волну ошеломительной боли. Из глаз текли слезы, смешиваясь с каплями вновь усиливающегося дождя.

– Тогда я прочту тебе псалом, – торжественно сказал священник, поднял глаза к небу и начал:

– Блажен муж, который не ходил на собрание нечестивых и не стоял на пути грешных, и не сидел в обществе губителей, но в законе господнем воля его, и закону его он будет поучаться день и ночь. И будет он как дерево, посаженное у истоков вод, которое плод свой даст в свое время, и лист его не опадет. И все, что он ни делает, будет успешно. Не так нечестивые, не так: но они – как прах, который сметает ветер с лица земли! Посему не устоят нечестивые на суде и грешники – в собрании праведных. Потому что знает господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет.

– Пошел ты в задницу, святой отец, – громко произнес Джей-Ти. Священник ничего не сказал и, перекрестив его, смиренно удалился к джипу.

– Прощай, – сказал генерал Макриди. – Завтра с утра моим солдатам будет, на что посмотреть. А потом и твоим хозяевам из Солт-Лейк-Сити, когда они обнаружат труп. Хотя, если тебе повезет, они могут найти тебя еще живым. Видишь, я честно даю тебе шанс.

С этими словами Макриди забрался в джип. Взревев моторами и надымив, обе машины уехали, и Джей-Ти остался на вершине холма один.

– Знает господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет... – пробормотал Джей последние слова священника. – Если бы оно так...

Электромобильчик Ромео Грэнджерфорда преодолел крутой подъем и начал спускаться. Ростислав внимательно осматривал открывшийся перед ними пейзаж, но ничего любопытного не обнаружил. Пустыня и пустыня, горы на горизонте, полузасыпанное песком шоссе...

– Ты не гони, не гони, – пожурил сидевшего за рулем Ростислава старичок-изобретатель. – Рессоры старые, ступицы тоже старые, и покрышки старые, а камеры еще хуже... На скорости что-то полетит, начнем кувыркаться. Зря я, что ли, выживал во всем этом дерьме, чтобы убиться в автокатастрофе?!

– Так нормально? – Шибанов послушно снизил скорость, хотя электромобильчик больше пятидесяти миль в час вообще не развивал, разве что под горку.

– Так нормально, – сварливо сказал дед.

Сделав короткую ночевку, они продолжали свой путь в Неваду. Мидори спала прямо на полу, в обнимку с котом, а старуха рассказывала изнемогающей Атике бесконечную историю о несчастной судьбе некоей своей подруги Мэгги-Сью, которая потеряла во Вьетнаме одного за другим троих женихов. Периодически старуха начинала перемывать кости несчастной Мэгги, которая в отсутствие женихов гуляла напропалую, но потом спохватывалась и возвращалась к лирической линии.

– Без выпивки тяжело, – уныло сказал Ромео, дергая себя за вислые прокуренные усы.

– А что вы не сделали перегонный аппарат? У нас в России много у кого такие есть.

– У меня тоже был. Что я, по-твоему, совсем дурень, если машину на солнечных батареях сумел собрать, а бухло сварить не сумел? Была у меня дома такая штука, и в машине здесь была, да старуха заставила выбросить. Она у меня трезвенница, видите ли. Да и перегонять особенно нечего. Этим надо серьезно заниматься, сырье отыскать, да где тут... Может, в Неваде чего сообразим.

Но в Неваде ничего им сообразить не удалось, потому что через десяток миль у машины отлетело правое переднее колесо. Ростислав в тот момент в очередной раз сбросил скорость, следуя совету Ромео, и только поэтому фургончик удержался на дороге и не перевернулся. Тем не менее его сильно занесло и поставило поперек проезжей части. Отскочившее колесо укатилось на обочину и, подпрыгнув на камешке, упало на бок.

– Твою мать! – отчаянно ругалась трезвенница Оливия, вылезая из машины и поправляя свою шляпу. Мидори держала вцепившегося в нее и шипящего Крыса. Атика помогала выбраться старику, который сильно ушиб колено и хромал.

К счастью, никто серьезно не пострадал. Чертыхающийся Ромео и Ростислав осмотрели машину и сообща пришли к выводу, что починить фургончик невозможно.

– Придется идти пешком, – смирившись с неизбежностью, сказал старичок. – Вечного двигателя изобрести нельзя, вечную машину – и подавно... Угораздило же нас сломаться в таком диком месте.

– Истинно наказывает господь! – заявила Оливия, не объяснив, за что господь их наказывает. Старичок почему-то принял это на свой счет и насупился.

– Давайте разгружать тачку и прикидывать, что забрать с собой, а что оставить.

С собой забрать получилось не так уж много. Многочисленные полезные для Ромео вещи в повседневной жизни, а тем более посередине пустыни, были ни к чему. Взяли всю воду, продукты, оружие и боеприпасы, аптечку с медикаментами, маленькую походную плитку с двумя газовыми баллонами, кое-что из одежды. Хромавшему старику Ростислав смастерил тросточку из снятого рычага переключения передач и какой-то тяги, валявшейся в багажнике среди запчастей.

Кота, чтобы не таскать на руках, посадили в импровизированный рюкзак, сделанный из вязаных занавесочек Оливии.

Старик было предложил вести кота на веревочке, но тот возмутился, ложился на спину и задирал вверх все четыре лапы, показывая, что он не какая-нибудь тупая собака, чтобы надевать поводок. В итоге кота понесла Оливия, которой досталось меньше всех груза – тощий и поджарый Крыс весил немного.

Вначале они шли вдоль шоссе, а когда брошенный фургончик исчез из виду, Ромео сверился с картой и предложил свернуть.

– Тут была старая дорога. Ее уже нет, но мы можем срезать и выйти к заброшенному шахтерскому городку. Может, там найдется вода. Любая – я придумаю способ, как ее опреснить или очистить. Если воды не найдем, то в любом случае срежем приличный кусок и снова выйдем на трассу.

Старичок говорил дело, и они свернули, ориентируясь в дальнейшем по солнцу и горам. Безлюдный однообразный пейзаж угнетал; Ромео взялся было рассказывать байки из жизни, но, во-первых, слишком много врал, а во-вторых, они как-то не воспринимались спутниками. До шахтерского городка они добрались еще засветло, но солнце уже готовилось опуститься в раскаленный песок.

– Воды нет, – объявила Мидори, забравшись на покосившуюся водонапорную башню. Насос был снят, скважина, очевидно, пересохла, и вообще городок забросили лет тридцать назад, если судить по уцелевшим вывескам и рекламным щитам.

Собственно говоря, городком эти две пересекающиеся улицы сложно было назвать даже в далекие времена его процветания. Сейчас же он годился разве что для съемок малобюджетных ужастиков. Скрипучие дома, ужасающего вида самосвал с поднятым когда-то, да так и замершим навеки кузовом, искореженный велосипед, висящий на худосочном дереве.

– Здесь можно хотя бы переночевать с комфортом, – сказала Атика, осматриваясь. Ростислав обнял уставшую жену и засмеялся:

– Интересно, пару лет назад ты могла бы назвать комфортом дом без окон и дверей, продуваемый всеми ветрами?

Однако, вопреки словам Шибанова, им посчастливилось найти довольно надежный дом с дверью и практически без окон – здесь когда-то находился маленький бар, судя по уцелевшей стойке и руинам древнего музыкального автомата «Вурлитцер». На стенах висели выцветшие рекламные плакаты – «Кэмел» без фильтра, какие-то давно почившие в бозе сорта пива, автомобили АМС «Гремлин», которые, если Ростислав не ошибался, не выпускались аж с 1978 года. На узком подоконнике стояла оловянная пепельница в виде раковины, забитая окурками, тянущими на археологические экспонаты.

Старичок облазил все углы и выгнал пару притаившихся там гремучек, сообщив, что «эти суки меня не кусают, видать, знают, что я уже полвека женат и яд на меня не действует». Оливия комментировать слова супруга не стала, но сердито надулась.

На ночлег расположились, кто где мог. Ростислав сел у закрытой двери, которая исполняла весьма условные функции при наличии витрины с почти полностью выбитыми стеклами. Но врагов в этом месте ожидать не следовало – диким зверям здесь просто нечего делать, рейдерам – и подавно, а полупо- легендарные мутанты обитали дальше к северо-востоку. Тем не менее запертая на засов дверь давала ощущение спокойствия, и Ростислав сам не заметил, как задремал.

Проснулся он от кошачьего воя.

Крыс стоял перед дверью, почти рядом с Шибановым, вытянув шею и подняв правую лапу, словно собака, учуявшая дичь. Хвост был задран трубой, а из широко раскрытого розового рта вырывался угрожающий вопль.

Мидори и Атика тоже проснулись, только старички продолжали безмятежно похрапывать.

– Он что-то чует... – прошептала Атика, подтаскивая к себе лежавшую на присыпанном песочной пудрой дощатом полу винтовку М-16.

Кот прислушался, потом взвыл пуще прежнего. Так делали коты, когда вызывали на бой себе подобных, Ростислав много раз такое видел, когда жил пацаном в Кирове. Чего-чего, а уж бездомных и дворовых кошек там хватало. Но Крыс не просто злился. Он был испуган.

– Может, пума? – предположил Шибанов, снимая с предохранителя автомат. – Или койот...

– Сейчас я выгляну и скажу.

Никто ничего не успел предпринять, как Мидори встала, перешагнула через спящего Ромео и осторожно выглянула через мутное, чудом уцелевшее стекло витрины.

– Ничего, – сказала она, продолжая вглядываться в темноту. – Темно очень... Расти, брось мне фонарик.

– Я сейчас сам выйду и посмотрю, – проворчал Ростислав, сердясь на себя за то, что уснул.

– Ты что, не смотрел фильмы ужасов? – уставилась на него Мидори. – Там всегда фигня начинается с того, что один из героев говорит, что он сходит и посмотрит. Его, само собой, по сюжету съедают.

– Мы не в кино. И вообще, прекрати мерить все своей киношной линейкой! – неожиданно для себя окрысился Шибанов. – Тоже мне, Эдит Пиаф!

– Эдит Пиаф была певицей, милый, – попыталась успокоить его Атика, но Шибанов не слушал и рявкнул:

– Хорошо, Мэрилин Монро! Анжелина Джоли! Джулия Робертс!

Мидори вопреки ожиданиям не обиделась. Она отошла от витрины и села на свое место, снова перешагнув через храпящего старичка.

– Иди, – сказала она. – Но лучше бы ты этого не делал.

Ростислав осторожно отодвинул засов и вышел на крыльцо. Под ногами скрипнули доски, и Шибанову показалось, что на этот звук ответил другой, где-то за углом дома, который он еле-еле мог разглядеть в темноте. Звездное небо было закрыто клочковатыми тучами, а включить фонарик значило сделать себя мишенью. Поэтому Ростислав спустился с крыльца и огляделся.

Мертвый шахтерский городок молчал. На легком ветерке покачивалась жестяная табличка возле водонапорной башни, на которой уже ничего нельзя было прочесть из-за облезшей краски. Поскрипывал флюгер на здании конторы.

Стоп.

Когда Ростислав вышел, ветерка еще не было.

Неожиданно налетевший порыв поднял песчаную пыль и бросил ее в лицо Шибанову. Успев зажмурить глаза, он принялся отплевываться. Что-то это все напоминало...

Два года назад. Недалеко от Лас-Вегаса. Тогда все только началось, они были растеряны, они не знали, что делать... Именно тогда они услышали это отвратительное хихиканье. Все четверо – Ростислав, Джей-Ти, Атика и Мидори - стояли возле брошенного «лэндкрузера». Точно так же начиналась песчаная буря, песок взмывал с обочины и кружился, ограничивая видимость несколькими футами. Тут-то из желто-коричневой кутерьмы и раздалось внезапно вкрадчивое хихиканье, пугающее и потустороннее. И точно такое же хихиканье Шибанов услышал сейчас.

Или ему показалось?

Два года назад Шибанову помог скорпион. В последний раз он показывал его Мастеру, и талисман, похоже, снова помог. А сейчас? Может быть, скорпион поможет и сейчас?!

Ростислав отступил к крыльцу, снова огляделся, прикрывая глаза от летящего песка. Все новые и новые песчаные заряды летели из темноты, рассыпались, ударяясь о деревянные сте-

ны домика. Никого не было видно, но отдаленное хихиканье по-прежнему звенело у Шибанова в ушах.

Не раздумывая более, он юркнул внутрь и быстро захлопнул дверь. Лязгнул засов. Шибанов включил фонарик.

– Что там?! – испуганно спросила Атика. Старички тоже проснулись и тревожно смотрели на Ростислава.

– Старый знакомый, – сказал Шибанов. – Помните обезьяну возле Вегаса? Два года назад?

– Эта тварь?! Но она же...

– Нет, она не сбежала из зоопарка, как полагал Джей-Ти. И это вообще не обезьяна.

Крыс взвыл, словно подтверждая слова Ростислава.

– Тогда у нас было мало оружия, а сегодня – достаточно. Отобьемся, – уверенно заявила Мидори.

– Вы вообще о чем? – спросил Ромео. – Нас неплохо бы ввести в курс дела.

– Кого-то надо застрелить, – пояснила ему супруга, сжимая в руках дробовик.

– Сидите и ничего не делайте, – сурово приказал Шибанов. Он расстегнул заветный чехольчик на поясе. Скорпион удобно лег в левую ладонь, наполнив ее успокоительным теплом. Похоже, эта тварь его чувствует. Может быть, она уйдет с миром, как в прошлый раз?

Кот снова завыл, мелко дрожа. Выпущенные когти глубоко впились в пол. И в этот момент в дверь постучали. Вежливо, тихо – тук-тук-тук! Подождали немного и снова постучали.

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; Да придет Царствие Твое; Да будет воля Твоя и на земле, как на небе, – забормотала старуха, одновременно целясь в дверь из дробовика. Муж схватил оружие за ствол и нагнул вниз, прошипев:

– Дура, ты же выбьешь дверь к чертям собачьим!!!

– Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не ве-

ди нас в искушение, но избавь нас от лукавого... – продолжала бормотать Оливия, и чтение «Отче наш» поддерживалось ритмом постукиваний в дверь. Казалось, непрощенный гость издевался.

Когда замолкла молитва, прекратился и стук. А потом слышалось знакомое хихиканье. Атика в ужасе зажала уши ладонями, а Ромео поднялся и, пошатываясь и оступаясь, двинулся к двери. Шибанов остановил его, но старик, глядя перед собой невидящими глазами, попытался обойти Ростислава. Проклятый гипноз начинал действовать.

Шибанову ничего не оставалось, как отвесить старику изрядную пощечину. Оливия ахнула, но отшатнувшийся и едва не упавший Ромео затряс головой и вполне осмысленно воскликнул:

– Какого хрена?!

– Отступаем, – сказал Шибанов. – Там сзади была еще одна дверь.

Действительно, за стойкой бара находилась «Г»-образная подсобка, в которой имелась еще одна дверь. Когда Ростислав проверял ее перед тем, как заселиться на ночь в заброшенный бар, она была заперта на огромный ржавый висячий замок.

Хихиканье возобновилось, глаза Ромео снова стали затуманиваться. Шибанов решительно схватил старика за плечо и подтолкнул к двери. За ним последовала супруга. Атика и Мидори быстро собирали разбросанные по полу вещи.

– Бросайте! – крикнул Ростислав, когда в дверь за его спиной глухо стукнуло. Потом толстая фанера прогнулась, по ней проползли четыре черные полосы, превращаясь в сквозные царапины, сквозь которые торчали острые изогнутые когти. – Бросайте все, кроме оружия!

Мидори подхватила кота, который не стал сопротивляться, и выбежала вслед за стариками. Шибанов потащил за рукав непослушную Атику, успевшую тем не менее взять сум-

ку с продуктами. Стены домика тряслись, с перекосившейся полки посыпались пустые бутылки и какая-то проржавевшая утварь.

– Оливия! – заорал он, врываясь в подсобку. – Сбейте замок!

Старушка послушно выпалила из своего дробовика, который вместе с замком снес половину двери. Шибанов ногой распахнул ее остатки и замер на пороге. Помимо темноты, в которой мелькал мечущийся песок, внутри было что-то еще. Что-то зыбко подрагивающее, словно воздух над раскаленным асфальтом, рождающий миражи. Что-то едва заметно искрилось, переливалось... Но это выглядело куда менее угрожающим, чем взревевшее позади чудовище, судя по грохоту, уже оказавшееся внутри. Поэтому Шибанов крикнул:

– Вперед! Быстрее!

И первым шагнул в проваливающуюся под ногами пустоту, таща за собой жену.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

За периметром

Твин Фоллз выглядел обычным американским городком. При ближайшем рассмотрении, правда, можно было заметить, что некоторые дома закрыты, а окна забиты деревянными щитами, лужайки не выкошены, почтовые ящики забиты так и не полученной корреспонденцией. Многие уехали из города после эпидемии, другие погибли во время нее, когда принимались радикальные меры. Тем не менее Твин Фоллз жил, и в отеле «Америтель Инн», где остановилась миссия, к русским отнеслись радушно и уважительно.

Ученые сразу развернули в предоставленных им помещениях лаборатории. Конечно, большая часть разместилась в привезенных с собой и выделенных американской стороной герметичных блоках, откуда во внешний мир не могла просочиться никакая зараза. Электрики еще возились с подключением системы к городской линии энергоснабжения, а кое-кто из команды академика Делиева уже начинал работать.

Губернатор появился буквально на полчаса, выпил с Гумилевым, Делиевым и мэром Твин Фоллз по бокалу муската, еще раз попросил обращаться к нему в любое время и по любому важному вопросу и не стесняться, после чего улетел на вертолете. Из уклончивых комментариев мэра следовало, что на севере возникли какие-то проблемы – с одной стороны, бушевали лесные пожары, с другой – оживились мелкие банды, то и дело напоминавшие о себе еще со времен эпидемии. Некоторым жителям, очевидно, не нравилась мирная обстановка в Айдахо.

В нескольких километрах от охраняемого периметра была разбита база для группы Гумилева. На свой страх и риск он выпросил у военных вертолет – транспортно-десантный «Сикорский С-92». Вроде бы он предназначался для полетов исключительно «до» периметра, но Гумилев строил на эту мощную машину, вмещающую двадцать четыре человека, совсем иные планы. Решетников понял, в чем дело, но молчал.

Бойцы «Илиады» переместились на базу почти сразу же, не успев насладиться прелестями отеля «Америтель Инн». Время было дорого и, как пояснил Геращенко, «надо еще пообжиться».

Гумилев пока остался в гостинице. Как только он освободился от «официальной части», то сразу позвонил Марусе.

– Как ты там, моя хорошая?

– Привет, папочка! – затараторила Маруся. – А мы с нянечкой ходили в театр смотреть «Приключения Чиполлино»! В детстве, помнишь, я ужасно переживала. А сейчас посмотрела взрослыми глазами, и ты знаешь – принц Лимон такой смешной! А синьор Помидор такой дурак!

– Ну конечно, взрослыми глазами-то все по-другому, – засмеялся Гумилев. – А как там твой пушистый воспитанник?

– Ой, папочка, Мурзик совсем не умеет мяукать! Он рычит, мурлыкает и укает!

– Укает?

– Да, садится передо мной и говорит «ук»! Как будто икает. Так смешно! А еще он все время в дверь ванной стучится, пока я там моюсь, и рычит!

– Может он тоже хочет мыться? – предположил Гумилев.

– Да нет же, папа! Будто не знаешь, что коты моются языком! Это Мурзик боится, что я там могу утонуть! Поэтому я его пускаю в ванную. Он сидит в корзинке для белья и следит, чтобы со мной было все в порядке.

– Я смотрю, не ты кота, а он тебя воспитывает?

– Не воспитывает, а присматривает! А что ты там делаешь, в Америке? Вас президент встречал?

– Нет, президент нас не встречал. Даже губернатор нас не встречал, только заехал потом ненадолго и сразу улетел по делам.

– Все взрослые постоянно улетают по делам, – ворчливо, как старушка, сказала Маруся. – Когда я стану взрослой, я не буду никуда улетать по делам.

– К сожалению, не всегда получается так, как нам хочется... – начал было Гумилев, но осекся, подумав, что сегодня можно обойтись без философских разъяснений. А когда после еще нескольких минут веселого разговора с Марусей положил трубку, его обожгла мысль, которую он упорно отгонял от себя со времени вылета из Сещи. А что, если он не вернется?

Маруся, конечно, не пропадет. Есть друзья, родственники, но... Как она останется без отца? Сначала мать, потом – он...

– А для этого нужно вернуться, – жестко сказал сам себе Гумилев. Хотел только подумать, но произнес вслух, а вошедший в «штабной» номер Решетников переспросил:

– Простите, вы мне, Андрей Львович?

– Нет, Константин Кириллович, это я сам с собой. Рефлексирую, как и полагается русскому интеллигенту в энном поколении... Кстати, у меня тут предложение возникло.

– Внимательно вас слушаю, – сказал Решетников, приглаживая по своему обыкновению ладонями седоватый ежик волос.

– Давайте мы уже с вами перейдем «на ты». Не покоробит?

– Ни в коем случае. В смысле, ни в коем случае не покоробит. Тем более бывают ситуации, когда «на вы» просто некогда и нелепо обращаться. А мы с вами руками и ногами именно в такую ситуацию и лезем. Я сам хотел предложить, но постеснялся.

– Тогда надо... Ну, на брудершафт.

– Не вопрос, – Решетников подошел к мини-бару, извлек две бутылочки «Джонни Уокера», протянул одну Гумилеву, ловко скрутив головку, и улыбнулся. – Только целоваться не будем.

Они чокнулись и выпили. Острый зерновой вкус виски обжег язык, и Гумилев зачем-то решил для себя, что там, на Закрытой Территории, пить не будет. Это, в конце концов, не Арктика с ее морозами. А нервы успокаивать нужно другими способами. Грустно это, что любит русский человек ссылаться на такие вещи: беда у меня, выпить надо. А ты не допускай беды, чтобы пить за нее не пришлось! На радостях пей. Нужно Санича предупредить, чтобы с бойцами переговорил. И ученым тоже объяснить. С этими сложнее, конечно, но одернуть не мешает.

Гумилев, видимо, крепко задумался, потому что Решетников окликнул его:

– Андрей Львович!

– А? – очнулся Гумилев.

– Ты тут, а вроде и не тут. Отдохнешь, может?

– Может, и отдохну. Надо еще кое-какие вопросы порешать, тогда и прилягу.

Но прилег он только за полночь, вопреки данному себе приказу выпив еще две таких же маленьких бутылочки. Гумилев просто не мог заснуть, а засыпая, сделал себе поблажку – мы же еще не там...

Около девяти утра «Сикорский» уже высаживал их на площадку возле базы. Гумилев спрыгнул из вертолета первым, за ним выбрался, широко зевая, Нестор Тарасов. Парень выглядел спокойнее остальных – то ли решил себя так поставить, то ли в самом деле имел железные нервы. Даже пижон-эстонец, «павиан волосатый», зыркал из-под своих очков с видимой опаской. А что ты хотел, уважаемый? Рядом периметр, за периметром – Закрытая Территория, а на них чего только нет.

Неподалеку от посадочной площадки замерли, бессильно опустив загибающие руки, «Итеры» – те самые плотоядные ро-

боты, которые помогали охранять периметр. Всего их было шесть, у одного американские техники как раз меняли колесо, другой был покрыт вмятинами от пуль. Видно, «Итерам» за периметром приходилось несладко.

Гумилев знал, что атаки на периметр закончились давно. Инфицированные оказались вовсе не такими безумцами, как казалось всем поначалу. Немотивированная ненависть не перекрывала в них инстинкт самосохранения и не позволяла забыть навыки владения оружием и техникой. Наиболее безмозглых – а были, конечно, и такие – перебили в первые же дни, некоторую часть – потом, во время попыток перейти периметр, а оставшиеся затаились. Точно так же поступили те, кто не был инфицирован, или же был инфицирован, но не заболел. Вообще существовали подозрения, что иммунитетом к «Армагеддону» обладает куда большее количество людей, чем считали ученые, но кто из них оставался опасным носителем вируса – просчитать не представлялось возможным. Тесты, которые делали сначала, не оправдывали себя, и Гумилев в принципе понимал правительство Североамериканского Альянса, перешедшего от научных исследований к превентивным мерам.

Над головой пролетел беспилотник, потом второй. Они возвращались на аэродром для обслуживания. Насколько знал Гумилев, использовались как управляемые операторами самолеты, так и роботы, наподобие «Итеров» сами принимавшие решения.

Тарасов стоял возле пятнистых палаток базы и тоже пялился на «Итеров».

– Что, заинтересовались? – спросил Гумилев, подойдя к нему.

– Только читал про них, Андрей Львович, – сказал Нестор. – Видеть не видел ни разу.

– Еще посмотрите. Раньше их в Айдахо не было, но буквально пару месяцев назад привезли большую партию.

– Помните, у Айзека Азимова Законы роботехники?
– Нет, к сожалению... Напомните, если не сложно?
– «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому и Второму Законам», – процитировал Тарасов, совсем по-детски наморщив лоб. – По-моему, в данном случае эти законы не работают.

– Азимов был фантастом, а мы в реальности... Как сами-то, готовы к экспедиции?

– Я всегда готов, Андрей Львович. Как пионер.

– Пионеров помните? – удивился Гумилев.

– Нет, конечно, не помню я пионеров, – улыбнулся Нестор. – Читал много. Кстати, не уверен, что нужно было эту организацию так уж прямо и разгонять. Много полезного делали. Их же потом даже возрождать пытались, только назывались они по-другому... как это... скауты?

Гумилев невольно улыбнулся – все перемешалось в умах молодого поколения, а объяснять – так еще больше запутать. Та история, которой они жили, теперь уже вовсе и не та. Переписали все несколько раз, кому как больше нравилось.

– А вы были пионером, Андрей Львович?

– Был.

– Расскажите как-нибудь? – загорелся Нестор.

– Может быть, может быть... – уклончиво сказал Гумилев. – Ладно, увидимся позже. Сегодня пробный выезд за периметр.

Пробный выезд был запланирован на полдень. Модернизированные «тигры» были уже подготовлены; в первый сели Гумилев, верный Санич, майор Грищенко, Иванова, Нестор Тарасов и Вессенберг. Во второй – все остальные, старшим был Решет-

ников. По идее, как заместитель Гумилева, старшим во второй машине должен был стать эстонец, но Гумилев помнил, что он приступает к этим обязанностям только на территории Зоны 51, а они пока находились за пятьсот километров от нее.

В идеале «тигры» вмещали по девять человек плюс грузовой отсек, но в этих моделях герметичные грузовые отсеки были расширены, ибо в них планировалось транспортировать для последующих исследований инфицированных – живых или мертвых.

– Мы даем вам окно на полчаса, сэр, – рапортовал американский майор. – Потом снова закрываем периметр и ждем условного сигнала в оговоренное время. Если сигнал не поступит, ждем еще два часа, сэр. Потом вы считаетесь пропавшими. Возвращение будет возможно только после подтверждения полной безопасности.

– Есть, – кивнул Гумилев. Как он усвоил из случайно услышанных разговоров между американцами, его почему-то считали «русским бригадным генералом». Гумилев ничего против не имел.

Черта пересечения периметра была невидимой. Это не государственная граница, и отмечена она была весьма условно – башенками автоматических пулеметов и пушек, спрятанными в зарослях и среди камней. По бездорожью «тигр» шел резво, Санич за рулем даже начал насвистывать вальс из древнего по нынешним меркам фильма «Берегись автомобиля!», но потом они выскочили из редкого кустарника на раскрошенное шоссе, и начальник СБ примолк.

Перед ними были следы первых дней инфекции и последующих попыток прорыва. Сквозь небольшие пуленепробиваемые оконца «тигра» были видны сгоревшие и перевернутые автобусы, полные почерневших скелетов. Смятые и насквозь пробитые снарядами вертолетных пушек легковушки. Детская коляска и лежащая рядом бутылочка для молока. Врезавшийся

вертикально в землю пассажирский самолетик мест на двенадцать. «Скорая помощь», уткнувшись радиатором в кусты, рядом валяются покрытые темными пятнами носилки.

– Неужели они не могли без этого обойтись? – тихо промолвил Нестор Тарасов.

– Настоящее показывает, что они поступили правильно, – сказал Гумилев. – Остановили возможных носителей ценой гибели неинфицированных. Тут сложная дилемма... Убить одних, чтобы спасти других.

– Не по-людски это, – пробурчал Грищенко, морщась.

– Мы не у себя дома, майор. Им виднее. Да и как оно было бы в России? Откуда нам знать?

Грищенко не ответил. Гумилев и сам иногда задумывался, а как оно было бы в России? И ответа не знал.

Свернув направо, «тигры» поехали по шоссе, то и дело огибая или объезжая по обочине мертвую технику. Попались даже несколько танков – разбитых, с сорванными башнями. Видимо, какая-то воинская часть пыталась вырваться из смертельно опасной зоны.

По плану бойцы «Илиады» собирались посетить небольшой городок, в котором, по данным беспилотных разведчиков, наблюдалась кое-какая жизнь. Трудно было понять, нормальные люди там живут или же больные. Периметр был хоть и невидимым, но жестко закрытым – американские военные сами за черту не совались и пресекали любые попытки пересечь границу изнутри. Уточнять, кто там ломится, никто не собирался, стреляли на поражение. Отсюда и практически полное отсутствие информации. Однако Гумилев надеялся, что можно будет взять кого-то для исследований. Если это будет нормальный, пусть даже инфицированный человек – ему же лучше. Если больной – что ж, тому все равно.

Гумилев нащупал пересохшими губами наконечник, укрепленный внутри шлема и идущий от баллона с витаминизиро-

ванным лимонным соком, сделал несколько глотков. Сегодня они были в специальных бронекостюмах, разработанных все теми же гумилевскими умельцами. Созданные наподобие летных скафандров, они позволяли существовать совершенно автономно от внешней среды. Это гарантировало непроникновение вируса при контакте с инфицированными и больными, кроме тех случаев, когда бронекостюм был поврежден. Повредить его, честно говоря, было трудновато, он держал даже пулю – определенных калибров и с определенного расстояния.

Колеса еле слышно прошуршали по поваленному дорожному знаку. Звуки плохо проникали в наглухо закрытую машину, и Гумилев велел Саничу включить микрофоны. Мало ли что полезного можно услышать.

Звуков прибавилось – шум деревьев, урчание мотора второго «тигра», шедшего за ними по пятам, крики и пение птиц. На животных вирус никак не действовал, а если и действовал, то людям через них не передавался. Иначе Америка уже вымерла бы, оставшись населенной лишь ордами сумасшедших, терзающих друг друга. Хотя терзающих ли? В своем безумии многие уживались друг с другом, словно чуяли, что они – такие же.

Много, много непонятного было с этой эпидемией. Гумилев до сих пор не мог четко очертить для себя этические границы последствий «Армагеддона». Правы были американцы или нет? Сейчас он ответил Тарасову, не задумываясь, а если задуматься?

– Подъезжаем, – сказал Санич, который следовал ГЛОНАССу – другие системы спутниковой навигации на Закрытой Территории не работали. – Осталось пять кмэ.

Городок уже был виден вдалеке, потому что «тигры» спускались с холма по извилистой дороге. Как он назывался, Гумилев не помнил, да это было и не важно. По оперативным данным, ряд таких городков после эпидемии самопереименовался, другие вообще оказались стерты с лица земли.

Этот выглядел безжизненным. Одинаковые домики, которые кажутся аккуратными только издали, на улицах – машины. А вон целый участок выгорел, торчат черные стропила, закопченный камин с трубой... Словно на архивных фотографиях деревень, сожженных гитлеровцами в Великую Отечественную.

– Притормози, Олег, – велел Гумилев, когда они проехали указатель, определяющий границу города. «Добро пожаловать». Нижняя часть, на которой значилось, куда именно добро пожаловать, была оторвана, явно целенаправленно.

«Тигр» бесшумно остановился, рядом, немного не доехав «голова в голову», затормозил второй. Сидевший за рулем Миллерс показал большой палец – мол, все в порядке, следуем за вами. Рацию они пока принципиально не включали на случай, если у местных мог оказаться сканер-перехватчик.

– Загоняй машину туда, где зелень погуще, – сказал Гумилев Саничу. – Пойдем пешком.

Когда они вышли из «тигра» и остановились среди буйной растительности, почему-то сразу вспомнился «Сталкер» Тарковского. Танки, сплошь покрытые травой. Никаких танков здесь не было, но мир выглядел новым, свежим и нетронутым. Как ни странно, даже позитивным.

– Мы не собирались идти пешком, – с укоризной сказал Решетников, подойдя вплотную.

– Нас сразу засекут. Даже если не подумают, что мы из-за периметра, все равно попрячутся.

– Или нападут.

– Или нападут, – согласился Гумилев. – Мы сюда все же не в классики приехали играть, Константин...

У машин Гумилев оставил Иванову и Вессенберга. Оба явно остались недовольны, но Оксана не стала спорить из субординации, а Вессенберг, похоже, из вредности. Он демонстративно сел на подножку и принялся дочитывать про своих кроликов.

Гумилев сузил глаза – он не одобрял такой подход, не на пикник же приехали. Но говорить Вессенбергу ничего не стал.

Гумилев взял наизготовку свой М-4. Эти автоматы им выдали американцы – надежная конструкция, давно уже принятая как единая для всех американских сил специальных операций. Основными отличиями М-4 от М-16 был ствол меньшей длины и выдвижной телескопический приклад, потому что вначале планировалось вооружать ими только экипажи боевых машин. Таким образом, нелегально привезенные с собой вместе с научной аппаратурой М-16 можно было не тащить, но кто же знал заранее...

Шелестела листва, шуршала высокая трава под ногами. Если бы не сложные фильтры, наверное, пахло бы цветами... Словно на пикник.

– Движение справа, – отрапортовал Лобачевский, взглянув на биоиндикатор. Еще одна разработка гумилевских лабораторий, которую собиралось купить министерство обороны, но пока все еще думало и проводило испытания. Тем временем ученые выдали усовершенствованный образец. Шесть штук «Илиада» взяла с собой, сейчас использовали два.

– Слишком маленький объект, – отозвался Грищенко.

Из кустов выскочил перепуганный енот и помчался прочь, высоко подпрыгивая среди зарослей. Кто-то – голос Гумилев не угадал – разочарованно выругался.

– Не стреляем, пока не поймем, что это необходимо, – предупредил Гумилев. – Только при реальной угрозе. Не хватало нам еще воевать с енотами или опоссумами.

– Слышали?! – грозно поставил точку Санич, дабы показать, кто тут главный по военным вопросам.

Показались первые окраинные дома. Городок был не из самых бедных – возможно, тут жили сотрудники аэрокосмических предприятий или каких-то подобных перспективных контор. Заросший водорослями бассейн, поваленный гриль, красный «БМВ» с разбитым лобовым стеклом на подъездной дорож-

ке... Скелет. Маленький, с продавленными ребрышками грудной клетки. Вот тебе и позитивный мир, черт бы его побрал...

– Ребенок, – пробормотал Лобачевский, тоже заметивший скелет.

– Привыкайте, – сжав зубы, сказал Гумилев. – Не то еще увидите.

– Прямо двадцать метров два объекта, – доложил Грищенко, исправно наблюдавший за биоиндикатором. – Я так понимаю, вон за тем домом с бежевými стенами.

Санитч тут же взял руководство на себя:

– Антон, Макс, Витя – со мной. Остальные на месте.

– Можно я тоже? – высунулся из-за спины Миллерса Тарасов.

– Я сказал – остальные на месте!!! – рявкнул Санитч.

Гумилев застыл с поднятым автоматом, потому что тоже рефлекторно двинулся за первой группой. Четверо сотрудников службы безопасности исчезли за живой изгородью, направляясь к упомянутому дому с бежевými стенами.

– Кстати, мы остались без биоиндикатора, – как бы между прочим заметил Нестор Тарасов. Гумилев не мог не отметить, что молодой ученый прав. Нестор по-прежнему выглядел крайне спокойным, словно не раз уже бывал в переделках, хотя по данным предоставленного Санитчем досье он даже не отбывал срочную службу по состоянию здоровья. Потом, если верить медицинским тестам и нормативам по физподготовке, здоровье наладилось.

– Занять круговую оборону, – скомандовал Решетников, и Гумилев был ему за это благодарен, потому что сам не додумался. Благодарность Гумилева выросла через пару минут, когда через кустарник с той стороны, откуда они только что пришли, бросились три человека. Это были типичные безумцы, больные люди, которые жаждали только одного – убивать. Гумилев за считанные доли секунды успел рассмотреть

и выпученные в злобе глаза, налитые кровью, и грязные неухоженные волосы, и оружие в руках с обломанными желтыми ногтями.

Решетников снял первого, с садовыми вилами, направленными прямо в грудь опешившему Артемьеву. Остальных двух хладнокровно застрелил Тарасов – прямо в лоб, словно стрелял по ростовым мишеням в тире.

– Я думаю, что так надежнее, – сказал он, поймав через стекло шлема взгляд Гумилева. – Я видел в фильмах про зомби. Нужно разрушить мозг.

Наверное, Нестор Тарасов был прав, потому что у двух убитых им сумасшедших в руках было куда более серьезное оружие, чем вилы: израильский «узи» и помповое ружье «моссберг». Только сейчас до Гумилева дошло – ведь он видел, что в руках у «зомби»! Видел даже ногти, но не среагировал...

Сквозь кусты уже ломился Санич со своим отрядом.

– Живы... – облегченно выдохнул он. – А мы там двоих взяли...

– Кого взяли? – спросил Гумилев голосом, не обещавшим ничего хорошего.

– Двоих... пациентов. Обездвижили, все, как полагается...

– А мы вот не обездвигили, как видишь. Палили боевыми.

Гумилев не мог сказать, что сожалел об убитых. Но вели они себя глупо, и ошибка Санича, который не оставил здесь человека с биоиндикатором, могла стоить очень дорого. Себя Гумилев тоже винил – сэкономил, пытался сохранить ценные приборы. На будущее нужно оставить два резервных, а с собой брать четыре, причем выдать их не только безопасникам, но и ученым.

– Кто стрелял? – с интересом осведомился Грищенко, разглядывая валяющиеся трупы.

– Я, – выступил вперед Тарасов.

– Метко и грамотно, – похвалил майор.

Остальная пара безопасников страховала собравшихся – мало ли кто прибежит на выстрелы.

– Олег, грузи улов, – распорядился Гумилев. Из-за кустов потащили запеленутых в сетки и обездвиженных капсулами с миорелаксатором больных. К черту больных, подумал Гумилев, теперь они – объект «Б», как об этом договорились еще в Москве. Слово «больной» тут неуместно.

Когда объекты «Б» уложили в «тигры», в каждый по одному, Гумилев сказал:

– Едем обратно.

– У нас еще огромный лимит времени, – напомнил Решетников. – Я уж не говорю о двух резервных часах.

– Я считаю, что первый блин вышел комом, – сухо сказал Гумилев. – Поэтому мы едем назад. Программа-минимум выполнена, ученым будет, чем заняться, а нас ждет разбор полетов.

По возвращении они передали так и не пришедшие в себя объекты в специальные камеры. Одну из них трейлер повез в Твин Фоллз, вторая осталась на базе, на поживу Синцову. Его Гумилев с «разбора полетов» отпустил, а остальным устроил разнос, начав с Санича.

Покрывшийся красными пятнами начальник службы безопасности неуклюже оправдывался:

– Я не учел... Мы раньше не работали с биоиндикаторами... И вообще, Андрей Львович, может быть, лучше совсем без ученых? Так мы справимся без потерь...

– Насчет того, что не работали – я виноват. Точно так же я виноват в том, что взяли с собой только два биоиндикатора из шести. Куда их беречь? На будущее кроме Решетникова, Тарасова, Вессенберга и Ивановой всем выговор. Если мы хотим жить – больше так поступать не должны.

Следующий выезд за периметр был запланирован на утро. Гумилев поехать не смог, потому что прибыл мэр с группой

американских ученых, их нужно было встречать, изображать радушие, обсуждать общие темы. А когда «тигры» вернулись, уже по лицу Санича Гумилев понял: что-то случилось.

– Тарасов пропал, – убитым голосом произнес Олег. – Мы и выехали-то недалеко, пошли обследовать трейлерный поселок, там никого не нашли, пустой совершенно. На выходе уже Тарасов и Иванова пошли с одной стороны трейлера, я с павиан... простите, с Вессенбергом, – с другой. Иванова выходит – пропал, говорит, Тарасов.

Гумилев поймал настороженные взгляды американцев и, выдавив из себя улыбку, промахал рукой:

– Все в порядке! Никаких проблем, немного подвела техника.

Американцы заулыбались в ответ и продолжили переговариваться между собой.

– Искали? – спросил Гумилев.

– Искали! Биодетекторы молчат, никаких следов...

– Хорошо, – сказал Гумилев, помолчав. – Пока никуда сообщать не станем. Может, он еще вернется.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Спаситель

Джей-Ти был все еще жив.

Наверное, виной тому – именно виной, потому что он отчаянно хотел умереть – были непрекращающиеся дожди. Измученное тело получало влагу, не дающую ему погибнуть.

Иногда он совсем не чувствовал рук, иногда боль накатывала так, что Джей-Ти терял сознание. Приходя в себя, он видел все тот же пейзаж, все те же тучи над головой. Уход армии Макриди он пропустил, иначе прокричал бы им с вершины холма пару ласковых, хоть и не был уверен, что внизу его услышат.

Вороны пока не появлялись – не исключено, что тоже из-за дождя. Вспомнив умоzakлючения генерала насчет распятия Христа, Джей попытался сорвать руки с гвоздей, но не смог – было чересчур больно. Грудь стягивала веревка, ног он вообще не ощущал, как будто их ампутировали под наркозом.

Несколько раз Джей пробовал петь. Он вспоминал хиты Ice Cube, Тупака, Ноториуса, Ghetto Boys, Ice-T, даже House of Pain, несмотря на то, что они были белые, ирландцы и, вроде бы, кажется, коммуняки. Но когда понял, что не так четко начитывает текст, как делал в былые времена со сцены, а еле слышно хрипит, бросил это занятие. Он даже не смог бы отпугивать так ворон. Впрочем, птицы игнорировали его черное тело, хотя воронам-то, казалось бы, какая разница?

Процесс умирания оказался совсем неинтересным. Таким его Джей-Ти не представлял, нет. Никаких галлюцинаций, никакой жизни, которая пролетает перед глазами, как об этом

пишут в книгах. Боль, боль и еще раз боль. В те редкие моменты, когда она уходила, Джей ловил губами капли дождя или наблюдал за тучами, ползущими по низкому небу. Он никогда раньше не думал, что в Юте выпадает столько дождей. Или его отвезли в другой штат? Неважно, все равно кругом чертова пустыня, даже если ее не видно за деревьями...

Когда на склоне холма появился человек в скафандре, напоминающем одежду астронавтов, Джей-Ти обрадовался. Может, это долгожданная галлюцинация и все скоро кончится?!

Но это была вовсе не галлюцинация. Откинув прозрачное забрало своего шлема, человек присвистнул, сказал что-то на неизвестном Джею языке и принялся рыться в ящичке, укрепленном на поясе скафандра. Затем он подошел к кресту и сделал укол в бедро Джея-Ти. То, как игла пронзает тело, бывший рэпер не почувствовал, но зато через несколько секунд перед его глазами все помутилось, поплыли разноцветные круги, и Джей-Ти успел мысленно поблагодарить человека в скафандре астронавта за то, что наконец умирает.

...В рот лилась кислая, освежающая жидкость. Закашлявшись, Джей-Ти пробормотал:

– Черт... Я думал, что амброзия на вкус вроде молочного коктейля. Ванильного, не клубничного.

– Ты не в раю, – услышался голос. – И это не амброзия, а лимонный сок.

Джей-Ти открыл глаза.

– И где я, на хрен?!

– Да почти там же, где и был.

Человек, который сказал это, сидел на корточках рядом с Джем, а сам Джей лежал под плотной листвой кустарника все на той же вершине холма. Ему даже виден был крест. На кресте никого не было. Значит, это не душа отлетела от тела, с удовлетворением подумал Джей-Ти и повернул голову к спасителю.

– Какого черта ты меня снял, чувак? – осведомился Профессор. – Я спокойно себе подышал, а ты пришел и снял меня. Зачем тебе это понадобилось?

– Считай, что у меня такая карма, – сказал человек. Это был тот самый астронавт, который сделал Джею укол, а когда Джей отрубился, стащил его с креста. Наверное, муторное было занятие, потому что спаситель выглядел уставшим.

– Я тебе, конечно, благодарен, и все такое, – Джей попробовал пошевелить руками или ногами, но не смог. То ли все отнялось, то ли до сих пор действовало обезболивающее. – Но что мне теперь делать? Ходить я не могу, руками делать тоже ничего не могу, даже задницу подтереть. На кой я нужен такой даже самому себе?

– Успокойся, – печально произнес спаситель. Говорил он с легким акцентом, примерно таким же, как Расти Шибанофф. – Я тебя вылечу.

– Доктор, блин, Дулиттл... – проворчал Джей-Ти и снова уплыл в небытие.

Когда он очнулся в следующий раз, дождь уже перестал. Светило солнышко и очень сильно хотелось в туалет по-маленькому. Спасший Джея незнакомец по-прежнему сидел рядом и что-то рассматривал, держа на ладони.

– Эй, кекс! – окликнул его Джей.

Незнакомец встрепенулся и спрятал свою цапку в кармашек скафандра. Шлем был открыт, и Джей-Ти подивился, зачем он вообще его таскает. Поди, неудобно шляться с такой-то кастрюлей на голове.

– Ты со станции «Мир»?

– Бредит, – пробормотал незнакомец сам себе.

– Ни хрена я не брежу, а хочу поссать! – искренне возмутился Джей-Ти. – Если ты снял меня с креста, хотя бы расстегни мне

⁷ Доктор Дулиттл – герой популярных детских книг Хью Лофтинга, в переводе Корнея Чуковского превратившийся в доктора Айболита

штаны. Христу было проще, на картинах он в одной набедренной повязке, а у меня тут «молния».

– Сам расстегни, – безразлично сказал спаситель.

– Чем?! Ушами, чувак?! Или бровями?!

– Посмотри на свои руки и не ори попусту.

Джей-Ти поднес ладони к глазам и остолбенел. Вместо огромных дыр, заполненных запекшейся кровью, он увидел лишь бледные шрамы. Когда-то его в детстве укусил соседский спаниель, шрам на голени остался точно такой же.

– Не понял... – промямлил Профессор. – Сколько времени прошло?!

– День. Почти.

– И я... А как ты...

– Кстати, ты можешь ходить, – все так же безразлично и устало произнес незнакомец. – Встань и иди. Талифа куми⁸.

– Шутишь, блин?!

Незнакомец промолчал, поэтому Джей-Ти плюнул и встал сначала на четвереньки, а потом – на ноги. Что с ногами, бывший рэпер видеть не мог, потому что спаситель замотал их кусками его собственной футболки. Той самой, которую Джей нашел в заброшенной сувенирной лавчонке в Солт-Лейк-Сити перед тем, как встретить маленького проходимца Шеммонда.

– Классные лекарства у вас в России, – только и смог сказать Джей.

Ноги побаливали, но идти Джей мог, а потому отошел чуть подальше и сделал все свои дела. С удовлетворением он обнаружил, что за время распятия не обмочился и не обделался – наверное, организму просто было не до этого. В любом случае новые штаны было бы найти здесь весьма проблематично.

⁸ Талифа куми - повеление встать, сказанное по-арамейски; библейская цитата, приписываемая Иисусу, воскресившему дочь «одного еврейского старшины, начальника синагоги»

Спаситель со скукой на лице наблюдал за своим пациентом, а когда Джей проковылял обратно и сел под куст, лениво поинтересовался:

– И кто тебя так?

– Армия Макриди, – честно признался Джей.

– Слыхал... А что ты им сделал плохого?

– Да ни хрена, чувак! Просто попался на пути, а у них там обнаружилась парочка уродов, с которыми мне пришлось столкнуться раньше. Они решили, что я шпион, и прибили меня к кресту, словно долбанного Иисуса. Видит бог, я этого ничем не заслуживал.

– В Нюрнберге многие тоже так говорили.

– Чего? В каком Нюрнберге? Который в Пенсильвании⁹? У меня там тетка живет... Кончай говорить загадками, братан. Ты не ответил – ты со станции «Мир»? Она что, навернулась где-то здесь?

– Станции «Мир» давно нет, ее затопили в океане. Есть МКС, но я не оттуда. Я из России.

– О! Я так и знал! И я знал одного чувака из России!!! – обрадовался Джей-Ти, всплеснув руками. – Расти Шибанофф, он хоккеист! А что ты делаешь здесь, русский? Вы нас захватили, пока я сидел в плену? Раньше я бы не обрадовался, но теперь считаю, что давно пора.

– Никто никого не захватывал, – сказал спаситель. – Я ученый. Мы прилетели разобраться, что тут у вас происходит. Но ты лучше ничего больше не спрашивай, если хочешь, чтобы все закончилось хорошо.

– Я молчу, молчу.

Джей и вправду посидел молча, но недолго, потому что не удержался и спросил:

– А кого вы назначите президентом США? Горбачева?

Спаситель посмотрел на него странными глазами и расхохотался. Он хохотал, утирал слезы тыльной стороной ладони, по-

⁹ В американском штате Пенсильвания действительно есть город Нюрнберг

том набирал новую порцию воздуха и вновь хохотал. Отсмеявшись, он покачал головой и сказал:

– Постарайся сильно не напрягать ноги и найди какую-нибудь обувь. Можешь протирать шрамы чем-нибудь спирто-содержащим, хотя сомневаюсь, что ты такое найдешь. А если найдешь, то, полагаю, выпьешь. Все, мне пора.

Человек в скафандре встал, и только сейчас Джей-Ти заметил, что у него за спиной висит автоматическая винтовка типа М-16, но покороче, а на поясе – кобура с пистолетом.

Точно, подумал Джей-Ти. Русские нас захватили, иначе на кой бы ученому оружие. Да и на кой ему спасать распятого негра, разве что по велению Красного креста. Джей-Ти где-то слышал, что с пленными захватчики должны обращаться хорошо, иначе... что иначе, Джей не знал, да и знать не хотел. Захватили, так захватили. Что ж, поделом, допрыгались.

– Спасибо, – сказал он. – Скажи хоть, как тебя зовут, братан. Я вот буду Джей-Ти.

– Не стоит, – махнул рукой русский. – Имя мое тебе тоже ни к чему. Не ходи за мной.

Он зашагал вниз по склону. Джей-Ти выждал немного и, когда русский скрылся в зарослях можжевельника, пригнулся и прокрался следом. Проследить за спасителем оказалось нетрудно, потому что он даже не стал проверять, исполнил ли Джей-Ти его просьбу. По тропинке русский спустился с холма и углубился в заросли, в сторону, противоположную той, где размещался временный лагерь армии Макриди.

Бывший рэпер прятался за стволами и валунами до тех пор, пока человек в скафандре не вышел на большую каменистую проплешину, где скрываться было уже негде. Потому оставалось издали наблюдать, что же он станет делать.

Немного постояв и словно прислушиваясь, русский двинулся к дальнему краю проплешины, где в известняковом склоне

чернело что-то наподобие пещеры. Именно туда, в зияющий проем, человек в скафандре и влез.

Подождав немного, не выглянет ли он обратно, Джей-Ти спустился вниз и, поскальзываясь на камнях и шипя от боли, которой время от времени отзывались его многострадальные ноги, добрался до пещеры. С виду ничего особенного, обычная дырка в земле, с потолка свисают корешки, пахнет сыростью.

Джей-Ти прислушался, но из пещеры не доносилось ни звука. Зато треснула ветка у него за спиной, в можжевельных зарослях, переплетенных вьюнком.

Джей тревожно обернулся. Не хватало, чтобы вернулись голворезы Макриди... Нет, второй раз пришить его к кресту у них не получится!

Ветка снова треснула, дрогнули вершины молодых лиственниц. Кто-то пробирался через заросли, не особенно скрываясь, а значит, был уверен в себе, человек это или зверь. И Джей-Ти считал за лучшее спрятаться в пещере, прикинув, что русский, если попадется на пути, вреда уж точно не причинит. Иначе зачем «астронавту» было его спасать и лечить?

Согнувшись в три погибели, чтобы не треснуть башкой, Джей-Ти полез в прохладную темноту. Через несколько шагов свет от входа стал меркнуть, пришлось пробираться на ощупь. Нужно было попроситься идти с русским, подумал Джей, у того, небось, фонарик. В животе урчало – лимонный сок только встревожил желудок, который теперь отчаянно требовал чего-то посерьезнее.

– Эй! Русский! – негромко позвал Джей-Ти в надежде, что тот ушел недалеко.

Никто не отвечал.

Джей сделал еще несколько шагов, касаясь ладонями стенки пещеры, а потом перед глазами у него что-то вспыхнуло, и пол словно расступился под ногами. Измученному организму этого было достаточно, чтобы Джей-Ти вырубился.

– Ну, и где мы? – спросил Ромео Грэнджерфорд.

Все пятеро – точнее, шестеро, если считать кота по кличке Крысиный Король – стояли целыми и невредимыми среди нагромождения коричнево-рыжих скал. Никаких следов мертвого шахтерского городка в тусклых предрассветных сумерках не наблюдалось.

– Ума не приложу, – признался Шибанов, по-прежнему сжимавший в руках М-16. – Это совершенно другое место.

– Я вижу, что другое. Как мы сюда попали, вот что я хотел бы знать.

– Эта тварь, которая хихикает... Она гналась за нами. А когда мы выскочили через заднюю дверь, почему-то оказались здесь.

– Мы вообще на Земле? – Мидори обнимала кота, который вел себя спокойно, сидел и вертел головой. – Я читала сценарий, в котором люди вот так попали на другую планету. Еще, говорят, есть параллельные миры, туда тоже перемещаются совершенно случайно.

– Типун тебе на язык, детка, – сердито произнес старичок. – Я читал про такую хрень в дешевых журнальчиках, ну, в которых публикуют статьи типа «Я беременна от инопланетянина». И потом, вон Большая Медведица.

Ромео ткнул корявым пальцем в звездное небо.

– Мало ли, – сказала Мидори. – может, у них тут тоже есть Большая Медведица. Так что это еще не доказательство!

Ромео неодобрительно уставился на Мидори. Под его суровым взглядом девочка отступила и пожала плечами:

– Как хотите. Я только предположила.

– А не надо, – веско сказал старик. – И без всяких дурацких фантастик дерьма на нашу шею хватит.

– Нас куда-то выбросило... С дверью было что-то не так, – Шибанов вспомнил искристую темноту и зыбкое дрожание воздуха.

– А с этой тварью, которая хихикала? Да она влезла мне в чертovy мозги! – потрясая кулаком, заявил старичок. – Я чувство-

вал, как иду к ней навстречу... А потом ты, парень, дал мне по морде, и я малость пришел в себя.

– Рассказывали, что когда все только началось, какие-то сумасшедшие военные пытались запустить ракеты с ядерными боеголовками. Их сбили, и они упали где-то в Неваде или Аризоне... Может, после взрывов образовались дыры в пространстве? – предположила Атика. – Я помню, когда мы жили в Уотерхоуле, об этом постоянно рассуждала доктор Салазар.

– Я так думаю, неважно, что это, – заключил Ромео и взял из рук своей супруги дробовик. – Главное, что мы не провалились в Ад. Прикиньте, если нас перебросило куда-нибудь в нормальное место? Флорида, например. Я ничего не имею против Флориды. Правда, у меня нет плавов, но это фигня.

– Во Флориде, по-моему, нет таких гор, – заметила Оливия.

– Хорошо, в Монтану. Против Монтаны я тоже ничего не имею.

– Посидите здесь и разберитесь, что мы успели спасти из припасов, а я поднимусь повыше и посмотрю, что вокруг, – предложил Ростислав.

– Я с тобой, – сказала жена.

– Нет, дорогая, оставайся здесь.

С этими словами Шибанов принялся взбираться вверх по осыпи. Он подумал, что в последнее время был слишком черствым с Атикой. Понятное дело, что во время побега не до любви, но и до этого они вели себя скорее как товарищи по несчастью, чем как муж и жена. Когда они занимались сексом в последний раз? Два месяца назад? Три?

Неужели когда-нибудь все это закончится? У них будет дом, машина, бассейн, лужайка, по которой с лаем будет бегать золотистый ретривер? Они смогут завести детей? Или до конца своих дней придется бродить, глядя на разрушающиеся города, на умирающую цивилизацию, осознавая, что где-то за тысячу километров люди живут прежней, обычной жизнью?

Ростиславу приходилось видеть, как люди сводят счета с жизнью. Чаще всего это были те, кто потерял близких родственников, но случалось, что вешались и стрелялись те, кто слишком много думал. Сидит человек, размышляет – день, два, а на третий, глядишь, пустил себе в висок пулю. Сейчас Шибанов понял, о чем именно думали эти люди.

Нет, рано или поздно все наладится. Найдут лекарство от вируса, снова откроют границы. Если нужно, пусть даже устроят что-то вроде резервации, они с Атикой готовы остаться здесь. Но пусть снова будет электричество, супермаркеты, кино и телевидение, нормальная пища... Да пусть и ненормальная, гамбургеры какие-нибудь дурацкие. Картошка фри с кетчупом, «Макмаффин», мексиканская еда... Черт возьми, тот же хоккей! Хотя играть Ростиславу уже не придется, форму растерял, не говоря о многочисленных повреждениях. Впрочем, если обратиться в серьезную клинику...

Помечтать Шибанову не удалось, потому что он споткнулся о какой-то металлический предмет. Это оказалась ржавая шахтерская каска, судя по виду, очень старая. Осмотревшись, Шибанов обнаружил несколько покосившихся деревянных столбов, торчавших из земли, и перевернутую вагонетку с еле заметной надписью «Шахта Келли». А вот и вход, наглухо заколоченный досками. Видимо, шахту закрыли очень давно, потому что доски совсем сгнили.

Обойдя по дуге вход в шахту, Ростислав взобрался еще выше и оказался на небольшом плато. Слева и сзади высились горы, справа расстилалась темная долина, а впереди... Впереди была жизнь. По крайней мере, именно так Шибанов назвал про себя мерцающие дальние огоньки, без сомнения, имевшие прямое отношение к электричеству.

Радоваться было рано – что, если это уже за периметром? Тем не менее, Ростислав взбодрился, потому что у них появился какой-то ориентир. Следовало посоветоваться со стариком.

– Потеряно больше половины боеприпасов, часть продуктов. Вода осталась только во флягах, – нарочито сухо доложила Атика, когда Шибанов вернулся. Ишь, обиделась, что не взял с собой, подумал он и начал рассказывать о том, что видел.

– Огоньки, говоришь... – задумчиво протянул Ромео. – И шахта Келли... Что ж, насколько я понимаю, мы по-прежнему в Неваде. Я когда-то работал картографом, в шестидесятых...

– И где именно мы в Неваде?

– Это так называемые горы Конюха. А долина, которую ты видел, – долина озера Грум. Озера как такового давно нет, высохло и засолилось, и те огоньки – скорее всего, база ВВС Неллис.

– Неллис?! – удивился Шибанов. – Если не ошибаюсь, это там находится Зона 51?

– Где правительство прячет дохлых инопланетяшек? Она и есть, парень, – мрачно сказал Ромео.

– Но это же ерунда, – убежденно произнесла Атика. – Это все из разряда сценариев, которые читала Мидори. На самом деле там, наверное, кто-то уцелел, военные или гражданский персонал... Если мы пойдем к ним, нас же не тронут?

– Милая, ты помнишь, что рассказывал Манчини о базах, где сидят чокнутые вояки? Именно такие и запускали ядерные ракеты, о которых ты говорила. Нас могут перестрелять просто так, для профилактики. Даже если военные вполне нормальные, это сверхсекретный объект. Туда никогда никого не пускали. Не думаю, что нам будут рады.

Шибанов взял сухарь, который протягивала Оливия, и принялся грызть.

– Жаль, карта осталась в рюкзаке, – сказал Ромео. – Но, если я правильно помню, тут вблизи ничего больше и нет. Налево лесистые горы, через которые мы с Оливией вряд ли переберемся. На севере был городок Рэйчел, но это уже далеко за террито-

рией базы. К тому же там и раньше-то жило человек пятьдесят никому не нужных ублюдков, сомневаюсь, что он существует до сих пор. На востоке ближайшие города это Аламо и Ричардвилль, но это совсем уж далеко, да и тащиться опять придется через горы и ущелья.

– А на юге? – спросила Мидори.

– На юге, детка, вообще ничего нет. Кратеры, оставшиеся после испытаний ядерного оружия, свалки токсичных и радиоактивных отходов, города-мишени для учебных бомбежек, заброшенные военные аэродромы... Короче, все то, за что господь наконец-то проклял Америку. Если у дьявола есть задница, то мы сейчас в самой ее дырке.

– Ромео Грэнджерфорд, если ты не перестанешь сквернословить, я надаю тебе оплеух, – пообещала Оливия. Старик хмыкнул, но тут же продолжил:

– Хотим мы того или нет, но придется тащиться на эту долб... прости, Оливия... на базу Неллис.

– Не проще ли сходить на разведку и посмотреть, что там происходит? – Шибанов дожевывал сухарь и сделал глоток воды из фляжки. Нужно экономить, хотя, судя по лесистым горам, тут могут быть ручьи и родники. – Зачем рисковать всем?

– Разумно, – согласился старик. – Вот с тобой и пойдем.

– Ромео Грэнджерфорд! – металлическим голосом произнесла Оливия.

– Ромео, вы же сами сказали – по горам лазить вы уже староваты. А до базы, насколько я понимаю, миль десять, не меньше, и это только по долине. А ведь еще нужно спуститься вниз.

– Хорошо, хорошо, – проворчал старик, то ли убоявшись жены, то ли внимая доводам Ростислава. – Буду сидеть здесь и ждать.

– А вот теперь я точно пойду с тобой! – заявила Атика, и по ее лицу видно было, что отрицательный ответ не принимается. Шибанов развел руками:

– Что с тобой поделаться, идем. Но давай дождемся утра и еще раз попробуем все рассмотреть при солнечном свете. А пока можно и подремать.

– Никогда не знал, что попаду на старости лет в «Сумеречную зону»¹⁰, – эти слова старого Ромео были последним, что слышал Ростислав, обняв Атику и проваливаясь в сон.

– И что ты думаешь по этому поводу, Буч? – спросил Ковальски, аккуратно завинчивая пробку на бутылке с имбирным элем.

– По поводу русских? – Шон «Буч» Маккормик оторвался от своего iPad и взглянул на напарника. – Думаю, они прилетели совать свой длинный нос туда, куда не следует. Русские всегда хотели добраться до наших секретов, а сейчас для этого самое подходящее время.

– Это я и без тебя знаю, Буч, – усмехнулся Ковальски. – Меня интересует другое: что нам с ними делать.

Агенты сидели в своем фургончике – небольшом, но хорошо оборудованном. Стоимость фургончика, внешне напоминавшего обычный дом на колесах, превышала восемь миллионов баксов – в основном за счет хитрой электронной начинки. Специальная система искажения сигналов обеспечивала обитателям трейлера стопроцентную защиту от любой прослушки.

– Выполнять приказ начальства, – пожал плечами Маккормик. – Что же еще?

– И как ты собираешься его выполнять, когда этот чертов русский генерал даже разговаривать с нами не желает? Начальство, если ты помнишь, предполагало, что мы будем сопровождать русских во время их вылазок на Закрытую Территорию.

Маккормик помнил.

¹⁰ «Сумеречная зона» - культовый американский мистический сериал, первый сезон которого был снят в 1959 году

Две недели назад его и Ковальски неожиданно вызвал к себе сам Директор. Для Бюро, где строго соблюдалась корпоративная иерархия, это был почти беспрецедентный случай. Конечно, после дела Али Хаваса и предотвращения грандиозного теракта в Нью-Йорке напарники высоко продвинулись в иерархии ФБР, но все-таки не достигли таких заоблачных высот, на которых задания агентам дает сам Директор. Поэтому и Буч, и Ковальски, естественно, волновались.

Директор принял их более чем радушно. Даже зная, что главный человек в Бюро – адвокат с тридцатипятилетним стажем, сделавший себе карьеру на умении очаровывать присяжных, трудно было отделаться от впечатления, что он искренне рад видеть именно их – Ковальски и Макормика. А когда Директор открыл бутылку виски тридцатилетней выдержки и щедро плеснул в бокалы специальных агентов драгоценного напитка, стало окончательно ясно, что Бучу и Полу собираются сделать предложение, от которого нельзя отказаться.

«Плохо дело, – подумал тогда Макормик, – в голливудских фильмах в такой ситуации героям поручают спасти мир...»

Но мир спасти не потребовалось.

– Парни, – сказал Директор, когда виски был надлежащим образом продегустирован, – не мне вам объяснять, что с этой чертовой эпидемией мы оказались по уши в дерьме.

Ковальски с готовностью кивнул.

– Когда вы были подростками, парни, вам приходилось драться на улице? – спросил Директор.

– Само собой, сэр, – усмехнулся Ковальски.

– Тогда вы помните, что в каждой уличной банде есть самый большой парень. Его боятся, но только пока он стоит на ногах. Если такому парню бросится под ноги какой-нибудь юркий малец, он вполне может потерять равновесие и упасть. А как только он окажется на земле, его несложно будет одолеть даже мел-

ким шакалам – если их будет много и они будут действовать согласованно.

– Вы это к тому, сэр, что нас свалили? – осторожно спросил Маккормик.

– Точно, Буч, – Директор ненавязчиво продемонстрировал, что знает даже кличку, которую специальному агенту дали в Академии ФБР в Куантико. – Эта эпидемия была подножкой, и ее нам поставили преднамеренно.

– Кто же ее поставил, сэр? – подался вперед Ковальски.

Директор печально улыбнулся.

– Боюсь, это были те же ублюдки, которым вы не позволили развернуться в Нью-Йорке пять лет назад.

– Колумбийцы?

– Ну, колумбийцы среди них тоже есть. Но вообще-то это целый террористический интернационал. Мы проглядели врага, парни. И теперь из самой сильной страны мира мы превратились в чертов Альянс, от которого все норовят откусить кусок пожирнее.

Ковальски сжал свой бокал с такой силой, что у него побелели костяшки пальцев.

– Противник планирует новые теракты, сэр?

– Не все так просто, Пол, – отечески потрепал его по плечу Директор. – Нам предлагают помощь... вроде бы совершенно искренне. Обещают найти вакцину, которая покончит с эпидемией раз и навсегда, позволит открыть Закрытую Территорию. Но бесплатный сыр, парни, бывает сами знаете, где.

– В мышеловке, – быстро, точно на экзамене, отозвался Ковальски.

– На помойке, – негромко сказал Маккормик.

– Точно, – усмехнулся Директор. – Я говорю о миссии ООН, которую возглавляет академик Делиев. Наш «русский отдел» проверил – он и вправду ученый с мировым именем, и, вполне возможно, действительно хочет помочь. Но с ним зачем-то

летит русский миллиардер Гумилев, который пять лет назад устроил всю эту заварушку в Арктике. Помните ту историю?

Разумеется, агенты ее помнили. Потому что проклятые колумбийцы, захватившие музей Метрополитен и Карнеги-холл, выдвинули очень странные требования: чтобы BBC США на десять дней прекратили все полеты над Арктикой. А на Северном полюсе тем временем разворачивались события, которые сделали бы честь любому голливудскому блокбастеру. И в центре этих событий находился таинственный русский миллиардер Андрей Гумилев...

– Опять этот парень? – нахмурился Маккормик. – Что ему здесь нужно?

– Отличный вопрос, Буч, – засмеялся Директор. – Когда я получил досье русской группы, то первым же делом спросил себя именно об этом. И, подумав как следует, решил: можно смело ставить никель против ста баксов, что этот русский опять затевает какую-то заваруху. Иначе зачем бы он тащил с собой в Америку целую кучу вояк и шпионов?

– Вояк и шпионов? – с довольно глупым видом переспросил Ковальски.

– Именно, Пол. Вот список членов группы Делиева, – Директор взял со стола два отпечатанных на принтере листа и протянул агентам. – Желтым цветом помечены сотрудники спецслужб и бойцы спецподразделений. Их шестеро. Из так называемых «ученых», отобранных лично Гумилевым, десять прошли специальную подготовку по системе русского спецназа. Ну и вдобавок ко всему с Гумилевым летит некто Константин Решетников, высокопоставленный офицер русской военной разведки.

Маккормик внимательно изучал список фамилий, большую часть которых он не смог бы выговорить, не сломав язык. Артемьев, Грищенко, Лобачевский... На самом деле его интересовало только одно: откуда у Директора столь подробная информация о группе, которая еще проходила тренировки в Москве?

– Хуже всего то, что они собираются проводить свои «исследования» в районах, имеющих стратегическое значение, – продолжал Директор. – Я уверен, что они намерены проникнуть на такие объекты, как, например, авиабаза Неллис в Неваде.

– Но там ведь... – начал было Ковальски и осекся.

– Совершенно верно, агент, – голос Директора звучал теперь почти торжественно. – Зона 51. «Страна Грез».

– Простите, сэр, – смущенно спросил Ковальски, – а что, там действительно держат... держали... инопланетян?

Директор снисходительно улыбнулся.

– Я не знаю, агент. Это уровень секретности, к которому я не имею доступа.

– Даже вы? – простодушно удивился Пол.

– Даже я, – значительно произнес Директор. – Но это и не важно. Ведь вы же не сомневаетесь, что на авиабазе Неллис и без инопланетян хватает секретов, которые совершенно не обязательно знать русским?

– Разумеется, сэр. Но как же мы позволили им...

– Вернемся к началу, Пол. Мы – большой парень, которого сбили с ног. Америка сейчас не так сильна, чтобы запрещать что-то делать людям, которые называют себя ее друзьями и выражают готовность помочь. Но и позволить им хозяйничать у нас дома мы не можем. И здесь я крепко на вас рассчитываю. Вы отлично поработали в Нью-Йорке с колумбийцами, надеюсь, что и с русскими в Неваде у вас проблем не возникнет.

– Ты понял, Буч, во что нас втянули? – обиженно проговорил Ковальски, когда агенты шли по безлюдной ночной стоянке к своим припаркованным в престижном секторе «С» машинам. – Мы должны шпионить за чертовыми русскими, но не имеем права даже погрозить им пальцем, если они будут делать что-то не так! Я ни разу еще не получал такого ублюдочного задания!

– А ты думал, старик станет переводить свой драгоценный «Чивас» просто так, от нечего делать? – Маккормик вытащил из кармана брелок сигнализации своего «Доджа Вайпер». – Да, задание тухлое, что и говорить, зато, если мы его выполним, вполне можем рассчитывать на повышение. Шеф четко дал понять, что в качестве бонуса один из нас получит должность начальника регионального отделения, а второй – целый отдел в штаб-квартире.

Сигнализация тихонько пискнула. Ковальски, как обычно, неодобрительно покосился на пижонскую тачку напарника – Маккормик успел купить ее четыре года назад, за месяц до того, как в Детройте сошел с конвейера последний экземпляр легендарной модели, выкрашенный золотой краской.

– Но на твоём месте я подумал бы о другом, Пол, – Маккормик распахнул дверцу автомобиля, но не спешил лезть в салон. – Откуда у старика такая подробная информация по русской группе.

Несколько секунд Ковальски лихорадочно соображал. Потом треснул себя крепкой ладонью по лбу.

– У шефа есть информатор в команде русских!

– Ставлю никель против ста баксов, что есть, – повторил слова Директора Буч. – А это хоть и не превращает наше задание в экскурсию в Шангри-Ла, но основательно отбивает запашок тухлятины...

И вот теперь оба специальных агента сидели в своем хай-тек фургончике в ожидании визита русского «крота». Ковальски потягивал имбирный эль, до которого был большим охотником, Маккормик просматривал отчеты осведомителей на своем iPad. Осведомителей у него было трое – уборщица столовой, в которой обедали русские, шофер одного из грузовиков, выделенных мэром Твин Фоллз в помощь миссии ООН, и охранник палаточного городка. Толку от всех троих было, как с козла молока, но Маккормик всегда очень тщательно относился к своим обязанностям.

– Так что же нам с ними делать, Буч?

– Лично я, – задумчиво проговорил Маккормик, – с удовольствием устроил бы им аварию где-нибудь на Закрытой Территории. Аварию, после которой они вернулись бы домой изрядно пощипанными. Может быть, это отбило бы у них охоту совать свой нос в чужие дела.

– Сомневаюсь, – покачал головой Ковальски. – Это профессионалы, у них есть задание, и они будут его выполнять во что бы то ни стало. Не знаю, что должно произойти, чтобы они приняли решение прекратить активные действия... Может быть, если бы что-то случилось с этим Гумилевым...

Маккормик отложил iPad и с интересом взглянул на напарника.

– А что, это неплохая идея... вот только старик потом нам головы оторвет.

– Если мы облажаемся – непременно оторвет, – согласился Ковальски. – А если сделать все чисто, обставить как несчастный случай – за что тогда отрывать? Брать нас на Территории русские все равно отказываются...

– Пожалуй, ты прав, – начал Маккормик, но замолчал, потому что в этот момент раздался стук в дверь. Стучали условным стуком – три-два-два. Пришел русский «крот».

Ковальски мягко и бесшумно, как кот, поднялся с кресла и подошел к двери трейлера, встав сбоку. В руке его как по волшебству появился большой черный «Магnum».

– Входите, – сказал Маккормик приветливо, – не заперто.

Дверь отворилась, и гость осторожно перешагнул порог. Снаружи царила непроглядная южная ночь, и одетая во все черное фигура гостя казалась на ее фоне еще более плотным сгустком тьмы.

– Уберите оружие, Ковальски, – тихим голосом попросил гость на безупречном английском. – Я не желаю вам зла, но когда-нибудь могу совершенно случайно сломать вам руку.

– Мера предосторожности, – буркнул Пол, убирая «Магнум» и отходя обратно к столу. Гость осторожно притворил дверь.

– Присаживайтесь, прошу вас, – Буч встал и пододвинул к столу кресло на колесиках. – Надеюсь, вас никто не видел?

– Вы меня и сейчас не видите, – усмехнулся гость. Маккормик прикусил губу. Лицо «крота» скрывала тонкая маска из черной ткани. Помимо всего прочего, ткань меняла тембр голоса гостя, делая его неузнаваемым.

– Что ж, похвальная предусмотрительность, – на самом деле Буч так не думал. Его нервировало, что за все те дни, когда миссия находилась в Твин Фоллз, им с Ковальски так и не удалось установить личность «крота». Полная секретность – таково было условие, которое работавший на Директора ФБР русский поставил агентам в первую же их встречу. С тех пор он каждый раз приходил в черном, скрадывавшем очертания фигуры комбинезоне и черной маске. Единственное, за что могли зацепиться Ковальски и Буч, был рост – и то при условии, что «крот» не пользовался специальными вставками в ботинки, подобными тем, которые любил президент Франции Саркози.

– У меня есть кое-какие новости, – произнес гость, игнорируя приглашение сесть в кресло. – Во-первых, сегодня на Территориях произошло ЧП. Пропал один из ученых, Нестор Тарасов. Гумилев принял решение не сообщать об инциденте ни академику Делиеву, ни американской стороне.

– Как это – пропал? – не понял Ковальски. – Они что там, бродят в одиночку, как полные психи?

– Нет, передвижение в одиночку строго запрещено. Тарасов пропал, несмотря на то, что шел в паре. Пропал бесследно.

Гость специально подчеркнул последнее слово, и по спине у Маккормика прошел холодок.

– Вообще-то это неплохой предлог для того, чтобы увязаться, наконец, с ними, – проговорил Ковальски. – Мы – федеральные агенты, и исчезновение иностранного ученого на Закры-

той Территории находится в нашей непосредственной компетенции...

– Гумилев будет скрывать исчезновение Тарасова до последнего, – возразил гость. – Но завтра он наверняка бросит на Территории все свои резервы – будет искать пропавшего ученого.

– И что в этом такого? – прищурился Маккормик.

– Возможно, вы еще об этом не знаете, – в голосе гостя послышалась едва уловимая насмешка, – но майор Магдоу принял решение снова запустить на Территорию «Итеров». О, нет, это не связано с исчезновением Тарасова, тем более, что майор о нем ничего не знает. Рутинная операция, военные проводят такие рейды раз в месяц, для профилактики. Но мне почему-то показалось, что сейчас это совпадение может оказаться для вас кстати.

– Неужели? – спросил Маккормик, про себя подумав: «мысли он читает, что ли?».

– Впрочем, я могу и ошибаться. В таком случае забудем все, о чем мы сейчас говорили.

Гость повернулся и, не прощаясь, вышел из фургончика. Ковальски фыркнул и плотно закрыл дверь трейлера.

– Строит из себя крутого, – неодобрительно заметил он. – Вот будет забавно, когда в конце операции я стяну с него этот черный чулок и взгляну на его рожу...

– Боюсь, это будет не слишком забавно, Пол, – Маккормик барабанил пальцами по краю стола. – Что-то подсказывает мне, что этот русский не даст снять с себя маску добровольно. А ссориться с ним мне почему-то не хочется...

Он поднялся с кресла и подошел к окну. Отдернул шторку, выглянул наружу. Там, как и следовало ожидать, было темно.

– Знаешь, Пол, мне в какой-то момент показалось, что этот русский «крот» читает у нас в головах. Во всяком случае, у меня.

– Да? – Ковальски скорчил саркастическую гримасу. – И что же он там прочитал, в твоей голове? Расписание заездов на ипподроме Лорел?¹¹

Маккормик действительно любил по выходным поиграть на тотализаторе, причем обычно ему везло – у него был нюх на лошадей.

– Завтра на Территорию выйдут «Итеры», – не обращая внимания на иронию напарника, сказал Буч. – А мы с тобой имеем право доступа в их ангары.

– Что ты задумал, Буч?

– Ничего особенного, приятель. Всего лишь маленький сюрприз для наших русских друзей.

Гумилев шагал взад-вперед по палатке в напряженной тишине. Он уже выслушал доклады всех, кто принимал участие в экспедиции, потерявшей Тарасова, и теперь думал, что делать.

– Вы точно ничего больше не припомните? – остановившись, спросил он Оксану Иванову.

– Нет, Андрей Львович. Ничего. Я шла первой, Тарасов – за мной. Когда я в очередной раз обернулась, его уже не было.

– И никаких звуков борьбы?

– Никаких.

– Мы тщательно осмотрели трейлерный поселок, – убитым голосом проговорил расстроенный Санич. Он уже подробно доложил о принятых мерах, и теперь повторялся, но Гумилев не стал его останавливать. – Потом осмотрели еще раз, проверили везде, куда только могли забраться. Совершенно безлюдное место, видно, что там давно уже никто не жил. Что могли, разграбили еще в две тысячи двенадцатом.

– Получается, Нестора похитили, – заключил Синцов. Он из всей группы был наиболее дружен с Тарасовым, и теперь очень

¹¹ Лорел (Laurel Park Race Course) – один из лучших ипподромов США, расположен в окрестностях Вашингтона

переживал. Собственно, переживали все, потому что добродушного и умелого Нестора уважали, особенно после того, как он фактически спас группу при нападении безумцев.

– С какой целью? Потребовать выкуп? Но это нелепо, Игорь, – Гумилев сел на раскладной стульчик и сложил руки на груди. – Хотя... Мало ли, что можно потребовать с нас. Лекарства, продовольствие, оружие...

– Странно, что он не сопротивлялся, – сказал Лобачевский. – Вроде крепкий парень, и стреляет отлично. К тому же Оксана ничего не слышала.

– Ладно, – Гумилев снова встал. – Американская сторона пока ничего не знает. Предлагаю сейчас совершить внеплановый выезд в следующем составе: я, Санич, Грищенко, Иванова, Дербенев.

– Простите, а как же мы? – вскинулся Артемьев, задрав бородку, которую начал отращивать еще задолго перед вылетом. – Мы тоже имеем право принимать участие в поисках...

– Пропал человек, Петр Петрович. Это чрезвычайное происшествие. И поедут те, кто имеет поисковые навыки, не говоря о боевой подготовке. Ученым в данном случае делать там совершенно нечего. У вас есть материал, займитесь объектом. В конце концов, «Илиада» «Илиадой», а непосредственных исследований вируса и его действия никто не отменял. Поняли?

– Понял, – недовольно проворчал Артемьев.

– Вот и выполняйте.

Гумилев понимал, что чересчур строг с пожилым психологом, но сейчас нужно было поступать именно так. И ни в коем случае не допускать разброда и шатаний, тем паче если Нестора Тарасова все же не удастся найти. Хоть бы какой-то след нащупать... нет ничего хуже неизвестности. Даже мертвое тело и то немного успокоит людей.

– Олег, готовь «тигра», – бросил Гумилев Саничу. – Я одеваться.

– Да что его готовить, он всегда готов, – сказал Санич, но послушно вышел из палатки и направился к машинам.

Американский майор Магдоу, тот самый, который считал Гумилева «русским бригадным генералом», для вида немного поупирался – все-таки выезды должны быть плановыми, любая самостоятельность ведет к неприятностям. Гумилеву пришлось долго и убедительно врать насчет «одного весьма любопытного места», которое срочно нужно осмотреть. Почему срочно – придумать он не сумел, но Магдоу неожиданно отвязался и сказал, что выпустит «тигра» по обычной программе: время возвращения плюс два часа, после чего группа считается пропавшей.

– Кстати, мы снова выпустили «Итеров», – предупредил майор. – На вашей машине и костюмах укреплены датчики «свой-чужой», но будьте поаккуратнее, сэр. Не доверяю я этим людоедам.

– Хорошо, майор. Спасибо за предупреждение, – поблагодарил Гумилев.

«Тигра» провожали все оставшиеся члены группы, кроме Артемьева. Психолог демонстративно сидел в трейлере и пытался общаться с запертым в специальном боксе объектом «Б», которого привезли в прошлый раз. Артемьев справедливо полагал, что осмысленные и тем более групповые действия больных говорили о наличии у них способности к общению.

Дорога была знакомой до городка, в котором поймали объектов. Здесь «тигр» не стал спускаться с холма в лощину, а свернул направо и поехал в гору. Вокруг бушевала зелень, и у Гумилева появилось ощущение, что он едет на горный курорт. Какие места испортили...

Промелькнула триангуляционная вышка, Санич сказал, крепко держа руль:

– Сейчас будет поворот на поселок.

Это подтвердил указатель «Trailer Park», а затем показался и поселок – довольно беспорядочное сборище длинных трейле-

ров. Одни стояли на полупущенных колесах, другие – на деревянных чурбаках. Поодаль ржавели раскулаченные еще в девяностые годы прошлого века старые автомобили, виднелись пустые собачьи будки – возле одной валялся собачий скелет на цепи и в ошейнике. Покосившаяся детская горка красно-оранжевого цвета. Свалка мусора почти рядом с жильем.

«Тигр» остановился у детской горки. Гумилев выбрался наружу вслед за безопасниками.

– Вон там мы шли, – показала рукой Оксана Иванова. – Я впереди, Тарасов – за мной.

– Идемте посмотрим, – сказал Гумилев. – Максим, оставайтесь охранять машину. И следите за биоиндикатором.

– Хорошо, Андрей Львович, – невысокий плотный Дербенев кивнул.

Они двинулись по маршруту, указанному Ивановой. Серебристые трейлеры, покрытые пятнами ржавчины, были действительно разграблены, вокруг валялась домашняя утварь, какие-то тряпки, детские игрушки. Дорожки успели зарости крапивой, бурьяном и ядовитым плющом.

– Интересно, здесь змеи есть? – поинтересовался Грищенко, осторожно раздвигая высокие стебли травы.

– Змея костюм не прокусит, майор, – успокоил Санич, поглядывая на свой биоиндикатор. Он тоже звал Грищенко майором, собезьянничав у Гумилева. Получалось что-то вроде официальной клички.

– Я не в том смысле. Я чисто с природоведческой точки зрения.

– Змеи везде есть, кроме Арктики и Антарктиды, – сказал Гумилев.

Они шли, пока Оксана Иванова не остановилась. В броне-костюме женщина ничем не отличалась от остальных членов группы, да и без него телосложением скорее напоминала мальчишку-подростка.

– Вот. Здесь я оглянулась, и Тарасова уже не было.

Гумилев подошел ближе. Ничего подозрительного. Вдаль от окраины поселка уходила все та же высокая трава, переходящая в редкую поросль толокнянки, сумаха и вечнозеленых карликовых дубов.

– Ничего не понимаю, – сказал Санич, громко сопя. – Словно испарился. Бермудский треугольник, да и только.

– Давайте еще раз прочедем поселок, – без особой уверенности приказал Гумилев, но его приказ тут же отменили выстрелы, раздавшиеся с парковочной площадки, где они оставили «тигр» и Максима Дербенева. Гумилев взглянул на свой биоиндикатор – только один мерцающий зеленый кружок... В кого он стреляет?!

В этот момент выстрелы прекратились, и до членов группы донесся душераздирающий вопль. Так люди кричат только в миг своей смерти.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ловушка

Джей-Ти лежал, уткнувшись лицом в короткую жесткую траву. Открыв глаза, он увидел крупного жука, который полз по своим делам в нескольких дюймах от носа бывшего рэпера. Было светло, а значит, он находился не в пещере.

Перевернувшись на спину, Джей обнаружил, что на небе ярко светит солнце, веет ветерок, а валяется он на склоне абсолютно незнакомой ему горы.

– Что за фигня? – пробормотал Джей, садясь. Неужели он действительно помер, и вот так выглядит рай, а вся история с русским была предсмертным бредом?

– Тогда какого хрена в раю делаешь ты, приятель?! – спросил Джей-Ти у жука. – Что-то я не слыхал про рай для насекомых.

Потом он посмотрел на свои ладони. Бледные шрамы нигде не делись, а если попробовать сжать кулаки, то внутри больно покалывало. Ноги были замотаны все теми же кусками футболки из Солт-Лейк-Сити, и разматывать их Джей-Ти не стал.

Горный пейзаж, окружавший его, мог с равным успехом принадлежать любому штату. Однако здравый смысл говорил, что Джей находится в Юте, где и висел недавно на кресте. Как вариант: когда он влез в пещеру, то все-таки треснул башкой о потолок, вырубился, а потом русский вытащил его наружу и приволок сюда. Ну, и бросил, ясное дело. Что взять с русского?

Поднявшись, Джей-Ти сделал несколько шагов и понял, что идти вполне может, пусть даже ноги побаливают. Интересно,

что за чудесными лекарствами его вылечил русский? Мало того, что Джей уже собрался помирать, даже после снятия с креста с такими травмами он помер бы без антибиотиков, операций и прочих врачебных примочек. А тут – словно только что из дорогой клиники. Один знакомый Джея, наркодилер, однажды разбился на своем «Феррари», так врачи собрали его буквально из кусочков. Но валялся он в больнице больше года, а потом еще долго ездил на коляске для инвалидов, с моторчиком.

– Если попаду в аварию, обращусь к русским, – пообещал жуку Джей и стал спускаться по склону.

Внизу нашлась очень старая, заросшая тропинка. Тропинка в любом случае означала, что по ней куда-то когда-то ходили какие-то люди. Ни еды, ни воды, ни оружия у Джея не было, потому он подобрал толстую суковатую палку. С горя ее можно было использовать вместо дубины. Правда, руки сжимались не в полную силу, и удар такой дубинкой вряд ли свалил бы даже ребенка, но ведь совсем не обязательно доводить все до драки.

Поросший травой и кустарником склон сменился скальными выступами, под ногами захрустели мелкие камешки. Тропинка почти пропала, потом снова объявилась, петляя между уродливыми утесами. В тени одного из них Джей-Ти остановился, чтобы передохнуть и забормотал рэп одной из своих любимых групп – Wu-Tang Clan:

– Эй, эй, зацените текст,
который мы с парнями прочитаем.

*Трава в косяке, бутылка пива в руке,
в колонках долбит музон.*

*Мы смеялись над всеми девчонками, что проходили мимо.
Болтали, обсуждали с пацанами дела.*

(Эй, Ра, помнишь того парня, которого ты завалил?)

*Ага, он попытался убежать, но далеко не ушел,
потому что я свалил его с ног, хе-хе¹²...*

¹² Текст песни Wu-Tang Clan «Tearz»

Тут он почувствовал, как в ухо упирается холодный оружейный ствол, и услышал ехидный голос:

– А вот если я сейчас свалю тебя с ног, красавчик, что ты тогда забормочешь?

Джей-Ти выронил из руки свою корявую дубинку и сказал, стараясь не двигаться:

– Слушай, старина, не надо стрелять. Меня в последнее время уже пытались убить, притом куда более хитрым способом. Будет некруто, если ты попросту разнесешь мне башку.

– Тогда подними руки и медленно-медленно повернись. Если ты будешь делать это недостаточно медленно, я нажму на курок, и твоя голова улетит в чертов Мичиган.

Джей-Ти выполнил приказание и медленно, очень медленно, повернулся, чтобы увидеть старика с вислыми усами. Древний дед в ковбойской шляпе наставил на него дробовик и хищно скалился.

– Эй, дедан, ты зачем тычешь в меня этой штукой? – оскорбился Джей. – Я тебя в первый раз вижу, ничего тебе не делал, шел себе мимо...

– У тебя уж больно подозрительная рожа, – сказал старик. – Я не расист, у меня даже были черные приятели, вполне приличные люди, с которыми приятно было поесть барбекю и попить холодного пивка на лужайке за домом. Однако у них были симпатичные рожи, а у тебя – подозрительная. Чего ты тут вынюхиваешь?

– Я не вынюхиваю, а иду себе тихонько.

Джей прикинул, получится ли выбить у старика дробовик. Нет, тот держал оружие крепко, да и выстрелить мог быстрее, чем Джей бросится...

– Хорошо. Сейчас ты тихонько пойдешь впереди, не пытаясь удрать. Я покажу тебя своим друзьям, и все вместе мы решим, чего с тобой делать.

– Только не споткнись ненароком, – попросил Джей-Ти. Старичок мерзко засмеялся.

Идти, на счастье, пришлось сравнительно недалеко. Один раз старик чертыхнулся, и Джей-Ти похолодел, представив, как ему в спину влетает заряд дроби, и вылетает уже спереди вместе с кишками, сердцем, желудком и легкими. Но все обошлось, и вскоре они пришли к лагерю старого бандита.

Обещанных «друзей» Джей-Ти там не увидел, лишь сидела на камне старуха в такой же шляпе, как у деда. Старуха уставилась на бывшего рэпера, словно узрела черта на своем туалетном столике.

– Это еще кто?! Зачем ты приволок сюда этого проходимца? Один такой же выхватил у меня сумочку, когда я выходила из супермаркета!

– Это был не я, мэм, – учтиво сказал Джей-Ти.

– Да, тот выглядел еще более погано, – признала старуха, оглядев добычу. Старик стоял в сторонке, не опуская дробовика.

– А где все остальные? – спросил он.

– Девочка выгуливает котика, а наша парочка еще не вернулась с разведки, – ответила старуха.

Е-мое, да их тут аж пятеро, подумал Джей. Старикишки с виду зловредные, любопытно, каковы остальные.

Из-за скалы выбежал рыжий кот, увидел незнакомца и, присев на задние лапы, стал на него пялиться не хуже старухи. Вслед за котом выскочила девчонка и остолбенела.

– Джей!!! – завопила она.

– Ми!!!

Джей-Ти заключил Мидори в объятия. Старикишки переглянулись, старуха приложила к глазам кружевной платочек и сказала прочувствованно:

– Похоже, они были в долгой разлуке. Ромео, ты молодец, что вновь соединил их сердца!

Старик покраснел, откашлялся и сплюнул, что-то ворча себе под нос.

Неприязнь Оливии сменилась радушием, Джей ел сухари с вяленным мясом опоссума и расспрашивал, что происходило с друзьями в его отсутствие. Мидори коротко описала их побег, путешествие по канализации, встречу с крысами и знакомство с котом и четой Грэнджерфордов. Затем она рассказала, как заночевали в мертвом шахтерском городке и, столкнувшись со старым хихикающим знакомым, угодили сюда.

– Со мной, по-моему, что-то похожее стряслось, – ничуть не удивившись услышанному, поведал Джей-Ти. – В смысле, я про то, как сюда попал. Вошел в пещеру, провалился куда-то, очухался на склоне. В каком-то фантастическом кино я такое видал, там мужик ходил туда-сюда через дырку в пространстве. После того, чего я насмотрелся за два года, удивляться ничему не нужно.

– А что у тебя с руками? – заботливо спросила Мидори.

– Долгая история, потом расскажу... – отмахнулся бывший рэпер, разрывая зубами жесткое пахучее мясо. Мидори было надула губы, но тут вернулись Ростислав с Атикой, и опять начались объятия. Старуха снова прослезилась.

– Под такое дело надо бы выпить, да нечего, – разумно заметил старик.

Теперь уже пришлось рассказывать Джею. Если его плавание на «Летучем Голландце», описанное в юмористических тонах, вызвало смех, то с распятием так не вышло, как ни старался Джей-Ти смягчить повествование. Девушки вместе со старухой тихонько плакали, дед чертыхался, а Шибанов сжал губы так, что они побледнели. Когда он добрался до таинственного русского, исцелившего его, Шибанов не поверил.

– Когда это случилось?

– Вчера... Вот следы, – Джей-Ти выставил перед собой ладони.

– Стигматы¹³! – благоговейно произнесла бабка.

¹³ Стигматы - болезненные кровоточащие раны, открывающиеся на теле некоторых глубоко религиозных людей и соответствующие ранам распятого Христа

– Такое впечатление, что зажило очень давно, – сказала Атика, осторожно водя пальцем по бледным шрамам. – Этого просто не может быть.

– Русский сказал, что он ученый. Мало ли что таскают с собой русские ученые. В конце концов, они первыми запустили в космос спутник, собаку и человека. С чего бы таким умным типам не придумать лекарство, излечивающее раны в руках и ногах за полдня? И потом, вас же не удивляет то, как мы все попали на эту гору? Хотя история такая же нереальная, как мои раны.

– Это ты верно сказал, – закивал старичок. – Мир катится к чертям собачьим, и скоро они через эти дырки полезут к нам, если уже не вылезли.

– А что за разведка? Куда вы ходили, Расти? – спросил Джей-Ти.

– Если тебе еще не сказали, Джей, мы в Неваде. Какие-то горы севернее Лас-Вегаса. Вокруг сплошная пересеченная местность, а впереди – долина, в которой находится Зона 51. Вот за ней-то мы и наблюдали.

– Зона 51? – выпучил глаза Профессор. – Та самая, что в кино? Еще компьютерная игруха была, там ходишь по подвалам и мочишь пришельцев.

– Та самая. Уж не знаю, как там насчет пришельцев, но военная база точно имеется. Я видел несколько самолетов на взлетной полосе, кучу зданий, ангаров, какие-то баки и цистерны, радиомачты... А главное, там есть люди. Ночью в нескольких местах горел электрический свет, а сейчас мы с Атикой засекли, как они там ходят.

– И что нам это даст? Военные тут же поставят нас к стенке или посадят в карцер.

– Нужно еще убедиться, военные ли там. И в любом случае, идти больше некуда.

– Стоило ли тогда удирать от Мастера? – вздохнул Джей-Ти.
– Я бы сейчас подметал себе спокойно двор вместе со старым Абрахамом, жрал гамбургеры...

– У меня, к сожалению, таких перспектив не было.
– Тогда кончай болтать, давай мне какую-нибудь пушку, и пойдем.

– Вот так, в этом тряпье?! – Шибанов показал на замотанные обрывками футболки ступни рэпера.

– У вас тут не обувной магазин, как я понимаю.

– Ромео, – обратился к старичку Шибанов, – вы не можете придумать что-нибудь для нашего друга? Вы же изобретатель.

Старичок задумался, теребя усы.

– Если вы переложите все из вон того рюкзака в вон тот, и освободите его, я что-нибудь придумаю. А ты, Оливия, дай-ка мне свою самую толстую иголку. Я знаю, что ты захватила их с собой, когда мы бросили электромобиль.

Старуха, сердито пыхтя, вытащила откуда-то из-за пазухи комбинезона коробочку с нитками и иголками. Атика вручила Ромео опустошенный рюкзак.

– А теперь не мешайте, – велел старик и занялся работой.

Атика потянула Шибанова за рукав:

– Не хочешь прогуляться со мной, милый?

Шибанов очень даже хотел. Мидори, понимающе хмыкнув, помахала им рукой. Джей-Ти проводил взглядом удаляющуюся парочку и спросил Мидори:

– Ты почему не назвала кота Джеем?

– Слишком много чести, – фыркнула девочка.

– Вот погоди, на досуге научу его мне подпевать, – пригрозил Джей-Ти.

– Да он и без тебя неплохо умеет. Если бы не его дикий ор, мы бы, может, оказались не тут, а в желудке хихикающей твари.

– Вот! А я что говорю! Это наш брат рэпер! Дай-ка я с ним поближе познакомлюсь.

Мидори протянула Крыса Джею, и через секунду с изумлением наблюдала картину, как здоровенный парень сюсюкается с

котом, словно пятилетний ребенок. Крыс, впрочем, от почесываний за ушками и потока ласковых слов тут же разомлел, вытянул лапы и довольно заурчал.

Из кусков рюкзака, ремней и толстого резинового днища Ромео Грэнджерфорд сшил при помощи лески вполне приличные ботинки. Выглядели они диковато, но как обувь вполне годились, а для удобства Ростислав намотал на ноги Джею-Ти останки все той же многострадальной футболки.

– Называется «портянки», – объяснил он, с гордостью взирая на дело рук своих. – Дед в свое время научил их наматывать, я уж думал, не пригодится никогда.

Пройдясь туда-сюда и даже подпрыгнув, отчего сразу же напомнила о себе боль в ступнях, Джей-Ти благодарно пожал руки Ромео и Шибанову.

– Я готов. Пойдемте смотреть на пришельцев.

– Да нет там, скорее всего, никаких пришельцев, – скептически махнул рукой Ростислав и вручил бывшему рэперу пистолет. Таким образом, Атика и Шибанов были вооружены винтовками М-16, Оливии вернули ее любимый дробовик, а у Мидори, Ромео и Джея-Ти были пистолеты. Соответственно разделили боеприпасы, чтобы у каждого они имелись под рукой.

В глубине души Ростислав надеялся, что на базе их встретят мирно. Места здесь глухие, вряд ли персоналу приходилось так уж часто встречаться с теми же рейдерами – дорожные бандиты предпочитали добычу попроще. Точно так же нечего было здесь делать и противоборствующим армиям Мастера и генерала Макриди. Мастер, кажется, вообще никуда далеко не высывался из своей крепости в Солт-Лейк-Сити.

Спустившись от заброшенной шахты вниз, они обнаружили едва заметную дорогу. В полумиле на развилке торчала бетонная будка контрольно-пропускного пункта, но она выглядела покинутой и безжизненной.

– Давайте держаться ближе к горам, – предложил Джей-Ти. – Если что, будет проще удирать, а так мы словно муравьи на тарелке.

Идти приходилось медленно, потому что старички постоянно отставали. Шибанов хотел было предложить им подождать в укромном месте, но передумал, потому что Оливия и Ромео наверняка встретили бы эту идею в штыки.

Постройки базы постепенно приближались. На таком расстоянии они выглядели безлюдными, ограждение из металлической сетки было местами прорвано, некоторые столбы повалены. Если на базе кто-то и жил, ее полной жизнеспособностью он явно не озаботился. Это укрепило Ростислава во мнении, что военной дисциплины в обычном смысле этих слов там нет. Хорошо это или плохо, скоро выяснится.

Они миновали первые здания базы – строения неизвестного назначения. Прошли по краю огромного карьера, в котором застыли накренившиеся экскаваторы; за карьером виднелись топливные цистерны и большие бензозаправщики для самолетов. Обошли кладбище списанной техники, где трейлеры и микроавтобусы стояли вперемешку с бронетранспортерами и автопогрузчиками. Справа показалось что-то похожее на огромную авторемонтную мастерскую, а за ней начинались ангары.

– «Ангар 18», было такое кино, – припомнил Джей-Ти. – У них там хранилась летающая тарелка. В кино обычно все врут, получается, никакой тарелки там нету.

– Да не нужна нам никакая тарелка, – сказал Ростислав. – Нам нужна еда, нужна вода. Возможно, транспорт.

– Вон сколько его, транспорта, – Джей-Ти показал на автомобили у мастерской. – Небось и горючка найдется, если поискать. По-моему, никто их даже не охраняет. Вы точно уверены, что видели здесь людей?

– Уже нет, – неуверенно признался Шибанов. – На таком расстоянии... Может, показалось.

– Ну и чего мы ждем, Расти? Оставим здесь девчонок и стариков, а сами быстренько потопаем на базу и посмотрим, кто там сидит. Если кого встретим – проведем переговоры. Судя по всему, народу тут немного, если вообще есть.

– Атика, поменяйся, пожалуйста, с Джеем оружием, – попросил Ростислав жену. Она передала негру М-16. – А теперь идите вон туда, видите, на пригорке? Что-то наподобие водяных цистерн. Укройтесь там и ждите, а мы с Джеем сходим к ангарам разведать. В самом деле, нелепо тащиться всей компанией. Если вдруг не вернемся через час – уходите на север.

– Но... – жалобно посмотрела на мужа Атика. – Как же...

– Я сказал – уходите. Надеюсь, все будет хорошо, но лучше предусмотреть все варианты.

– Тогда будь осторожнее, Расти, – Атика поцеловала мужа в щеку. Джей-Ти подмигнул Мидори:

– А ты не хочешь меня поцеловать, крошка Ми?

– Если вернешься, почему бы и нет? – залихватски подбоченясь, сказала Мидори. Шибанов отпустил приятелю легкий подзатыльник:

– Вообще-то в Штатах за такое сажают. Ей всего четырнадцать.

– Скоро пятнадцать, – Мидори нахально высунула язык.

– Ведите себя приличнее, мисс! – вспыхнула старуха. Теперь Мидори до возвращения разведчиков была обеспечена душе-спасительная нотация.

Угрюмые коробки ангаров надвигались на Джея-Ти и Ростислава Шибанова с каждым шагом. Вдоль стен сиротливо стояли буксировщики, электрокары, джипы. Электрические провода и кабели кое-где были оборваны – наверное, бурей – лампы в фонарях разбиты. Через асфальтовое покрытие дороги то и дело проносились, как пыльные призраки, уродливые шары перекати-поля. База Неллис выглядела мертвой и заброшен-

ной, а единственными звуками, доносившимися до ушей приятелей, были поскрипывание плохо прикрытой двери и завывание ветра в проводах.

– Жутко здесь, – поежился Джей-Ти.

Шибанов не мог с ним не согласиться. Он повидал много покинутых городов, где на улицах валялись скелеты. В одном местечке в опустевшей школе по какой-то причине до сих пор регулярно срабатывал электрический звонок, возвещающий о переменах и началах уроков детям, которые никогда уже не придут; в другом на въезде, как предупреждение, висели на телеграфных столбах полусгнившие мертвецы. Но безлюдная военная база, титаническое сооружение за тридевять земель от ближайших населенных пунктов, нагоняла ни с чем не сравнимую тоску.

– Слушай, до меня только сейчас дошло, – сказал негр, шаркая по асфальту подошвами своих рюкзачных «кроссовок». – Всю эту хрень построили, чтобы воевать с вами. Сколько же миллионов долларов они во все это вбухали?!

– Я думаю, не миллионов, – вздохнул Ростислав. – Я думаю, миллиардов.

– Тем более! И потом, когда ваш Горби угробил Советский Союз, можно было все это снести и построить тут чертов Диснейленд. Воевать вроде как стало не с кем, ведь верно? Не думаю, что какие-нибудь сумасшедшие арабы представляют такую серьезную угрозу. Да, они врезались в Торговый Центр и все такое, но это ж дебилы-террористы. Против них ядерными ракетами и реактивными самолетами воевать не станешь.

– Видишь ли, Джей, военные очень любят тратить деньги. Все эти танки, самолеты и ракеты для них как игрушки для ребенка. Генералы – это злые дети, большинство из которых, наверное, били и обижали во дворе. Поэтому теперь им хочется командовать, играть мускулами и пугать друг друга. И я думаю...

Внезапно Ростислав замолчал и остановился. Джей-Ти вопросительно посмотрел на приятеля.

– Мне кажется, я кого-то видел, – произнес Шибанов. – Вон там, у бульдозера.

Желтый японский бульдозер «комацу» стоял, подняв тяжелый нож, поперек дороги. Видимо, он направлялся к соседнему недостроенному ангару, когда что-то случилось, и бульдозерист бросил машину.

Джей-Ти присмотрелся, но ничего не увидел. На выхлопную трубу «комацу» села маленькая пестрая птичка, посидела пару секунд, потом вспорхнула.

– Нет там никого.

– Может, показалось, – Ростислав помассировал пальцами веки. – Надеюсь, это не привидения и не инопланетяне.

– Тьфу на тебя, – разозлился Джей-Ти. – Хватит уже меня пугать!

– О, бесстрашный гангстер боится мозгососов с Марса?! – беззлобно рассмеялся Шибанов. – Кстати, вот тебе идея для концепции альбома. Когда будет возможность, запишешь штук десять треков и назовешь все это типа «Джей-Ти против космических оккупантов». Детям понравится.

– Когда-нибудь я не посмотрю, что ты такой здоровый, и стукну тебя по башке, – пообещал Джей-Ти.

Они обошли бульдозер, за которым действительно никто не прятался, и свернули налево. Далеко впереди виднелось большое строение с крупными цифрами «18» на стене.

– Не вдали, – заметил Джей-Ти. – В самом деле есть такой ангар.

– Сейчас и проверим, стоит там летающая тарелка или нет.

Но до ангара-18 они не дошли. Хлопнул выстрел, и в асфальт в шаге впереди ударила пуля. Джей-Ти от неожиданности подскочил и завертелся на месте, а Шибанов, напротив, застыл.

– Не стреляйте! – крикнул он. – Мы всего лишь хотели получить помощь! Если вы против, мы сейчас же уйдем!

– Не торопитесь, *tovarishch*, – слышался знакомый им обоим голос. До отвращения знакомый. – Не нужно торопиться. Мы и без того расстались и с вами, и с вашим товарищем при весьма печальных обстоятельствах. Надеюсь, наша нынешняя встреча окажется более теплой.

Полковник Роулинсон выступил из-за угла ближайшего административного здания, держа в руке поднятый стволом вверх пистолет. Из укрытий вокруг вышли еще несколько человек, на крыше стоял, опираясь на одно колено, снайпер. Видимо, он и сделал предупреждающий выстрел.

– Добро пожаловать в Зону 51, *tovarishch*. И ты, чернокожий воин, тоже. У меня нет предрассудков относительно вашего племени, в отличие от многоуважаемого Мастера.

– Может быть, мы все-таки уйдем? – на всякий случай уточнил Ростислав, хотя заранее знал ответ. – У вас свои дела, у нас – свои. Мы здесь случайно.

– Нет-нет, вы же просили помощи. Как офицер и джентльмен, я не имею права вам отказать, – Роулинсон привычным жестом поправил повязку на горле. Он выглядел все так же плохо, из-под каски свисали пряди бесцветных волос, кожа на лице шелушилась. – К тому же вы, *tovarishch*, отнеслись ко мне снисходительно, когда вытолкали из украденного «роллса». Я обязан отплатить тем же. Посему положите оружие на землю, пока я не дал команду стрелять.

Шибанов положил свою М-16 на асфальт, то же сделал и Джей-Ти. Сопротивляться было бесполезно, их тут же изрешетили бы автоматчики Роулинсона, не говоря о снайпере – или снайперах, которые могли прятаться на крышах других ангаров.

– Через час мы не вернемся, и они уйдут. Надеюсь, Ромео выведет их из долины, – прошептал Джей-Ти. Они медленно пошли навстречу полковнику.

– Как видите, мир тесен. Особенно если он заключен в пределы Закрытой Территории, – с пафосом произнес Роулинсон,

обдавая их запахами лосьона и мертвечины. Солдаты продолжали целиться в Ростислава и Джея; видимо, после побега они считались особо опасными.

– Что вы собираетесь с нами сделать? – спросил Шибанов.

– Ничего особенного. У нас несколько иные цели, и ваше появление стало приятным сюрпризом, не более. Уверяю, мы вас тут никак не ожидали увидеть и специально не искали. Посидите пока под замком... Вашего чернокожего приятеля Абрахама здесь нет, отпереть его будет некому.

– Что с ним?! – воскликнул Джей-Ти.

– К сожалению, Мастер распорядился его повесить. Я рекомендовал не быть таким строгим, все же старик долго держался, пока раскололся, но вы же успели узнать Мастера...

– Сволочь, – прошипел Джей-Ти, сжав кулаки.

– Да, вам должно быть вдвойне обидно, потому что Абрахам погиб зря – вы-то снова в наших руках. А теперь позвольте любопытствовать, где ваши прекрасные спутницы? Думаю, где-то здесь, недалеко.

– Мы оставили их в Юте, – сказал Ростислав.

– Зачем же врать? Вы не оставили бы их в Юте ни в коем случае. Собственно, мои люди уже прочесывают местность. Полагаю, их вот-вот найдут.

Подтверждая слова Роулинсона, со стороны водяных цистерн донеслось несколько выстрелов. Хлопнул дробовик, потом начали стрелять из пистолетов, застрочили автоматные очереди. Ростислав молниеносно схватил полковника за горло, обмотанное бинтами, но тут же отлетел в сторону, когда в плечо ударила пуля снайпера. Джей-Ти успел подхватить друга и не дал ему упасть.

– Не волнуйтесь, – прохрипел полковник. – Я дал указания брать их живыми. Если что-то пойдет не так – сами виноваты.

– Я вас убью, – стиснув зубы от боли, процедил Шибанов. Сквозь пальцы ладони, которой он зажимал рану, текла кровь,

пропитывая рукав куртки. – Я вас убью, полковник или кто вы там на самом деле.

– Да на здоровье, – грустно сказал Роулинсон и подал знак солдатам. Тут же на головы Ростислава и Джея-Ти обрушились удары прикладов, и бесчувственные тела поволокли прочь.

Отдаленная стрельба продолжалась.

Укрывшись за толстыми железными станинами, на которые опирались водяные баки, Атика перезаряжала пистолет. Пустая обойма звонко ударилась о цемент.

– Выходите! – крикнул кто-то из нападавших. – Мы не будем стрелять!

Ромео Грэнджерфорд очень неприлично выругался и выстрелил на голос.

– Перестань сквернословить! – воскликнула старушка. Именно бдительная Оливия засекла солдат, цепью поднимавшихся по склону. Здравомысленно рассудив, что добра от них ждать не следует, особенно после далекого винтовочного выстрела где-то на базе, старушка выпалила в ближайшего из дробовика. Часть заряда пришлась на бронежилет, но примерно треть угодила в лицо и напрочь снесла нижнюю челюсть. Раненый и сейчас орал не своим голосом, и Оливия решила, если все будет хорошо, потом за него помолиться.

Из-за пригорка вылетела дымовая граната и, ударившись оземь, выпустила едкие желто-зеленые клубы. Атика зажала рот ладонью, из глаз потекли слезы. Мидори запихнула кота поглубже под куртку.

– Сдавайтесь! – в дымном тумане совсем рядом возникло несколько фигур в касках. Ромео, прижавшись спиной к станине, выстрелил в упор, одну из фигур швырнуло на землю. Очередь из автомата прострочила старика от левого плеча к бедру, и он тоже упал.

– Ромео!!!

Маленькая старушка, словно фурия, появилась из дыма рядом с убитым мужем. Загрохотал дробовик, ближайшего солдата буквально отшвырнуло назад, второго развернуло, и он с воплем схватился за брызжущее кровью запястье – кисть левой руки словно ветром сдуло.

– А, черт! – крикнул третий, отшатываясь и стреляя. Оливия выронила «моссберг», прижала руки к груди. Джинсовая ткань комбинезона из светло-голубой быстро становилась черной.

– Господи, мы с Ромео идем к тебе, – пробормотала старушка, улыбнулась и упала рядом с телом мужа. Атика подняла пистолет, но на них с Мидори уже смотрело с десятков автоматных стволов. Человек, убивший Оливию, подошел ближе, разгоня ладонью дым перед глазами. Это оказался капитан Долтри, который доставил их в Солт-Лейк-Сити.

– Мерзкие сучки, – сказал он злобно. – Из-за вас я потерял троих!

Атика и Мидори молчали. Солдат забрал у них пистолеты, принялся обыскивать. Сунув руку под куртку Мидори, он тут же заорал и выдернул ее обратно, всю располосованную и окровавленную. Следом высунулся Крыс и угрожающе зашипел.

– Да я тебя... – начал было солдат и занес руку, но Мидори холодно сказала:

– Выдеру глаза, урод.

Солдат замер. Капитан Долтри сокрушенно покачал головой и распорядился:

– Флинн, Янсен, этих – к полковнику. И осторожнее, эти амазонки могут попытаться удрать.

– А кота, сэр? – спросил поцарапанный.

– От этого кота больше толку, чем от пары таких, как ты, – сердито оскалился Долтри. – Кота не трогать. Таунсенд, разберитесь с ранеными. Что там с Шоу?

– Шоу помер, сэр, – отозвался некто, невидимый за начавшим рассеиваться дымом. – У него половины морды нету...

– Мда... – Капитан посмотрел на трупы стариков. – Этих похоронить.

– Зачем, сэр?! – удивился поцарапанный.

– Потому что я так приказал. Поторопись, если не хочешь, чтобы тебя похоронили вместе с ними. Шоу и остальных наших – в отдельную могилу. И прочтите какую-нибудь молитву, я не знаю, что там полагается.

– Да, сэр. Все понятно, сэр.

Долтри еще раз взглянул на мертвую старушку, так и не выпустившую из рук дробовик, снова покачал головой и стал спускаться вниз по склону. Вслед за ним повели Атику и Мидори.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«Чому я не сокіл...»

«Тигр» стоял с распахнутой дверью, а метрах в двадцати от него огромный робот разделявал тело несчастного Дербенева. Два манипулятора запихивали в топливоприемник оторванную ногу, а еще два алчно рылись в распоротом животе. Самое жуткое заключалось в том, что Дербенев был еще жив – за треснувшим стеклом шлема моргали выпученные глаза и кривился в крике рот.

Не раздумывая, Гумилев упал на колено и выпустил длинную очередь в грудь безопасника, прервав его мучения. Потом укрылся под прикрытие ржавого «форда», и вовремя – тонкую сталь корпуса прошила очередь крупнокалиберных пуль «Итера». Робот, бросив добычу, откатился в заросли и открыл огонь из своих пулеметов.

– Что за черт?! – закричал сквозь грохот выстрелов подползший к Гумилеву Грищенко. – Он же свой!

– Сбой системы! – заорал в ответ Гумилев, вжимаясь в землю, потому что чертов робот на сей раз взял ниже. Одна из пуль гулко ударила в обод колеса и отрикошетила, на излете стукнувшись о шлем Андрея.

– Отводи людей! – крикнул Гумилев майору. Тот закивал и пополз обратно. Остальных не было видно – попрятались кто где, потому что бронекостюм не мог выдержать калибр «Итера».

Выстрелы прекратились. Видимо, робот оценивал обстановку и раздумывал, продолжать бой или отступить. Повредить его без тяжелого оружия, к примеру, гранатомета, было сложно.

– Санич! Олег! – позвал Гумилев.

– Слушаю!

– Попробуйте обойти его с другой стороны и бейте по глазам, по объективам! Они защищены, но, может, получится ослепить.

– Есть!

Гумилев осторожно выглянул из-за колеса автомобиля, готовый сразу нырнуть обратно. «Итер», заурчав моторами, перекатился за массивный бронированный «тигр». Нашел убежище, гадина. Значит, отступать не планирует, решил, что справиться с противниками ему вполне по силам. Интересно, какой у него боезапас? Учитывая возможность длительной автономности, должен быть большой...

Тах-тах-тах-тах!

Гумилев юркнул за колесо, «форд» под ударами пуль закачался на скрипучих рессорах. Откуда-то слева послышались одиночные выстрелы из М-4 – в игру вступил Санич. Конечно, попасть в маленькие объективы будет трудновато, к тому же «Итер» мог прикрывать их специальными броневыми веками...

– Понаделали людоедов, – буркнул Гумилев. – Законы роботехники, так их за ногу... «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред»... Вот, полюбуйте!

Операция, похоже, летела ко всем чертям. За три вполне легальных выезда они ухитрились потерять двоих. И, не дай бог, потеряют сегодня кого-то еще...

Робот продолжал полосовать трейлеры очередями, иногда затихая на мгновение, чтобы то ли перезарядить пулеметы, то ли осмотреться. Обойти его сзади? Но на «Итерах» предусмотрен круговой обстрел, «мертвых» секторов там нет...

И все-таки, неужели нельзя обдурить железяку? Осколочные гранаты не помогут, корпус им не пробить, а на колесах стоят самозатягивающиеся покрышки... Гумилев напряженно ду-

мал, Санич продолжал постреливать. И тут в наушнике раздался голос, который Андрей никак не ожидал услышать.

– Андрей Львович? Это Тарасов.

– Нестор?! – воскликнул Гумилев. – Ты где?!

– Я здесь, рядом. Все вижу, что происходит.

– Что случилось?

– Долгая история. Андрей Львович, я вот что хочу предложить. Открывайте ураганный огонь по роботу, отвлеките его.

– И что дальше?

– Дальше действовать буду я. Видите дерево? С двумя вершинами, толстое?

– Вижу.

Дерево находилось в тылу у «Итера».

– Я за ним.

– Хорошо, Нестор. Готовься. Санич?!

– Я.

– Открываем все вместе огонь по роботу. Можно неприцельно, главное – отвлечь его. На раз-два-три, пошел!

Четыре автомата ударили по «тигру», за которым прятался робот. «Итер», как показалось Гумилеву, сначала опешил, потом частично выдвинулся из убежища и стал обороняться, развернув в сторону нападавших еще и кормовой пулемет. На это и рассчитывал Тарасов. Выскочив из-за дерева, он сломя голову кинулся к роботу, вскочил на платформу и принялся выламывать из гнезда один из пулеметов.

Робот почувствовал, что попал впросак. Плюнув на вражеский огонь, он выехал из-за «тигра» и завертелся волчком, пытаясь сбросить Нестора.

– Не стрелять! – закричал Гумилев, боясь, что шальная пуля попадет в Тарасова. Но бойцы и без того прекратили огонь, наблюдая, как ученый борется с «Итером». Крепко вцепившись в пулемет, Нестор держался. Тогда робот изменил тактику и помчался прочь, по дороге. Что он планировал сделать, осталось загадкой.

Нестор, держась одной рукой, колотил прикладом по крышке моторного отделения. Когда ему удалось немного ее сдвинуть, отцепил с пояса гранату, сорвал кольцо и сунул ее в отверстие, после чего спрыгнул со мчащегося «Итера» и покатился по гравию.

Граната рванула в недрах хитроумной машины еле слышно. Робот на ходу подпрыгнул, пошел юзом, из вентиляционных щелей вырвались языки пламени. Упав на бок, «Итер» заскользил по дороге и врезался в бетонное ограждение.

Гумилев подбежал к Нестору первым и помог подняться.

– Цел?!

– Цел, – крихтя, сказал Тарасов. Левой рукой он придерживал правую и болезненно морщился. – Кажется, вывихнул.

Санит с безопасниками тем временем добивали робота. «Итер» так и лежал на боку, уткнувшись бесполезными теперь стволами пулеметов в землю. Внутри что-то потрескивало и стрекотало, манипуляторы ерзали в тщетной попытке встать на колеса. Грищенко по примеру Нестора отодрал еще какой-то щиток и сунул туда пару гранат. Безопасники бросились к обочине и залегли.

Этот взрыв был куда громче и заметнее. Корпус робота треснул, один из пулеметов, кувыркаясь, отлетел в сторону и грохнулся на крышу «тигра», а сам «Итер» перевернулся вверх колесами. Пасть топливоприемника открылась, словно рот покойника.

– Людоед чертов... – пробормотал Гумилев. – Олег, набери из «тигра» бензина, облей его и подожги!

«Тигр», к которому они вернулись, сильно пострадал. Очевидно, робот застал Дербенева врасплох. Бедняга понадеялся на определитель «свой-чужой» и не ожидал нападения. Сидел, открыв дверцу... В результате пулеметные очереди разворотили приборный щиток, снесли рулевое колесо. Грищенко, осмотрев машину, развел руками:

– Придется на своих двоих.

– Зачем на своих двоих? Вызывай американцев, пусть присылают вертолет.

– Полеты же запрещены, Андрей Львович...

– А ехать сюда они и подавно не согласятся! Вызывай немедленно! У нас раненый и убитый, причем убил его американский робот! Скажи, что в случае отказа я свяжусь с губернатором, а если понадобится – лично с президентом Альянса! В конце концов, группе был выделен вертолет, значит, в экстренном случае его можно использовать! Средств ПВО здесь нет, здесь вообще ничего нет, я гарантирую!

– Хорошо, – Грищенко стал вызывать базу.

На дороге жирно чадил горящий «Итер». Санич и Волкова упаковывали в специальный мешок изуродованный труп Дербенева. Такие мешки входили в штатное снаряжение «тигра», и Гумилев надеялся, что они им не пригодятся. Вот и не пригодились... Хорошо хоть Нестор нашелся.

Тарасов стоял в стороне, баюкая вывихнутую руку, которую Оксана подвесила на перевязь.

– Спасибо, Нестор, – сказал Гумилев, подойдя к нему. – Ты появился как раз вовремя.

– Не за что, Андрей Львович. Я и так вас подвел.

– Так что произошло? Куда ты пропал?

– Я... Я не могу объяснить, Андрей Львович.

– Не понял.

– Нет, я не в этом смысле! – заторопился Нестор, видя, что Гумилев нахмурился. – Я не могу объяснить, потому что сам не знаю! Шел за Ивановой, немного отстал, и... словно куда-то провалился. Ничего не помню. Очнулся – грохот, я на земле лежу, выглянул – перестрелка... «Тигр» наш стоит. Я вас и вызвал.

– Совсем ничего не помнишь?

– Совсем ничего, Андрей Львович. Как будто потерял сознание.

– Если бы ты здесь валялся, мы бы тебя нашли. Биоиндикатор высветил бы.

– Да я понимаю, что меня еще Санечка нашел бы... Но правда ничего не могу объяснить. Честное слово. Может быть, какая-то аномалия?

– Ладно, Нестор, поговорим дома. Я очень не люблю загадок.

– Я тоже, Андрей Львович, – виновато сказал Тарасов.

Грищенко все-таки удалось убедить майора Магдоу прислать вертолет. «Сикорский» известил о своем прибытии нарастающим шумом винтов, а потом появился из-за холмов и опустился неподалеку от расстрелянного «тигра». Двигатель пилот выключать не стал, погрузка прошла в хорошем темпе, и через минуту вертолет взмыл над трейлерным поселком. На полу в проходе лежал пакет с трупом Дербенева.

– Я нарушил все мыслимые инструкции, сэр! – отчитывал Гумилева негодующий майор Магдоу. – Пилот отказывался лететь, пока мистер Решетникофф не выдал ему ваш спецкостюм, да и то ему теперь придется провести несколько дней в карантине!

– Пилоту я выплачу премиальные, – сказал Гумилев, барабанив пальцами по крылу грузовика. В кузов солдаты как раз грузили цинковый гроб с телом Дербенева. Американская сторона заикнулась было о проведении вскрытия и прочих полагающихся процедур, но Гумилев заявил, что не станет предъявлять претензий к производителям «Итера» и Пентагону, и те угомонились. Даже раздобыли где-то российский флаг, чтобы накрыть гроб.

– Мистер Гумилефф! – лицо майора пылало от гнева. – У себя дома вы, я знаю, очень богатый человек! Возможно, в Российской Федерации богатые люди могут позволить себе делать все, что угодно, если в силах за это заплатить! Но пилот Камура – мой человек, сэр, а за своих людей я несу ответственность!

– Как и я за своих, мистер Магдоу, – устало произнес Гумилев. Грузовик посигналил; Андрей положил руку на плечо майора и отвел в сторону. Тот покосился, но не сопротивлялся. Магдоу вообще нравился Гумилеву – не лез не в свои дела, относился к обязанностям серьезно, был уважаем подчиненными, да и с русскими довольно быстро нашел общий язык. – У меня погиб боец, ученый был ранен. Мы потеряли транспортное средство – кстати, уничтоженное пулями американского боевого робота-разведчика. Нужно было эвакуироваться, и в сложившихся условиях я не мог выбирать с группой пешком или ждать, пока приедет второй «тигр».

– Я понимаю, сэр, – остывая, произнес Магдоу. – Но хотел бы получить гарантии, что подобное не повторится. Вертолет может использоваться только вне пределов периметра.

– Давайте поступим так, майор, – мягко сказал Гумилев. – Относительно использования вертолета я сам все улажу с губернатором или, если необходимо, с генералом Хардисти, который курирует миссию. Если ваш пилот согласится транспортировать нас на Закрытую Территорию, я отдельно обговорю с ним вопрос оплаты. Если он откажется – пилотировать вертолет будет мистер Решетникофф, который имеет соответствующие документы. Я могу быть вторым пилотом, в России я управлял различными типами вертолетов, у меня шесть штук собственных.

– Если я получу приказ от генерала Хардисти – безусловно, – сдался майор. – Но до того вы сможете выезжать за периметр только на автомобиле.

– Договорились.

Пока они разговаривали, на территорию базы въехала черная автомашина, из которой вылезли федеральные агенты Пол Ковальски и Шон «Буч» Маккормик. Они помахали перед носом дежурного сержанта своими удостоверениями и поспешили навстречу Гумилеву.

– У вас потери?! – с ходу начал Маккормик.

– Откуда вам известно? – спросил Гумилев. Чего-чего, а уж такой информированности ФБР он не ожидал. Сообщил Магдоу? Но они только что сели... Кто-то из персонала? Или, не дай бог, свои?! Нет, «крыс» в группе быть не должно. Это нереально.

– Так что, потери? – повторил вопрос Маккормик.

– Это касается только моей группы, – отрезал Гумилев. – Пока мы не разберемся, я ничего не хочу комментировать.

– Мы не журналисты, сэр, – прищурившись, сказал Ковальски. – Есть определенные вещи...

– ...Есть определенные вещи, в которые вы не будете совать свой нос, пока я вам не разрешу сам, или пока мне не прикажет оказывать вам содействие генерал Хардисти! Именно через него я осуществляю все сношения с правительством Североамериканского Альянса, который, бесспорно, вы здесь представляете. Честь имею!

Сказав так, Гумилев пошел было к палаткам, но остановился, обернулся и сказал:

– Сегодня неудачный день для того, чтобы вы тут вертелись. У нас погиб товарищ. Я не угрожаю, я просто вас предупреждаю. Надеюсь, вы читали Достоевского?

Ковальски посмотрел ему вслед и озадаченно спросил у Маккормика:

– Что это он? Про Достоевского?

– Это автор романа, в котором студент убил старуху топором.

– Намек тонкий, – оценил Ковальски. – Ладно, поехали отсюда. Видать, мы и вправду не ко времени.

– Твою мать, как же мне надоела эта работа! – театрально воскликнул, обращаясь к небу, федеральный агент Маккормик.

Вернувшись в палатку, Гумилев подозвал Грищенко и тихо сказал:

– Майор, я понимаю, что сейчас не время, но для вас есть особое задание. Сегодня, когда будем поминать Максима, вы должны напоить Магдоу и подружиться с ним.

– Я же английский знаю плохо, Андрей Львович, – пожаловался Грищенко, не став спрашивать, зачем это понадобилось.

– Неважно.

– А Магдоу не пьет. То есть, возможно, и пьет дома, на День Благодарения или какие там у них праздники типа нашего двадцать третьего февраля... Но на службе ни-ни. Он даже солдат гоняет за пиво, хотя у них вроде разрешено после службы.

– Вот и постарайтесь.

Поминки были, что называется, походными. Сидели в палатке, за составленными вместе столиками. Дербенев был из новых сотрудников СБ, никто не успел с ним близко познакомиться, но в любом случае он – один из них. И он погиб. Каждый ощущал на себе часть вины за смерть Максима, хотя виноват, конечно же, был он сам. Плюс несовершенная система «Итера».

Из членов группы отсутствовал Синцов, который уехал в Твин Фоллз по срочному вызову академика. Американцы притихли, зная, что русские поминают погибшего. База словно вымерла, только Магдоу заглянул, чтобы выразить официальные соболезнования.

– Садитесь с нами, майор, – попросил Гумилев, указывая на свободный стульчик рядом с Грищенко. – У нас не принято вот так зайти и сразу уйти. Нужно проводить человека в последний путь.

– Да, сэр, – Магдоу сел на указанное место и одернул мундир. Грищенко тут же налил ему «Столичной», которую Гумилев специально заказал в Твин Фоллз. Американец хотел было возразить, но Грищенко посмотрел на него так выразительно, что Магдоу тяжело вздохнул и взял стаканчик.

– Ну, за тех, кого с нами нет... – сказал Гумилев. Все встали и, не чокаясь, выпили. Магдоу только пригубил, но Грищен-

ко укоризненно покачал головой – мол, за такой тост нужно до дна.

Магдоу крякнул и выпил.

Гумилев посидел еще немного, поковырялся вилкой в еде, после чего встал и извинился, сославшись на дела.

– Разрешаю продолжать, но в разумных пределах. Мистер Магдоу остается за старшего. Вы не возражаете, майор?

Майор вроде бы возражал, но Грищенко уже дружески обнял его за плечи, другой рукой подливая майору водки.

– Нестор, можно вас на минутку?

– Разумеется, Андрей Львович.

Вместе они вышли из палатки в теплую американскую ночь. Глубокое ночное небо было чистым, ярко сияли звезды, но Гумилев с тоской подумал о том, что звезды здесь не те, совсем не те, что дома. Как там Маруся? С новым питомцем ей, конечно, некогда скучать, но отца котенок не заменит, как ни крути. Хотя в последнем разговоре голос дочки был веселым, Гумилев все равно чувствовал, что Маруся преувеличенно бодрится. Словно чувствует что-то...

Гумилев с трудом отогнал навязчиво-тревожные мысли и потянул Нестора подальше от палатки. Он не хотел, чтобы у кого-то была возможность слышать предстоящий разговор.

Рука у Тарасова все еще была на перевязи. Весь день члены группы приставали к нему с расспросами, но Нестор только разводил руками: ничего не помню... «Упал, потерял сознание, очнулся – гипс», – сразу вспомнился Гумилеву старый советский фильм «Бриллиантовая рука». Не доверять ученому он не мог – Нестор выглядел слишком уж растерянным и виноватым. В результате все сошлись на том, что Тарасов просто отчего-то вырубился, закатился в траву или канаву, а биоиндикатор по какой-то причине его не засек.

Однако Гумилев хотел разобраться, и потому пригласил Тарасова побеседовать.

– Давайте напрямую, Нестор. В то, что вас биоиндикатор не заметил в травке я, разумеется, не очень верю. Как я понимаю, и вы тоже. Вы говорили об аномалиях. Владеете какой-то информацией?

– Я одно время увлекался подобными вещами, Андрей Львович, – с готовностью принялся рассказывать Нестор. – И могу сказать, что в Америке часто фиксировались подобные вещи. Например, несколько детей таинственно исчезли, обходя угол одного из домов в местечке Дэвилс-Гэйтс в Калифорнийском национальном заповеднике ангелов. Свидетели утверждали, что один из мальчиков исчез из прямой видимости прямо на глазах у всех присутствующих. Каждый раз тщательные исследования окрестностей не давали ни малейшего намека на причину исчезновения. В других штатах, в том числе и здесь, в Айдахо, люди пропадали среди бела дня, выйдя покормить скотину, отправившись за покупками в лавку, которая находилась через несколько домов...

Гумилев поморщился. Все эти «факты» были весьма сомнительными, масса похожих случаев была описана и в российских изданиях, специализирующихся на аномальных явлениях. К сожалению, разговор пошел не в том ключе, в котором рассчитывал Гумилев. Но Нестор, похоже, искренне верил в газетные утки. Гумилев вздохнул:

– Можно найти множество простых и разумных объяснений этим исчезновениям.

– Да-да, «бритва Оккама», – согласился Тарасов. – Если какое-то явление может быть объяснено двумя способами, например, первым – через привлечение сущностей А, В и С, а вторым – через А, В, С и D, и при этом оба способа дают одинаковый результат, то сущность D лишняя, и верным является первый способ.

– Короче говоря, самое простое объяснение чаще всего и есть правильное.

– Но, к сожалению, далеко не всегда так бывает, согласитесь, Андрей Львович. Иначе многие научные исследования потеряли бы смысл.

– Я-то согласен, но хотел бы точно знать, что с вами произошло. Может, постараетесь еще раз вспомнить?

– Нечего вспоминать, Андрей Львович. Я пытался, и не раз. Мне самому любопытно... Могу лишь сказать как врач, что ровно никаких последствий не ощущаю. Даже когда очнулся, чувствовал себя хорошо. После обморока такого не бывает.

– Загадали вы задачку, Нестор... – проворчал Гумилев. – Хорошо, идите в палатку, отдыхайте...

– Я посижу тут немного, Андрей Львович. Подумаю. Может, что и вспомню.

– Было бы неплохо... – сказал Гумилев и удалился.

Нестор сел на подножку джипа и тихо произнес:

– Если бы я знал, откуда здесь Линза... Я и сам ничего не почувствовал, хотя должен был... И Хранителя не было, а какая Линза без Хранителя?! Это даже не Линза, а какой-то направленный прорыв, ведь я вернулся в то же место, откуда выскочил. Эх, Андрей Львович, Андрей Львович... есть такие вещи, к которым принцип «бритвы Оккама» неприменим.

Уже за полночь вернулся из Твин Фоллз Синцов. Гумилев встретил его машину у въезда на базу. Микробиолог выглядел сияющим, несмотря на все печальные события последних дней.

– Андрей Львович, тест сработал! – закричал он и выскочил из джипа, не дожидаясь, пока автомобиль остановится. – Я привез результаты!

– Наконец-то! – обрадовался и Гумилев. Разрабатываемый тест должен был выяснить, может ли исследуемый человек быть носителем вируса или обладать к нему иммунитетом. Несмотря на кажущуюся простоту, тест до сих пор не хотел рабо-

тать, как следует. И вот сейчас Синцов привез результаты по всем членам группы.

– Идем, Игорь, идем, – Гумилев взял Синцова за локоть и повел к своей палатке. Включил светильник, кивнул на стул. – Садись.

Синцов сел и сказал:

– Вы, Андрей Львович, полностью невосприимчивы к вирусу!

– Хорошо, а кто еще?

– Вессенберг и Санич. Иванова и я можем быть носителями, но сами не заболеем. Остальные... остальные заразятся.

– Ладно хоть так...

– Тест пока получается очень сложным и дорогим. В полевых условиях проводить невозможно. Наши парни совместно с американцами и японцами уже разрабатывают экспресс-лабораторию, но не уверен, что опытный образец появится в ближайшее время.

– Что ж поделать... – Гумилев потер подбородок и отметил про себя, что ему не мешало бы побриться. – Все равно данные очень полезны. Мы с Саничем и Вессенбергом, получается, можем больше не таскать на себе костюмы повышенной защиты. И то хлеб. А что с вакциной?

– Топчемся на месте, – сразу угас микробиолог.

– А вот это плохо.

Оба замолчали. Снаружи донеслось отдаленное пение. Два голоса нестройно и печально выводили:

– Дивлюсь я на небо та й думку гадаю:

*Чому я не сокіл, чому не літаю,
Чому мені, Боже, Ти крилець не дав?
Я б землю покинув і в небо злітав!
Далеко за хмари, подалі від світу,
Шукать собі долі, на горе – привіту,
І ласки у зірок, у сонця просить,
У світі їх яснім все горе втопить.*

Собственно, выводил только один голос, а другой подпевал что-то несусветное, умудряясь тем не менее иногда попадать в мелодию и в рифму.

– Это еще что такое? – удивился Синцов.

– Дружба народов, – сказал Гумилев. – Не обращай внимания, так надо.

С утра пораньше Гумилев выхлопотал у генерала Хардисти разрешение использовать вертолет за периметром. Генерал был вдохновлен результатами, полученными миссией академика Делиева, и даже не особенно спорил.

– Вот только проблемы с пилотом... – сказал он.

– Не беспокойтесь, господин генерал, пилот у нас имеется. К тому же я неплохо пилотирую сам.

– Замечательно! Но помните, вы делаете все на свой страх и риск. Лично я бы не советовал. В свое время мы потеряли там немало самолетов и вертолетов. На Закрытой Территории осталось слишком много различного оружия, в том числе «стингеры», самоходные зенитные установки... В результате пришлось свернуть гуманитарные программы. Эти безумцы сбивали даже беспилотники!

– Я знаю, господин генерал.

– В таком случае еще раз повторю: на ваш страх и риск. Командованию ПВО я дам указания, хотя они уже давно никого не сбивали – попытки перелета через периметр прекратились примерно через полгода.

Поблагодарив Хардисти, Гумилев отключился. Теперь нужно было все уладить с Магдоу.

Майор выглядел очень хорошо с учетом того, что вчера они с Грищенко пели часов до четырех. Как будто и не пил, подумал Гумилев, и только когда подошел вплотную, понял, что Магдоу держится нечеловеческим усилием воли.

– Доброе утро, сэр, – выдавил из себя майор.

– И вам доброе утро! Я только что разговаривал с генералом Хардисти, он разрешил использовать «Сикорский». С нашим пилотом.

– Я запрошу подтверждение, но уверен, что вы меня обманывать не станете... Ох...

Пошатнувшись, майор потер висок и тут же выпрямился, опомнившись. Видать, американцу было совсем худо.

– Что, плохо? – сочувственно поинтересовался Гумилев. Какой жестокий человек Грищенко, нельзя же так...

– Да, сэр, – признался майор. – Что вы делаете в таких случаях?

– Идите к Грищенко, он вам объяснит.

– Виктор? Но он, видимо, еще спит, сэр, и я не могу его будить... – начал было Магдоу и осекся. Грищенко в одних трусах делал возле своей палатки приседания и выглядел до омерзения бодрым. Поймав взгляд Гумилева, он приветственно замаяхнул руками. Гумилев в ответ показал большой палец.

– Идите-идите, – поторопил он Магдоу. – Скажите Грищенко, что сегодня день отдыха, но пусть будет поаккуратнее.

– Да, сэр.

И майор зашагал к палаткам, слегка покачиваясь.

– Чего это он? – Решетников, совершающий утреннюю пробежку, притормозил возле Гумилева.

– Напился вчера. Вернее, Грищенко его напоил по моей просьбе.

– А зачем?

– Да теперь уже, получается, напрасно... Я рассчитывал, что мы втихомолку сможем использовать вертолет. По дружбе, так сказать. Нам же главное – взлететь, а за периметром никто контролировать машину уже не сможет... А тут Хардисти официально разрешил, зря поили бедолагу. Вот послал к Грищенке, пусть его похмелит. Сальцем угостит, у него даже соленые огурцы, по-моему, есть из домашней контрабанды.

– Все-таки выбил вертолет... – нахмурился Решетников, который был против перелета к Зоне 51 по воздуху.

– Константин Кириллович, а что делать? На машинах мы будем тащиться, как улитки. Притом второй «тигр» брошен на Территории, эвакуировать его бессмысленно, там все разбито. А брать машину у американцев нежелательно, даже если они раздобудут нам что-нибудь с аналогичным уровнем защиты.

– Мы потеряли Дербенева, – напомнил Решетников. – А если вертолет сожгут?

– Да не сожгут его. Почти два года – ну, хорошо, полтора, – в воздушное пространство над Закрытой Территорией никто не совался. После того, как там наколотили разведчиков и посбивали гуманитарные транспортники. За это время те, у кого остались средства ПВО, явно расслабились. Не думаешь ли ты, что они там несут круглосуточное дежурство? Ну, услышат вертолет, выскочит кто-нибудь со «стингером» или «джавелином»¹⁴, если он под рукой... Пока глаза продерет, мы уже из зоны видимости выйдем.

– Твоими бы устами да мед пить, Андрей Львович. Хорошо, а как ты продумал возвращение? Насколько я помню, у этой модели «Сикорского» дальность полета – как раз до базы Неллис.

– Во-первых, это все же база ВВС, там можно найти топливо. Во-вторых, ты помнишь нашу задачу? Ты сам мне ее озвучивал.

– «Вы должны будете уничтожить Зону 51». Разумеется, помню.

– Вот именно, Константин. Не вывезти, а уничтожить. Именно для этого мы взяли с собой взрывчатку, которую сработали мои парни, и которая значительно мощнее гексогена, астролита и октонитрокубана. А когда мы выполним задание, тогда и будем решать, как выбираться.

Решетников молчал, глядя на носки своих кроссовок. По лицу стекали капельки пота.

¹⁴ «Джавелин» - британский переносной зенитно-ракетный комплекс

– Может быть, мы хотя бы не станем брать полный состав группы? – предложил он.

– Нет. Перед тем, как уничтожить базу, мы должны ее осмотреть.

– Перед тем, как уничтожить базу, мы должны на нее проникнуть и, вполне вероятно, захватить, – поправил Гумилева Решетников. – Захватить с боем. И потом уже изучать то, что там находится.

– Вот потому нам и нужны все. Я понимаю, после гибели Дербенева настроения изменились. Но Дербенев виноват сам. Он нарушил инструкцию, и потому сейчас летит в цинковом ящике в Москву. Мне его искренне жаль, но, по-моему, только теперь люди поняли, что они не на прогулке. В каком-то смысле смерть Дербенева даже помогла. Во время операции каждый будет стараться выжить.

Решетников снова молчал. Думал, сопоставлял. Гумилев искал глазами майора Магдоу, но не нашел – видимо, он уже проходил курс лечения в палатке Грищенко. Мимо с речевкой прорысили американские солдаты, на бегу отдав честь. Гумилев, памятуя давнее правило «К пустой голове руку не прикладывают», просто помахал ладошкой.

– Ладно, Андрей. Ты главный, тебе решать. Москва одобрит любое твое решение, иначе сюда послали бы другого. И все равно не перестаю тебе удивляться, уж извини. Зачем человек твоего положения, твоего уровня, твоего... достатка, что ли, играет в Индиану Джонса? Ты мог бы нанять профессионалов, рекомендовать кого-то другого. А ты сразу согласился.

– Видишь ли, Константин... – Гумилев замялся, формулируя то, что хотел сказать. – Видишь ли, меня попросил человек, которого я уважал, уважаю и всегда буду уважать. Но даже если бы попросил не он, я все равно полетел бы сюда. Я привык все делать сам. Даже то, что сам мог бы не делать – а я могу вообще ничего не делать, как ты верно заметил, при моем положении и достатке. Но

если я посылаю людей туда, где им грозит опасность, я считаю, что должен быть рядом с ними. Например, в Арктике. Или в Сибири, когда исчезла моя жена. Мне не восемьдесят лет, я не инвалид, я сильный, тренированный мужик. Поэтому я здесь.

Решетников кивнул, соглашаясь.

– А знаешь, я сначала не хотел с тобой лететь.

– Почему?

– Да именно потому: положение, достаток... Ожидал увидеть такого самодура, которому захотелось поразвлечься. Тебя многие таким считают, если вдруг не в курсе.

– В курсе, в курсе. Помню, как писал «Желтый экспресс», когда пропала Ева: «Человек, поменявший семейное счастье на деньги и акции». Надеюсь, ты был приятно удивлен?

– Был, не скрою. И надеюсь, что я до сих пор не ошибся, и ты точно знаешь, что делаешь.

– Я всегда точно знаю, что делаю, – сказал Гумилев. – Вот только, к сожалению, далеко не всегда получается так, как я хочу...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Зеленое море тайги

Наверное, во время существования базы ВВС Неллис здесь была гауптвахта. Шибанов не знал, есть ли вообще такое понятие, как гауптвахта, в вооруженных силах Соединенных Штатов, но что еще могло располагаться в этом унылом квадратном помещении без окон, с двумя койками и унитазом? Унитаз, кстати, работал, следовательно, коммуникации базы до сих пор функционировали. Впрочем, сюда было вбухано столько денег, что все вполне могло работать в автоматическом режиме. Может, вода будет литься, а электричество – включаться еще лет через сорок, когда ангары обрушатся, а по взлетным полосам станут бегать пумы и койоты...

Ростислав посмотрел на повязку, на которой проступили кровавые пятна. Перед тем, как посадить в камеру, ему оказали первую помощь – залили рану обеззараживающим средством и забинтовали. Пуля прошла навылет и не задела кость, тут ему повезло. В остальном же все было очень плохо.

– Не переживай, Расти, – сказал Джей-Ти, прекрасно понимая, что за мысли гложут его друга. – Возможно, они отбились и ушли в горы.

– Возможно... А возможно, погибли. Ты не согласишься, что значила для меня Атика, Джей.

– Я знаю, как ты ее любил. Зачем рассказывать?

– А Мидори... Мидори я воспринимал иногда как дочь. Хотя какой из меня отец, я ненамного ее старше...

– Не дай господь кому-нибудь такую дочку, как наша крошка Ми, – не смог сдержать улыбку Профессор.

Оба они очнулись уже здесь, когда в лицо им плеснули холодной водой. Потом санитар обработал рану Ростислава, и дверь за ним закрылась.

– Нужно было идти кому-то одному, – расстроено сказал Шибанов. – Это я, идиот, все придумал...

– Кто же знал, что мы встретим здесь этого хренова вонючего зомби?! – воспротивился Джей-Ти. – Я до сих пор не понимаю, как он сюда попал. Не на самолете же прилетел!

Неожиданно в замке громко повернулся ключ, и в камеру вошли Атика и Мидори. Ростислав без слов вскочил, бросился к жене и прижал ее к груди, Атика зарыдала. Джей-Ти не остался в стороне и обнял Мидори, но тут же отскочил, потому что из-под ее куртки завопил прищемленный Крысиный Король.

– Трогательно, – сказал Роулинсон, за спиной которого маячили автоматчики. – Весьма трогательно.

Его присутствие заметили только сейчас. Ростислав, не выпуская жену из объятий, спросил:

– А где остальные?

Атика, всхлипывая, гладила повязку на его руке.

– Остальные? Вы имеете в виду бойкую чету старичков? О, они пали смертью храбрых. Я не перестаю удивляться вам и вашим людям, *tovarishch*. Долтри сказал, что они были стары, как Мафусаил, но положили четверых солдат.

– Они просто были очень хорошие люди, полковник. Хорошие и добрые люди. В отличие от ваших кровавых негодяев.

– Кровавые негодяи, это надо же... – Роулинсон сделал вид, что аплодирует. – Красиво. Нет, в самом деле, я удивлен. И даже опечален, потому что совершенно не хотел лишних жертв. Мы предлагали сдаться, но в ответ получали только пули. Пришлось действовать соответственно.

– Теперь-то что вам надо?

– Ничего. Я уже сказал, что оказался здесь по другим делам и никак не планировал обнаружить здесь ваш небольшой отряд. Конечно, Мастер будет весьма счастлив встретиться с вами снова, но пока вы можете спокойно сидеть здесь и отдыхать. Скоро вам принесут еду. Тут несколько тесновато, но, уверен, вместе вам будет лучше. Или хотите, расселю вас в другие камеры? Мальчики туда, девочки сюда... А можно и по парам, если угодно.

– Нам и так хорошо, – с ненавистью глядя на Роулинсона, сказал Джей-Ти. – И, когда в следующий раз придешь, купи одеколон посильнее.

– Да?! – удивился полковник и громко потянул носом воздух. – Ничего не чувствую. Сходите к доктору, приятель. Говорят, обонятельные галлюцинации – один из ранних симптомов опухоли мозга.

С этими словами Роулинсон подал своей свите знак, и они покинули помещение. Снова защелкал ключ, поворачиваясь в замке.

– Ты сильно ранен, милый? – тихо спросила Атика, вытирая слезы рукавом.

– Ерунда... А Грэнджерфорды в самом деле погибли?

– Да, этот ублюдок не врет, – ответила Мидори, поглаживая кота. – Они убили Ромео и Оливию. Капитан распорядился их похоронить.

– Какой капитан?

– Тот, что нас привез к Мастеру. Долтри, кажется, его фамилия.

– И этот здесь! – возмутился Джей-Ти. – Хренов убийца детей и стариков! Чертов расист! Когда я до него доберусь, то засуну его прямо в задницу этому вонючему разлагающемуся полковнику!

Мидори уставилась на Профессора и громко расхохоталась.

– Чего?! Чего я такого сказал?! – удивился Джей-Ти, потом до него дошло, и он тоже рассмеялся. Им вторили Атика и Ростислав. Качая головой, бывший рэпер пробормотал:

– Думаю, старики были бы довольны, знай они, что мы сейчас не рыдаем, а смеемся. Это были весьма жизнерадостные старые калоши.

Мидори выпустила Крыса из-за пазухи. Кот деловито обошел все помещение и, запрыгнув на унитаз, непринужденно справил нужду. Шибанов с Джей-Ти обалдели, а Мидори радостно захлопала в ладоши, совсем по-детски:

– Я же говорила, что он домашний кот!

Домашний кот горделиво прошествовал к койке и завалился на ней спать.

– Мне бы такую выдержку, – завистливо сказал Джей-Ти. – Впрочем, если бы я всю дорогу ехал за пазухой, как он...

– Заткнись, – миролюбиво посоветовала Мидори. – Уверена, ты в его возрасте пользоваться унитазом вообще не умел.

Спустя примерно час или полтора – часы у всех отняли – солдаты принесли еду. Вся она была в консервных банках, видимо, со складов базы Неллис. Набор получился дикий: моллюски в соевом соусе, кошерные огурчики, перепелки в вине, виноградный джем, паштет из печени с черносливом и рисовая каша. Скорее всего, в сумку побросали все, что стояло на ближайших складских полках. Помимо пищи, принесли и пластиковую бутылку с водой.

– По крайней мере, голодом нас уморить не собираются, – резюмировал Джей-Ти, вытирая губы и подцепляя пальцем джем.

– Роулинсон хочет выслужиться, – сказала Атика. – Привезти нас Мастеру в качестве гостинца. Естественно, пока он нас не тронет.

– Интересно, что он тут делает? Тоже ищетдохлых инопланетяшек? Ему-то они зачем?

– Может быть, грабит склады. Куда интереснее, как они так быстро сюда добрались, – сказал Ростислав. – Если не по воздуху, в чем я сильно сомневаюсь, то у нас появится шанс сбежать.

– Два раза снаряд в одну воронку не попадает, братан, – мрачно возразил Профессор. – Один раз мы от них уже удрали, что-то не верится, что это опять прокатит. Никто не против, если я вымою руку в унитазе, а то пальцы после джема липкие? Питьевую воду жалко... Крыс?

Кот поднял голову от консервной банки, которую выделили ему заботливые девушки, не пожалев ни моллюсков, ни паштета. Равнодушно глянув на рэпера, кот снова он занялся едой.

Джей-Ти оглядел спутников. Никто не возражал, и он направился к унитазу, шаркая по цементному полу своими «кроссовками» из рюкзака и напевая:

Теперь он вне закона, как Робин Гуд.

Настоящий герой во всем районе.

Если его поймут, он предстанет перед судом.

Но это не преступление, если тебя не поймали¹⁵.

– Тебя-то как раз поймали, старина, – сказал Ростислав печально.

...Андрей Гумилев сидел на походной койке, застеленной толстым армейским одеялом, и читал текст на экране нетбука:

«Технологии, о которых вы уже знаете, привезли сюда существа из звездной системы Зета Ретикули 1 и 2 (Zeta Retuculi). Эти звезды находятся в созвездии Ретикули, видимом только из Южного полушария. Зета Ретикули — это бинарная система, то есть в ней две звезды, и она удалена от Земли на расстояние в 30 световых лет. Существа прилетели с Ретикули-4, четвертой планеты Зета Ретикули-2. Именно так говорится о звездных системах в сообщениях, которые я читал. Они просто обозначают звезду и количество планет вокруг нее – от ближайшей к звезде до наиболее удаленной от нее. Например, наше Солнце было бы обозначено как «Sol», а Земля – как "Sol-3", так

¹⁵ House of Pain, «It Ain't a Crime»

как она является третьей по счету планетой от Солнца. День на Ретикули-4 длится 90 земных часов.

Рост существ составляет 3-4 фута, вес – 25-50 фунтов. У них сероватого оттенка кожа и крупные головы с большими миндалевидными глазами, длинные и тонкие носы, рты и уши. Волосяной покров отсутствует. Все данные в сообщениях, касающиеся этих существ, были помечены 6-значной цифрой, начинающейся на 1623. Так как я не имел ни малейшего представления, с чем в настоящий момент связана эта 6-значная цифра, то я не мог и вычислить, когда прилетели эти существа или, по крайней мере, когда они появились на Земле.

Существа рассказали, что уже давно периодически посещают Землю, и в качестве доказательства представили фотографии, которым, по их словам, более 10 000 лет.

До 1979 года в центре Невады между нами продолжался обмен материалами и информацией, пока не произошел конфликт, который резко затормозил реализацию проекта. Существа покинули Землю, но должны вернуться в момент времени, обозначенный как 1623... и я не знаю, что это за дата.

Имея в своем распоряжении оставшиеся после них материальные предметы, устройства и приспособления, а также переданную ими информацию, правительство США приступило к осуществлению программы Back-Engineering (восстановительной инженерии). В мае 1987 года несколько ученых установили реактор антивещества на одной из подземных стартовых установок испытательного полигона в Неваде, чтобы провести эксперимент. К несчастью, во время эксперимента было необходимо вскрыть реактор, что для них означало смерть. Всем остальным на полигоне они сказали, что будет произведен внеплановый подземный испытательный ядерный взрыв. В декабре 1988 года меня пригласили на место одного из этих ученых.

Инопланетяне сообщили информацию о том, как можно влиять на человеческий разум, чтобы усыпить (анестезировать)

тело. Это можно сделать без физического контакта, из внешнего источника. Чтобы усыпление было полным, мозг должен находиться в расслабленном состоянии, как при гипнозе. При наличии внешних стимулов, например возбуждающих наркотиков или громкой музыки, манипуляции с нервной системой оказываются неэффективными. Существа сообщили, что человек является продуктом регулируемой (управляемой) извне эволюции. По их словам, человечество как раса претерпело уже 65 генетических изменений. Они называют людей «сосудами», только я не знаю, для чего эти сосуды предназначены.

Я верен себе, и вы теперь понимаете, почему я не имею возможности документально подтвердить информацию, содержащуюся во второй части. Очевидно, что, если информация достоверна, реализация проектов будет иметь далеко идущие последствия, и не нужно быть физиком-ядерщиком, чтобы это ясно понимать».

– Прошу прощения, Андрей Львович. Отвлекаю?

В палатку заглянул Решетников.

– Нет, что ты. Заходи.

– Техники всю готовят вертолет к вылету, – сообщил Решетников, присаживаясь рядом. – Честно говоря, волнуясь. Не пилотировал такую машину года два.

– Это же как велосипед, Константин Кириллович, – одобряюще улыбнулся Гумилев. – Если один раз научился, никогда уже не забудешь.

– Не скажи. Я вроде с детства машину вожу, помню, еще на бабине «горбатом» «Запорожце» начинал. А недавно пришлось в... Неважно, где, но пришлось вести карьерный самосвал. Он высотой с трехэтажный дом, знаешь, наверно.

– Представляю, – сказал Гумилев.

– Вот и пришлось его вести, причем по сильно пересеченной местности. А на площадке ребята из... хорошие ребята, наши, им еще отстреливаться приходится. Употел весь, пока оторвались.

- Веселая у тебя жизнь, Константин.
- Не жалуюсь. Что читаешь?
- Доклад Боба Лазара.
- А, этот физик, специалист по двигательным системам?
- Да, человек, который устроил всю шумиху вокруг Зоны 51. Знаешь, что меня смущает?
- Что?
- Они слишком много рассказывают. Лазар и другие, бывшие сотрудники лабораторий на территории Зоны. В Штатах исчезали люди, которые знали об определенных вещах куда меньше. А этому хоть бы хны. Видеофильмы снимает, по конференциям уфологов ездит.
- Кажется, Вессенберг с ним даже немного знаком.
- Неудивительно.
- Напрасно ты так скептически к нему относишься. Вессенберг – уникальный специалист.
- Ладно, речь не о нем. Что-то здесь не так. С Зоной 51 что-то не так. Слишком много информации.
- Разве это информация? – усмехнулся Решетников. – Таковую информацию нужно, как говорится, делить на сто сорок. В основе своей – досужие фантазии, но из них можно вычленишь те крупинки, которые попали туда неслучайно. Чем мы и занимались. Та же схема подземных ярусов – скорее всего, липа. Но других данных попросту нет и быть не может. Ты же знаешь, что все разведки мира львиную долю чужих секретов черпают из обыкновенных газет и телепередач. Иной таблоид выдает в год оборонных тайн больше, чем купленный полковник Генерального штаба.
- Тебе, как полковнику, виднее, – подмигнул Гумилев и закрыл нетбук. – Пойдем обедать?
- Я, собственно говоря, затем к тебе и заскочил.
- В столовой было пусто, только Миллерс что-то жевал в дальнем углу, читая газету. Повар-негр выглядел обиженным и за-

метно оживился, когда к нему пришел «русский бригадный генерал». Про Решетникова американские солдаты тихонько говорили «Кей-Джи-Би», и были недалеко от истины, но Гумилев вызывал гораздо большее почтение.

Они взяли по тарелке сосисок с бобами, грейпфрутовый сок, яблочный пирог и кофе. Миллерс похлопал рукой по свободному соседнему стулу, приглашая к себе. Субординация в группе присутствовала, но чинопочитание не приветствовалось.

– Учишь английский, Антон? – поинтересовался Решетников. Гумилев взглянул на шапку газеты, это оказалась «Лос-Анджелес таймс».

– Совершенствую, а не учу, – с достоинством сказал Миллерс.

– И что пишут?

– Террористы снова захватили самолет.

– Цитируешь кино «Москва слезам не верит»? – расплылся в улыбке Решетников, но Миллерс замотал головой:

– Нет, правда. В воздухе захватили «Эйрбас» «Люфтганзы», рейс в Сидней. Просят посадки в Тибете.

– Все ясно, – сказал Гумилев. – Когда они только с этим Тибетом уgomонятся... Как будто забот мало.

– Кстати, нам всем следует сказать спасибо, что «Армагеддон» появился в не самых населенных штатах Америки. Если бы рвануло в Китае, тогда... – Решетников не договорил и принялся вилкой делить сосиску на равные кусочки. Он вообще был аккуратист.

Пообедали неторопливо, под конец трапезы вошел майор Магдоу. Он взял только сок, подошел к столику и деликатно осведомился, обращаясь к Гумилеву, как старшему:

– Можно к вам присоединиться, сэр?

– Милости просим, – сказал Гумилев. – Правда, мы уже уходим.

Магдоу сел напротив Гумилева.

– Вы не передумали насчет полета, сэр? А если не передумали, то уложите ли в график?

Грищенко опохмелил майора грамотно, Магдоу выглядел куда лучше, нежели утром, но явно и не перебрал. Опохмел – дело серьезное, перейдешь границу и не заметишь. Видать, домашние соленые огурчики сыграли свою положительную роль. Да и копченое сало в умелых руках тоже штука полезная.

– Не передумали. Иначе зачем бы я бил поклоны генералу Хардисти? С графиком тоже все просчитано, – Гумилев, конечно же, врал начальнику базы. Никакой высадки в Долине Смерти делать они не собирались, а намеревались сразу же двинуть к базе Неллис. Само собой, с определенной точки они перестанут отвечать на вызовы базы, когда там начнут беспокоиться. Лишь бы ПВО не вздумала принять экстренные меры. Но тут Гумилев надеялся, что американцы просто не посмеют сбить вертолет с русскими членами миссии ООН, скорее уж подумают, что во время посадки в Долине Смерти их вместе с вертолетом захватили местные. Лишний международный скандал Альянсу был совсем ни к чему.

– Пилотировать буду я, – на всякий случай напомнил Решетников.

– По-моему, вы что-то затеваете, – тем же спокойным и бесстрастным тоном сказал Магдоу.

Он посмотрел Гумилеву в глаза.

«Голубчик ты мой, – подумал Андрей, – я еще в школе в гляделки всех побеждал! Уж не знаю, чему вас там учат армейские психологи, только тут не выгорит».

И в самом деле, майор после длительной паузы отвел глаза и потупился.

– И как вы думаете, что именно мы затеваем?

– Я пока не знаю. Но я чувствую.

– Послушайте... – начал было Решетников, но Гумилев поднял руку:

– Стоп, стоп. Майор, я бы мог, конечно, оскорбиться, но не стану этого делать.

– И не нужно. Я не хотел вас оскорбить, я просто волнуюсь. Знаете, я раньше никогда не имел дела с русскими. Когда я учился на офицера, нас учили видеть в русских врагов. Со временем я понял, что это не так, но и друзей видеть в них готов не был. Нейтралитет... Да, сэр, пожалуй, это именно то самое слово. Но потом я увидел, как вы провожали своего погибшего друга. Подумал, что вы приехали сюда для того, чтобы спасти американцев, тех, кто находится за периметром, да и всех остальных. Виктор мне тоже многое объяснил. Поэтому, сэр, если вы и в самом деле что-то затеваете, я буду смотреть на это сквозь пальцы. Ибо знаю, что плохого вы не сделаете. Честь имею.

Одним длинным глотком осушив стакан с соком, Магдоу встал, коротко поклонился и вышел из столовой.

Решетников и Гумилев переглянулись.

– Вот она, волшебная сила искусства, – сказал Гумилев. – Грищенко надо премию выписать.

– А про что он говорил-то, Андрей Львович? – с интересом спросил Миллерс.

– Ты же газету на английском читаешь! Совершенствуешься!

– Я читал только результаты хоккейных матчей. Они понятные. Ну и в заголовке на первой полосе: «Тибет», «Сидней», «Люфтганза», «terrorists»... – признался Миллерс и расплылся в широкой улыбке.

Гумилев не удержался и похлопал вертолет по теплomu оливковому борту. Он любил хорошо сделанную технику. Конечно, в идеале Гумилев привез бы с собой вертолет российского производства, но этот тоже был хорош. К тому же в какой-то степени С-92 имел отношение к России – основатель фирмы «Sikorsky» Игорь Иванович Сикорский эмигрировал из страны

в 1919 году, успев сконструировать там такие легендарные аэропланы, как «Русский витязь» и «Илья Муромец».

Когда в прошлый раз они вывозили обстрелянную взбесившимся роботом группу и растерзанное тело Дербенева, Гумилеву было не до любопытства. Сейчас он с интересом заглянул в двухместную кабину экипажа, размещенную в носовой части, оценил приборную доску с четырьмя multifunctional дисплеями на жидких кристаллах.

Остальные тем временем грузились в грузопассажирский отсек через большую сдвижную дверь с правого борта. Здесь были все, кроме Синцова. Микробиолога своим волевым решением Гумилев отправил в Твин Фоллз, чтобы он с людьми академика Делиева продолжал заниматься экспресс-лабораторией и вакциной. Синцов обсуждать приказы руководства не привык, но уехал весьма опечаленный, увозя с собой второго «объекта «Б».

Вессенберг был сердит, как никогда. За пару часов до вылета, еще до общего подъема, Гумилев застал его разговаривающим по мобильному телефону. Мобильники были строго-настрого запрещены и оставлены в Москве. Связываться с родными и близкими разрешалось через аппарат в «Амерител Инн», звонки с которого отслеживались. Поблажки себе не сделал даже Гумилев – с Марусей он единственный раз поговорил именно из отеля, а с тех пор не мог туда вырваться, будучи занят подготовкой к вылету.

Эстонец говорил на своем языке и осекся на полуслове, когда обнаружил, что за ним наблюдает Гумилев. Андрей не знал эстонского, но что именно на полуслове, почему-то сразу понял. И еще понял, что Вессенберг испугался.

– Индро Юльевич, как я вижу, правила на вас не распространяются? – ехидно спросил Гумилев.

– Это приватный звонок, – торопливо выключая телефон, сказал Вессенберг.

– Насколько вы знаете, отсюда не разрешены никакие звонки. Если появится нужда – вас отвезут в Твин Фоллз.

– Это было срочно. У меня дома есть некоторые проблемы.

– Дайте сюда телефон, – велел Гумилев, протягивая руку.

– Вы не имеете...

– Дайте сюда телефон!!! – повысил голос Андрей.

Вессенберг нехотя протянул аппарат, дешевую допотопную модель «нокиа». Гумилев взял его, размахнулся и с размаху врезал о дверцу армейского грузовика. Эстонец вздрогнул от удара пластмассы о металл и стука дробью разлетевшихся кусков телефона.

– Вы напрасно сделали это, – злобно произнес он.

– Идите в свою палатку и собирайтесь, – приказал Гумилев, повернулся, показывая, что дальнейший разговор не состоится, и ушел.

Потом он пожалел, что разбил аппарат или, в крайнем случае, не подобрал обломки. Можно было проверить, кому звонил Вессенберг. Решетников, которому Андрей нелицеприятно высказался по поводу его протеза, только развел руками:

– Он очень неорганизованный человек. Не любит ограничений и приказов.

– Ну и подарочек вы мне подсунули, Константин Кирилыч! – сказал Гумилев, со злости перейдя обратно «на вы». – И не начинайте снова эту волюнку про уникального специалиста! Понятное дело, что я его уже никуда не отчислю. Не я назначал. Но если что, я вас предупреждал!

Сейчас Вессенберг стоял в стороне от остальных и протирали платочком свои очки. Автомат висел у него на плече, словно теннисная ракетка в чехле, а из-под каски болтались длинные волосы. В закрытом герметичном шлеме эстонец выглядел куда опрятнее, но поди ж ты, оказался полностью иммунным. Ему, Саничу и Гумилеву откровенно завидовали – еще бы, не таскать на себе тяжелый колпак, не дышать через фильтры...

Мимо КПП проехал черный автомобиль, и у Гумилева аж скулы свело. Федеральные агенты снова были тут как тут. У них определенно был источник в комендатуре, или... Нет, про это теперь думать не нужно. Однако появлялись они с редкой избирательностью.

– Простите, но у меня нет времени на беседу с вами, – заявил Гумилев, когда Маккормик и Ковальски подошли к вертолету. – Как видите, мы заняты.

В подтверждение его слов Лобачевский и Миллерс протащили мимо контейнер со снаряжением. Лобачевский при этом специально наступил на ногу Маккормику и сделал вид, что не заметил. Агент с ужасом посмотрел на свой вычищенный ботинок, понесший тяжелую утрату.

– Мне кажется, или пересечение периметра на летательных аппаратах запрещено? – спросил он.

– Запрещено. Но мы имеем специальное разрешение генерала Хардисти.

– Могу я на него посмотреть? – Ковальски протянул руку. Гумилев некоторое время разглядывал ладонь агента и заметил глубокомысленно:

– Ваша линия жизни внушает мне серьезные опасения.

– Что?! – не понял Ковальски. Потом лицо агента вытянулось, и напарник поспешно потащил его за рукав плаща к машине, что-то еле слышно говоря. Гумилев улыбнулся – происшествие доставило ему небольшое удовольствие. Мальчишество, конечно, но какая у агента была рожа!!!

– Чего это они, Андрей Львович? – спросил Санич с таким серьезным видом, словно готов был тут же пристрелить обоих агентов, если они чем-то обидели Гумилева.

– Любопытствовали, Олег. Они всегда... любопытствуют...

С тем же вопросом подошел и майор Магдоу.

– Мне не нравятся эти люди, – сообщил он. – Я понимаю, что это ФБР, но им нужно заниматься другими делами.

– Вы уверены вообще, что они из ФБР?
– Да из ЦРУ они, – убежденно сказал Санитч. – Я чую.
– Возможно, – согласился майор. Агенты тем временем сидели в машине и смотрели на погрузку. Макормик что-то наговаривал на диктофон. – Хотя ЦРУ не имеет права заниматься оперативной деятельностью на территории США. В любом случае я свяжусь с командованием и уточню, не вышвырнуть ли их с территории базы.

– Да они сами уедут. Мы взлетим, и они сразу уедут.

– На будущее не повредит.

Гумилеву было немного стыдно перед майором. Магдоу был с ними честен, старался помочь... Вот и об агентах собрался «позаботиться» а ведь не знает того, что никакого будущего уже не будет. И если «Сикорский» все же вернется на базу много позже назначенного срока, сюда приедут не эти два агента-нюхача, а серьезные люди с большим количеством звезд на погонах. Впрочем, об этом Андрей пока не хотел и думать. Сначала надо добраться до Зоны 51.

– Андрей Львович, давайте в кабину! – крикнул Решетников. Огромный четырехлопастный винт, раскручиваемый двумя двигателями «Дженерал электрик», начал вращаться, постепенно ускоряясь и наполняя окрестности угрожающим свистом.

Гумилев поспешно пожал руку Магдоу и побежал к вертолету. Забравшись в кабину, он сел в подрагивающее кресло второго пилота и надел шлем. Панель управления перемигивалась огоньками, сияли жидкокристаллические дисплеи. На текущий момент все это являлось епархией Константина Кирилловича, а Гумилеву предназначалось командовать скорострельными автоматическими пушками и прочей оборонительно-наступательной машинерией.

Санитч задвинул дверь грузопассажирского салона. Вертолет задрожал сильнее и стал подниматься. Внизу остались тре-

пещущие от поднятого ветра палатки, ряд грузовиков и джипов, уцелевший «тигр» чуть поодаль, разинувшие рты солдаты и машущий рукой майор Магдоу. У своей приземистой черной автомашины торчали федеральные агенты Маккормик и Ковальски; длинные полы их плащей развевались, словно у вампиров.

Развернувшись, «Сикорский» полетел в сторону периметра, постепенно набирая крейсерскую скорость в триста километров в час. Все молчали, глядя через большие окна на растялающуюся внизу утреннюю зелень. Внезапно Грищенко сказал:

– Что мы, словно на похороны?

И запел:

*Главное, ребята,
Сердцем не стареть,
Песню, что придумали,
До конца допеть.
В дальний путь собрались мы,
А в этот край таежный
Только самолетом
Можно долететь.*

Гумилев обернулся и вместе со всеми подхватил:

*А ты улетающий вдаль самолет
В сердце своем сбереги,
Под крылом самолета о чем-то поет
Зеленое море тайги.*

Дальше вступил Решетников, очень в тему, так как управлял машиной:

*Летчик над тайгой
Точный курс найдет,
Прямо на поляну*

*Посадит самолет.
Выйдет в незнакомый мир,
Ступая по-хозяйски,
В общем-то зеленый
Молодой народ*¹⁶.

И бойцы снова грянули припев. Пели все, даже Вессенберг, который раскрывал рот нешироко и стеснительно, как обычно делают люди, плохо знающие текст. И Гумилеву стало радостно оттого, что рядом с ним эта команда. Константин Кириллович Решетников, полковник, совсем не похожий на полковника при ближайшем рассмотрении. Верный и надежный Олег Санич, старый добрый Робокоп. Грищенко, с которым они шастали бок о бок по Баракам Ада, разыскивая пропавшую Еву и отбиваясь от диких морлоков. Оксана Иванова, похожая на задорного пацаненка. Сосредоточенный Нестор Тарасов, загадочно исчезнувший и загадочно возвратившийся, победитель робота-людоеда. Володя Лобачевский и Антоша Миллерс, чем-то неуловимо схожие между собой, хотя на первый взгляд абсолютно разные. Противный Вессенберг, который, наверное, в самом деле звонил в Псков маме или отцу, потому что собирался лететь туда, куда еще недавно даже не мечтал попасть. Бородатый и сердитый Артемьев, даже подпевавший с таким видом, словно от этого произойдет некая неприятность. Не хватало только Синцова и Дербенева.

Пропели последнюю строчку припева, и Решетников доложил:

– Периметр прошли. Мы уже на Закрытой Территории, но на самом ее краешке. Может, сядем, пока не поздно?

Это была, конечно же, шутка.

¹⁶ Автор текста С. Гребенников, композитор А. Пахмутова

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

База Неллис

Строения базы Неллис, разбросанные на берегу ярко-белого высохшего озера Грум, были видны издалека. Вертолет летел уже пару часов, и время запланированного контакта с парнями Магдоу давно прошло. Что творилось сейчас в Твин Фоллз, Гумилев даже не мог себе представить. Академик Делиев, наверное, бегают по холлу отеля «Америтель Инн» и басом кричит: «Что я скажу Владимиру Владимировичу?!». Магдоу скорбит, полагая, что их все же сбили, а федеральные агенты Маккормик и Ковальски торопливо строчат донесения своему руководству.

Когда Гумилев улетал из Москвы, он предупредил всех, чтобы в случае его исчезновения Марусе ничего не говорили. Папа в командировке, в Америке. Разумеется, по телевидению и в газетах сразу же начнут говорить о его пропаже, но и от этого Марусю должны были оградить. Потому что он обязан вернуться, вернуться во что бы то ни стало.

– Фигасе! – присвистнув, сказал Лобачевский. – Хорошо, что мы с ними не воевали.

– Не видал ты наших подобных объектов, – насмешливо заметил Грищенко. – Сказал бы: «Плохо, что мы с ними не воевали».

– Раздолье. Садись, куда хочешь, – повернувшись к Гумилеву, сказал Решетников.

Действительно, внизу простирались несколько взлетно-посадочных полос разной ширины и длины, вертолетная пло-

щадка, да и на ровном дне озера Грум «Сикорский» мог сесть без проблем.

– Идем вон туда, к тому... – начал было Гумилев, но тут заработал передатчик.

– Это база ВВС Неллис. Вызываю вертолет С-92, – сказал монотонный голос в наушниках. – Вызываю вертолет С-92.

В кабине вертолета все замерли.

– Я С-92, слушаю, – едва шевеля отчего-то моментально пересохшими губами, отозвался Решетников.

– С-92, немедленно садитесь на посадочную полосу. Ориентир – бензозаправщик. Вы его видите?

– Бензозаправщик вижу.

В самом деле, на широкой взлетно-посадочной полосе одиноко торчал бензозаправщик. Дальше стояли два больших «Боинга-737», а справа виднелась башня контрольно-диспетчерского пункта.

– Садитесь рядом с ним, ближе к административным зданиям, дальше от самолетов. В противном случае вы будете сбиты.

Решетников переглянулся с Гумилевым. Гумилев жестом показал, что нужно выполнять требования и садиться. Судя по манере ведения переговоров, в диспетчерской сидел не специалист по полетам, но расстрелять вертолет с земли при желании могли и дилетанты. Особенно имея под рукой весь арсенал военно-воздушной базы.

– Хорошо, – сказал Решетников, – мы садимся.

– После посадки не выходите из вертолета вплоть до особого распоряжения. К вам подъедет автомобиль.

– Роджер¹⁷, – кивнул Решетников, словно собеседник его мог увидеть.

Диспетчер отключился.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – прокомментировал сзади собиратель русского фольклора Индро Юльевич Вессенберг. Решетников тоже смотрел на Гумилева с укоризной.

¹⁷ «Роджер» - «Вас понял» на летном слэнге

– Как ты там говорил? «Пока проснутся, пока выскочат»...

– На базе в любом случае кто-то был. Военные, не военные...

Кстати, ты согласен, что говорил непрофессионал?

– Согласен, – буркнул Решетников, подводя вертолет к указанной точке. – И что?

– А то, что это, выходит, не персонал базы. Случайные люди.

– Вот как потащат нас эти случайные люди на костер, шашлыки жарить...

Слухи о каннибализме, процветающем кое-где на Закрытой Территории, ходили давно и упорно. Гумилев в них верил, потому что антропофагия, по сути, далеко не самое очевидное свидетельство падения нравов. Чтобы сохранить свою жизнь, даже весьма цивилизованным людям иногда приходилось есть себе подобных. Чего стоила история 1972 года, когда уругвайская команда регбистов летела через Анды для участия в матче в Чили. Самолет потерпел крушение вблизи границы с Аргентиной. После нескольких недель голода и лишений оставшиеся в живых приняли решение съесть замерзшие тела своих умерших товарищей. Именно поэтому они и были спасены спустя два месяца.

«Сикорский» опустил метрах в двадцати от бензозаправщика, и Решетников выключил двигатель. Гул турбин утих, винт вращался все медленнее. От здания, около которого стояло несколько автомобилей, к ним уже ехали два открытых джипа, а из-за «Боингов» выходили вооруженные люди в камуфляже. Насколько помнил Гумилев, в этом здании помещалась комендатура базы Неллис, построенная в 2005 году, а за ним одинаковыми параллелепипедами белели казармы. Все выглядело запущенным, автомобили и «Боинги» стояли на спущенных шасси, там и сям виднелись следы коррозии и ржавчины. Военные ушли отсюда давно. Тогда кто были эти люди в камуфляже?

Джипы развернулись, из них высыпали автоматчики, потом неторопливо выбрался человек в фуражке. Он двигался так,

словно был поражен тяжелой болезнью. Приглядевшись, Гумилев понял, что так оно и есть: шея замотана бинтом, а кожа на лице была серой и безжизненной, как у несвежего покойника.

Человек помахал рукой, показывая, что нужно выходить, потом поднял один палец.

Ростислав Шибанов дремал, сидя на полу и прислонившись к стене. Рядом скорчился Джей-Ти, а на койках спали Мидори и Атика. Рыжий кот Крыс свернулся клубочком рядом с Мидори и чуть слышно похрапывал. Шибанов ни разу не видел, чтобы коты так делали.

Плеснув в ладонь немного воды из бутылки, Ростислав с горем пополам умылся, сделал несколько несложных физических упражнений и принялся осматривать камеру. Минут через десять он сделал неожиданное открытие: под койкой находилось вентиляционное отверстие. Это была квадратная дыра в стене высотой сантиметров двадцать, не загороженная ни сеткой, ни решеткой: заключенный через такое отверстие все равно бы не вылез.

– Ты чего там делаешь?! – удивился проснувшийся Джей-Ти, увидев торчащие из-под койки ноги Ростислава.

– Тут есть лаз, – пыхтя, отозвался Шибанов и вылез обратно.

– Но маленький, разве что кот пролезет.

– Что вы расшумелись? – капризно спросила сверху Мидори.

– Все равно делать нечего, дайте хоть поспать по-человечески, а не на травке под кустом!

– Слушай, Ми, – сказал Шибанов. – А может быть, нам выпустить Крыса?

– Зачем это?!

– Да просто я боюсь, что с нами ему придется худо. Если придется драться, или убегать, или... В общем, Крысу нужно уйти, пока можно.

– Да куда он уйдет-то, Расти?! – Мидори в недоумении свесила вниз голову.

– Под нижней койкой есть дырка. По размеру коту вполне подходит. Насколько я понимаю, за стеной – коридор. Выберется, найдет себе пропитание. Вокруг горы, долина. Будет ловить каких-нибудь тушканчиков или землероек, я не знаю точно, кто здесь живет. Коты быстро осваиваются на природе, а Крыс к тому же весьма условно домашний кот. Скорее дикий.

Мидори обняла продолжавшего спать и похрапывать кота.

– Расти прав, – подала голос Атика, которая, оказывается, тоже проснулась. – Мы потащили его с собой, а значит, несем за Крыса ответственность.

– Нельзя быть такими пессимистами! – дрогнувшим голосом сказала Мидори. – Я вот лично уверена, что мы отсюда выберемся!

Потом она поцеловала уворачивающегося кота в нос, спрыгнула с койки и сказала:

– Беги, маленький братец. Если все пойдет хорошо, мы еще встретимся. Ты ведь найдешь, правда?

Кот громко мяукнул, словно хотел сказать: «А как же?! Куда же я от вас денусь?».

Ростислав тихонько подтолкнул Крыса к вентиляционному отверстию. Кот оглянулся, еще раз мяукнул и покинул камеру.

Мидори тихо заплакала.

– Пойду я, – сказал Гумилев бойцам. – Они выглядят довольно организованно. Попробуем договориться.

– О чем? – уныло спросил Вессенберг, поблескивая стеклышками очков. – Я думаю, мы можем улетать домой и докладывать, что ничего не сделано. Или вы думаете, что эти люди с радостью отведут вас в секретные помещения?

– Индро Юльевич, мы рассматривали разные варианты развития событий. В том числе и такой. Это лучше, чем устраи-

вать пальбу и положить всех на подступах к объекту. А сейчас извините, я не хочу их злить.

Спрыгнув на бетон взлетно-посадочной полосы, Гумилев зашагал к джипам и автоматчикам.

– Меня зовут полковник Роулинсон, и я представляю здесь Республиканскую Армию генерала Макриди, – сказал человек с внешне-стью мертвеца. Гумилев, конечно же, слышал о ней, но не думал, что все так серьезно. Это в самом деле были солдаты. В более-менее одинаковом, унифицированном обмундировании, со знаками различия, хорошо вооруженные. Здесь же стоял капитан.

– А я представляю специальную миссию ООН, которая размещается в городе Твин Фоллз, штат Айдахо. Мы занимаемся решением проблемы «Армагеддон» – с достоинством ответил Гумилев. – Меня зовут Андрей Гумилев.

– Русский?! – поднял редкие брови полковник Роулинсон. – В последнее время мне везет на русских...

– Что вы имеете в виду?

– Нет, ничего особенного, это сугубо личное... Позвольте приветствовать вас на базе Военно-воздушных сил Неллис.

– У вашей армии имеются военно-воздушные силы?

Гумилев постарался, чтобы этот вопрос прозвучал без сарказма и издевки. Видимо, у него получилось, потому что Роулинсон честно ответил:

– Нет, пока отсутствуют. Вы, верно, знаете, что над Закрытой Территорией летать не велено. Но база находится под нашим контролем, и мы надеемся, что рано или поздно вновь будем использовать ее по назначению. А вот что вас сюда занесло, мистер Гумилефф? Решать проблему «Армагеддон» на секретном объекте не совсем логично.

– Подозреваю, что меня сюда занесло то же, что и вас, полковник. Но давайте сначала уйдем с посадочной полосы куда-нибудь в помещение, и там спокойно поговорим. Моим людям можно выйти из вертолета?

– Да, мы не причиним вам вреда. Простите, но... почему вы без маски? Я думал, что с учетом эпидемии вы должны быть одеты в костюм биологической защиты.

– Я иммунный, – пояснил Гумилев. – Если вы не знаете, то человек может заразиться вирусом и заболеть, а может и не заболеть, но стать носителем, заражая других. Я же, к счастью, вирус вообще игнорирую – в моем организме он не уживается. У меня в группе еще двое таких, остальные в биозащите с фильтрами.

– Это любопытно, – сказал полковник с неподдельным интересом. – Получается, если провести тесты, многие из тех, кто сейчас заперт на Территориях, обретут свободу?

– Да, но аппаратура для проведения тестов пока слишком не совершенна. Такой объем работы проделать мы еще не можем. Полковник, я хочу напомнить – вы сказали, что моим людям можно покинуть вертолет.

– С одним условием – оружие они оставят внутри.

Гумилев вернулся к вертолету и, сдвинув дверцу, проинформировал своих бойцов:

– Это армия Макриди.

– Эти бандиты?! – вскинулся Санич.

– Пока они ведут себя вполне цивилизованно. Разрешили нам покинуть вертолет, но оружие оставить внутри.

– Я не согласен, – уперся Санич. – Андрей Львович, это же черт знает, что такое! Сдаемся в плен, словно... словно...

Не найдя подходящего приличного слова, покрасневший Санич махнул рукой и отвернулся.

– Олег, устроить сейчас перестрелку на взлетной – самое глупое, что мы можем сделать. Нас сразу же положат. Мы же предусмотрели и такой вариант, помнишь?

Санич поморгал и положил М-4 на пол.

Под бдительными взорами автоматчиков Роулинсона они цепочкой прошли к зданию. Гумилев обратил внимание, как Не-

стор Тарасов едва не споткнулся, увидев полковника. Он замедлил шаг, потом потряс головой, словно отгоняя морок.

Полковник с капитаном вошли вслед за ними, после чего Роулинсон распорядился:

– Долтри, мы побеседуем с мистером Гумилевым, а вы пока устройте остальных. Здесь есть что-то вроде конференц-зала, там им будет удобно.

– Да, сэр, – вытянулся капитан.

В коридоре метнулось что-то рыжее, и Гумилев с удивлением увидел кота. Тощий, ободранный, но с несомненным чувством собственного достоинства, он сел и уставился на Гумилева. Откуда он взялся на заброшенной базе? Хотя тут есть продовольственные склады, а где запасы продуктов, там и крысы с мышами. А где крысы с мышами, там сам господь рассудил обитать котам. Пищевая цепочка.

– Мурзик, Мурзик... – тихонько позвал кота Гумилев.

Ему сразу вспомнился теплый пушистый комочек, принесенный Марусей утром в постель, и радостный крик дочки: «Папа! Папа! Он круче манула в стотыщный раз!».

– Эх, Маруська... Скучаешь, наверно... – пробормотал Гумилев.

Кот не подходил, но смотрел в целом приветливо, как профессора смотрят на заядлых прогульщиков-студентов, неожиданно зашедших на лекцию.

– Кот, – констатировал Роулинсон. – Откуда бы ему тут взяться? Любите кошек?

– Есть такой грех, – сказал Гумилев.

– Проходите, пожалуйста, – Роулинсон широко распахнул дверь в скудно обставленный кабинет. В углу стоял пыльный американский флаг, на стене висел портрет бывшего президента США, какие-то дипломы с внушительными печатями в акkuratных рамках. На столе находилась семейная фотография:

моложавый мужчина в футболке с надписью «USAF¹⁸» на груди, рядом с ним – красивая брюнетка, которая держит на руках удивленного ребенка лет двух-трех, все позируют на палубе яхты, позади – зелено-голубой простор океана и разноцветные паруса. Полковник мимоходом смахнул фотографию в ящик стола, сел в кресло и указал на такое же кресло напротив.

Гумилев сел.

– А теперь поговорим неофициально, – предложил Роулинсон. – Курите?

– Нет.

– Я тоже. Пьете?

– В данный момент это излишне.

– А я немного выпью.

Полковник вынул из внутреннего кармана куртки плоскую флягу, обтянутую тисненой коричневой кожей, отвинтил крышечку и сделал несколько глотков. Он определенно был болен. Вблизи лицо Роулинсона представляло собой еще более отталкивающее зрелище, кроме того Гумилев почувствовал запах. Запах гниения, сладковатый смрад, который полковник пытался замаскировать одеколоном или лосьоном. Рак? Эти бинты на горле...

– Итак, что вы здесь делаете? Я понимаю, что все эти вирусологические байки в данном случае никакого отношения к вашей экспедиции не имеют. Однако цель у вас серьезная, раз вам дали вертолет. Я уже давно не видел, чтобы над Территориями что-нибудь летало, кроме птиц. Попробую догадаться. Вас интересует Зона 51: летающие тарелки с Сириуса, законсервированные гуманоиды, кладезь вселенской мудрости. Верно?

– Верно, – согласился Гумилев, который с самого начала не собирался врать.

– Видите, угадал. Но возникает проблема: во-первых, мы представляем собой то, что можно называть правительством, поскольку власть Североамериканского Альянса на Закры-

¹⁸ USAF – U.S. Air Force, Военно-воздушные силы США

тую Территорию не распространяется. Во-вторых, мы прибыли сюда первыми.

– А вы уверены, что ваше правительство признанное? Я слышал, что некий господин из Солт-Лейк-Сити, именующий себя Мастером, оспаривает это утверждение.

– Ах, Мастер... – протянул полковник. – Это сложный вопрос, находящийся в стадии решения. В любом случае у меня есть «во-вторых» – как я уже заметил, мы прибыли сюда первыми.

– И что вы собирались делать?

– Проникнуть туда, куда не велено, что же еще? И разобраться, что же тут прятали. А что-то, несомненно, прятали. Вы не были в убежище для персонала, а я был. Крайне жуткое зрелище. Видимо, когда объявили тревогу в связи с эпидемией, они загнали туда людей, а когда стало ясно, что дела плохи, пустили газ. Там тысячи мумий. А хозяин этого кабинета застрелился. Скелет мои солдаты вынесли. Я не знаю, куда делись остальные люди из командования базы. Мы здесь еще далеко не все обыскали, возможно, они лежат в виде мумий в другом убежище или даже живы и прячутся. Когда мы сюда прибыли, тут вертелись чокнутые, пришлось немного повоевать. Их становится все меньше и меньше. Думаю,дохнут с голоду, с едой-то проблемы.

Роулинсон сделал еще пару глотков из своей фляжки, откашлялся и продолжил:

– А ведь вам повезло, мистер Гумилефф. Мы прибыли сюда как передовой отряд, поэтому со мной солдаты, а не ученые. Они могут ходить вокруг летающего блюда с глазами, как шары для кегельбана, и цокать языком, но не более того. А вы, как мне кажется, привезли специалистов. Так не объединить ли нам усилия? Уверяю, правительство, которое я сейчас представляю, готово к сотрудничеству со всеми международными организациями, в том числе с ООН. Так давайте в качестве жеста доброй воли сделаем общим достоянием то, что столько лет скрывало правительство уже несуществующих Соединенных Штатов.

Гумилев внимательно посмотрел на полковника. Отталкивающая внешность его не пугала, но словам Роулинсона Андрей не верил. Понятно, что «сотрудничество» продлится до поры до времени. Но Гумилев все равно сказал:

– Идет, полковник. Что от нас требуется?

– Да ничего особенного. Для начала – открыть вход на верхний уровень. У меня есть специалисты по системам безопасности, но они пока не справляются с задачей. Генератор мы запустили, так что компьютеры работают.

– Среди моих людей есть двое, кто в этом разбирается, – Гумилев имел в виду Решетникова и Миллерса, который помимо прочего специализировался как раз в данной области. Ребята Санича тем и были хороши, что каждый заменял собой трех-четырех человек.

– Тогда не будем терять времени, – поднимаясь из кресла, сказал полковник.

С системой, блокирующей двери верхнего уровня, Решетников и Миллерс справились минут за сорок.

– Не думал, что на таком объекте все так примитивно защищено, – удивлялся Константин Кириллович, бегая пальцами по клавиатуре. Гумилев и сам видел, что степень защиты весьма средненькая. Наверное, американцы больше полагались на труднодоступность самой базы и несколько радиусов наружной безопасности. Теоретически сюда не должен был проникнуть ни один нежелательный гость, потому и мудрить не стали. Он высказал свое предположение Решетникову, но тот покачал головой:

– И все равно, чересчур простенько. Где пресловутые магнитные карточки? Где сканирующие устройства для проверки отпечатков пальцев и рисунка радужной оболочки глаза?

Гумилев не знал, что ответить. Но тут тяжелые ворота раскрылись, шипя гидравликой, и глазам собравшихся предстала груда мумий, лежавших у входа. Одни были одеты в форму во-

еннослужащих ВВС, другие – в белые халаты. Судя по длинным прядям волос, некоторые черепа принадлежали женщинам.

– Дверь заблокировали, а они остались внутри, – разъяснил Роулинсон, глядя на эту гекатомбу без каких-либо эмоций. – Кто-то покончил с собой, кто-то умер от голода... Полагаю, мы еще встретим такую картину ниже, и не раз.

И действительно, на втором уровне тоже лежали скелеты. И на третьем. Их обнаруживали не только у дверей, но и в лабораториях, за погасшими мониторами, за письменными столами... В одном месте кто-то в припадке безумия сокрушил несколько огромных экранов – все вокруг было усыпано стеклом.

Ничего секретного Гумилев пока не увидел. Конечно, покопаться в мозгах компьютеров было бы завлекательно, но, скорее всего, параллельно с уничтожением личного состава и персонала базы оказались уничтожены и данные, хранившиеся на серверах. Оставалось надеяться, что уцелели материальные доказательства. Если, разумеется, таковые вообще существуют.

Пока Решетников и Миллерс вскрывали двери на очередной уровень, Гумилев с полковником стояли у маленького электрокара, загруженного пластинами из легкого светлого металла. Поодаль торчали у стены автоматчики Республиканской Армии, а бойцы Гумилева расселись на офисных стульях, собрав их в одно место. И снова Гумилев поймал взгляд Нестора Тарасова. Ученый безотрывно наблюдал за Роулинсоном.

– Не раскроете ли еще одну тайну, полковник? – спросил Гумилев.

Роулинсон поскреб шелушащуюся щеку и кивнул:

– Валяйте.

– Как вы сюда добрались? На машинах?

– Этого я пока вам сказать не могу, – развел руками полковник, словно извиняясь. – Секретная информация.

– Хорошо, я не буду настаивать.

– Если вы боитесь, что я реквизирую у вас вертолет, то можете не переживать, нам он не нужен. В любом случае у меня слишком много людей, они туда не влезут. О, смотрите, они снова справились!

Решетников и Миллерс действительно справились. На сей раз за открывшейся дверью, оказавшейся особо толстой, скелетов не обнаружилось. Но даже если бы они там и лежали, никто бы не заметил, потому что внимание всех, от Гумилева до последнего солдата, сконцентрировалось на летающей тарелке, висящей посередине огромного зала.

Диск из тускло-серого металла метров тридцати в диаметре был укреплен на специальных держателях, подпирающих его края. На гладкой поверхности тарелки были видны несколько вмятин и трещин – очевидно, результаты столкновения с земной поверхностью. По всем имеющимся данным, хранящиеся в Зоне 51 космические корабли либо потерпели аварию, либо были сбиты.

Чуть дальше размещалась на таких же держателях «спортивная модель», которую описывал бывший сотрудник объекта Лазар: «Диаметр примерно 16 метров (52 фута). Внешняя обшивка похожа на металлическую и по цвету похожа на неотшлифованную нержавеющую сталь. Диск стоит на своем днище. Входной люк находится на верхней половине диска и только часть его переходит через центральный край диска».

По всему залу были расставлены какие-то агрегаты и их фрагменты. Выглядело все это так, что с первого взгляда становилось ясно – человеческий разум тут ни при чем. Причудливо изогнутые поверхности, полупрозрачные рычаги и шарниры, внутри которых были заключены мелкие детали. Одни были словно склеены из шаров различных размеров, другие вообще казались бессмысленным нагромождением угловатых элементов, опутанных поблескивающими проводами, если только это в самом деле были провода.

Некоторые механизмы находились в полуразобранном состоянии. Рядом с ними лежали инструменты, на самодвижу-

щейся колесной платформе стоял сварочный аппарат. Казалось, что люди ушли отсюда совсем недавно.

– Это правда... – выдохнул Вессенберг, бесцеремонно протиснувшись между Гумилевым и полковником. Он подбежал к большой тарелке, быстро поднялся по небольшому металлическому трапу и исчез внутри.

– Э... – Роулинсон потыкал в сторону НЛО пальцем. – Он, часом, не улетит?

– Это наш специалист именно по таким вещам, – успокоил полковника Гумилев. – Просто не верит своим глазам.

Гумилев и сам не верил своим глазам. До последнего он был уверен, что никаких тарелок в Зоне 51 нет, и здесь занимались лишь разработкой самолетов-невидимок и прочих совершенно земных, пусть и высокотехнологичных, проектов. И вот – сразу два объекта. Не девять, как утверждалось в некоторых изданиях, но и двух вполне достаточно.

Решетников, который стоял рядом, сказал:

– Заметь, что внутреннее устройство объекта не соответствует тому, которое мы брали за основу. Уровни расположены совершенно не так.

– Что? – поинтересовался Роулинсон, русского языка не знавший. – Что он сказал?

– Здесь все не так, как обычно говорят, – сокращенно перевел Гумилев и отошел в сторонку.

Он стоял в смятении, потому что не представлял, как можно все это уничтожить. Величайшие открытия, путь в далекий космос – и все это взорвать, обрушить на грядущие перспективы человечества тысячи тонн грунта?! Как выполнить такой приказ? Да и кто позволит ему это сделать?!

Вессенберг вылез из тарелки. Глаза его горели за стеклами очков.

– Здесь должен быть еще один уровень! – крикнул он по-английски. – Тот, где хранятся тела представителей внеземных цивилизаций!

– Давайте его откроем, – нетерпеливо сказал Роулинсон. Полковник держался спокойнее остальных, но и он заметно волновался.

С этой дверью возиться пришлось значительно дольше. Гумилев не выдержал и пришел на помощь Решетникову и Миллерсу.

– Я поражен, – шепнул он Константину Кирилловичу, подбирая код. – Скажи честно, ты верил?

– Я до сих пор не верю. Что делать-то будем с этим хозяйством, Андрей? Полковник уже нацелился наложить на него лапу.

– Но это не люди Мастера из Солт-Лейк-Сити. Это Республиканская Армия. Насчет нее не было никаких указаний.

– Не уверен, что самозванный генерал Макриди лучше Мастера...

– Макриди, насколько я понимаю, кто-то вроде собирателя земель. Не мракобес, в отличие от Мастера.

Неожиданно завывла сирена и замигали яркие красные огоньки на пульте, дверь стала медленно уходить в потолок. В образовавшуюся щель сразу, пригнувшись, бросился Вессенберг.

Когда проход открылся полностью, в зал вошли остальные и замерли.

Все выглядело так, как описывал бывший военный Дерек Хенесси. Стекланные цилиндры метра под два высотой действительно стояли на постаментах из черного полированного камня, напоминающего мрамор. Внутри, в прозрачном зеленоватом растворе, плавали худые существа с длинными руками и складчатыми головами причудливой формы. Их кожа серого цвета странным образом показалась Гумилеву похожей на болезненное лицо Роулинсона. Полковник как раз стоял рядом с одним из цилиндров и, прижавшись к нему лицом, смотрел в широко открытые глаза инопланетянина, черные, без зрачков.

Нашлось и то, о чем Гумилев не читал в изданиях уфологов и материалах, предоставленных «Илиаде» Решетниковым и его службой. Это был целый ряд прозрачных саркофагов, похожих на сосиски, к которым тянулись от кубических серебристых ящиков толстые гофрированные трубы. В них лежали гуманои-

ды с темно-зеленой кожей, имеющей текстуру змеиной чешуи. Трехпалые руки у одних были молитвенно сложены на груди, другие протянули их вдоль тел. Казалось, что они уснули и вот-вот проснутся... Гумилеву сделалось не по себе. Слишком много секретов раскрывалось одновременно. То, во что верили и на что надеялись миллионы людей. То, что миллионы других людей называли фантастикой, сказками, ересью и бредом.

– Думаю, ваша часть договора выполнена.

Резкий, надтреснутый голос полковника Роулинсона отрезвил Гумилева, и он вспомнил, что главные проблемы еще впереди.

– Что вы под этим подразумеваете?

– Ваши люди открыли вход на уровни и показали, что здесь хранится. Теперь пора исполнить мою часть договора.

Автоматчики подняли оружие.

– А я говорил, – печально прогудел Санич.

– Вы нам еще пригодитесь, – сказал полковник Гумилеву. – Вы, вот эти двое, которые работали с системами защиты. Специалист по НЛО. Остальные не нужны. Долтри!

– Да, сэр! – из-за спин автоматчиков появился капитан.

– Отведите их наверх.

– Есть. Исполняйте, сержант! – бросил Долтри своему подчиненному.

Гумилев бессильно наблюдал, как автоматчики оттеснили часть членов группы и вывели из зала. Они остались среди мертвых инопланетян впятером: он, Вессенберг, Решетников, Миллерс и Роулинсон. В дверях стояли автоматчики.

Полковник с сожалеющей миной пожал плечами:

– Я представляю правительство, а вы, к сожалению, вторглись сюда, не имея никакого разрешения. Как военный, я...

– ...Вы меня обманули, в чем я, собственно, мало сомневался.

– Действуя в интересах своего государства, заметьте.

– Нет здесь никакого государства. Ваша Республиканская Армия – такая же фикция, как и Солт-Лейк-Сити Мастера.

– А вот тут вас ждет еще один неприятный сюрприз, мистер Гумилефф, – неприятно улыбнувшись, сказал Роулинсон. – Как вы изволили выразиться, я вас обманул. Но обманул, увы, не только в отношении договора. Я не имею никакого отношения к Республиканской Армии. Меня сюда прислал Мастер.

Гумилев не нашелся, что ответить на это. Он чувствовал себя оплеванным, раздавленным, втоптаным в грязь. Как последний дурак, привел людей в ловушку и своими руками ее захлопнул! Вариант с переговорами предусматривал осложнения, но попасть на удочку Мастера...

Он подвел и предал всех. Людей, которые собирали данные и готовили операцию «Илиада». Своих бойцов-безопасников. Ученых. Майора Магдоу.

Марусю.

Он подвел Марусю...

«Обещай мне, что ты будешь там себя хорошо вести, поможешь, кому надо, и прилетишь обратно. А злых, если попадутся, вы застрелите».

Вот и помог...

– Вас интересовало, как мы сюда добрались? Теперь я охотно расскажу, – продолжал тем временем полковник, наблюдая за реакцией Гумилева. – Подземная железная дорога из Лас-Аламоса на базу Неллис – вовсе не миф, как принято думать. С началом эпидемии ту часть, которая находится на территории Нью-Мексико, начиная со станции в Лос-Аламосе, военные взорвали. Но потом что-то не сработало, и промежуточная станция на территории штата Юта уцелела. Ей мы и воспользовались, благо энергетическая установка в поезде работала. Путешествие страшноватое, но быстрое.

Гумилев молчал. Потом спросил глухо:

– Что будет с теми, кого увели?

– Пригодятся, – ответил Роулинсон. – Солт-Лейк-Сити нужны рабочие руки. У вас там явно не дилетанты, всем найдется за-

нятие. А теперь давайте тоже поднимемся наверх. Нужно многое обсудить, сюда вы еще успеете вернуться.

Полковник направился к выходу, за которым ждали оставшиеся автоматчики. Гумилев поплелся следом, но неожиданно поймал взгляд Решетникова. Константин Кириллович подмигивал ему и зыркал глазом куда-то влево. Что он там увидел?

На стене, совсем рядом с подъемной дверью, в квадратной рамке за стеклом краснела большая круглая кнопка. Такие обычно делают в различных учреждениях для вызова пожарных – «Разбейте стекло, нажмите кнопку». Здесь противопожарная система явно включалась автоматически. Тогда зачем бы такая кнопка?

– Ну, что же вы? – через плечо окликнул их Роулинсон. – Еще насмотритеесь, *tovarishch*.

Решетнев придержал за плечо нехстати заторопившегося Миллера. Снова зыкнул на кнопку.

И Гумилев понял.

В тот момент, когда блокировавшие дверной проем автоматчики расступились, пропуская Роулинсона, Андрей прыгнул вперед и с размаху ударил кулаком по кнопке. Стекло разлетелось, кнопка легко подалась, и многотонная дверь моментально рухнула вниз. Полковник успел проскочить, а кто-то из автоматчиков замешкался и даже не вскрикнул. Его расплющило, словно муху. Из-под нижнего края двери осталась по локоть торчать рука. Пальцы ее судорожно подергивались.

Гумилев прислонился спиной к стене, успокаивая дыхание.

– Как жабы в банке, – красочно описал ситуацию Решетников и гулко постучал кулаком по двери.

– Да уж, Кирилыч... – сказал Гумилев, глядя на шевелящиеся пальцы покойника.

– В самом деле, не воевать же было с ними. Думали, договоримся. С самого начала затея была довольно авантюрная, но не спецназ же сюда посылать!

– А дверь-то они не откроют, – Миллерс произнес это почему-то с удовлетворением. – После автоматического закрытия – точно не справятся. Чайники.

– Чему рад-то, Антон? – горько усмехнувшись, спросил Гумилев. – Другого выхода здесь нет.

– Везде есть запасной выход, Андрей Львович, – оптимистично сказал Миллерс. – Нужно только поискать.

Вессенберг тем временем бродил среди капсул и цилиндров с прищельцами. Увлеченный человек, подумал Гумилев с завистью. Плевать ему сейчас, что они замурованы на сто метров под землей. Рядом – дело всей его жизни, теперь, как говорится, и помереть не жалко. Эстонец наклонялся над саркофагами, вглядываясь в лица трупов, дергал за провода и трубки, подключенные к цилиндрам, осматривал непонятные агрегаты, откуда они тянулись. То и дело Вессенберг озабоченно поправлял очки.

Потом он выпрямился и позвал:

– Идите сюда. Все идите сюда, скорее.

Гумилев, Миллерс и Решетников подошли.

– Что вы тут нашли, Индро Юльевич?

– Это фальшивка, – тонким срывающимся голосом сказал Вессенберг. Руки его дрожали, очки в тонкой золотой оправе сползли на кончик носа.

– Что?! – не понял Гумилев.

– Еще внутри тарелки я заметил много странного. Сначала я не понял, а потом догадался, немного позже. Снаружи и внутри все выглядело так, словно человека попросили сделать летающую тарелку, и он сделал летающую тарелку. Это не внеземной аппарат.

– Индро Юльевич... – осторожно начал было Гумилев, видя, как разнервничался бедный Вессенберг, но тот не дал ему договорить.

– Это фальшивка!!! – закричал не своим голосом эстонец, схватил металлическое кресло и с размаху хватил им по стеклянной колонне, в которой покоилось тело гуманоида. Стекло

треснуло, наружу хлынул поток густой зеленоватой жидкости, а следом вывалился сам инопланетянин, всплеснув длинными руками и гулко шлепнувшись о кафельный пол.

Миллерс вскрикнул. Гумилев в ужасе отступил назад, словно намочившая ботинки жижа могла разъесть их и добраться до самой плоти. Решетнев тоже отшатнулся и пятился, пока не уперся спиной в большой металлический шкаф.

Вессенберг тем временем подскочил к лежащему гуманоиду, упал на колени прямо в струящуюся зелень и вспорол гладкий живот невесть откуда взявшимся ланцетом. Отшвырнул инструмент и принялся раздирать мышцы обеими руками, что-то неслышно бормоча.

Гумилев внезапно решил, что эстонец сошел с ума. Чтобы нейтрализовать его, пока Вессенберг не уничтожил другие ценные образцы, Андрей стал заходить сзади. Он уже изготавился броситься на Вессенберга, но вдруг увидел, что именно тот извлекает из распотрошенного нутра гуманоида.

Комки полиэтилена.

Большие куски поролона.

Какие-то пружинки.

Мусор.

– Это все фальшивка! – снова прокричал Вессенберг, не поднимаясь с колен и обернув к Гумилеву свое страшное перекошенное лицо. – Вся эта Зона 51 – надувательство! Мы зря летели сюда, зря рисковали! Нас всех обманули!

Гумилев опустил руки. По растекшейся зеленой жидкости медленно плыл, разворачиваясь, извлеченный из резиновой утробы «пришельца» газетный комок с явственно видной шапкой «Лос-Анджелес Таймс» и датой – «15 октября 1957 года».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...



ЮРИЙ БУРНОСОВ

Юрий Бурносов родился в 1970 году в маленьком древнем городке Севске, что в Брянской области. Закончил Брянский государственный университет: по диплому — преподаватель русского языка и литературы, но ни дня в этом качестве не работал. Зато был санитаром (в том числе в морге), журналистом, редактором, пиарщиком, кинокритиком, чиновником и даже банкиром.

Автор сценариев нескольких популярных телесериалов и пятнадцати книг, в том числе написанных под псевдонимом Виктор Бурцев. Лауреат целого ряда литературных премий — от экзотических типа Почетной грамоты университета МВД Украины до номинации на «Национальный бестселлер». Роман «Чудовищ нет» был признан Книгой года-2007 по версии журнала «Мир фантастики» и сейчас перерабатывается в киносценарий.

Живет и работает в Москве, куда перебрался из Брянска пару лет назад. Хобби — военная история (особенно бронетехника и авиация), огнестрельное оружие, кино, музыка. В написании «Армагеддона 2» автору помогли его любимые коты Сеня и Вася.

12 ВОПРОСОВ АВТОРУ «АРМАГЕДДОНА»

Юрий, вначале довольно острый вопрос, который вынесен из обсуждения первого «Армагеддона» в Интернете. Реально ли такое развитие событий, когда несколько штатов становятся абсолютно изолированными? Есть мнения, что здесь присутствует некоторая натяжка...

Натяжка — это основа любого фантастического произведения, а «Армагеддон» является именно таковым. Вспомните, например, отличный фильм «Судный день», в котором Великобритания была перегорожена гигантской стеной как раз вследствие эпидемии. Картину зрители приняли «на ура», хотя она вся — одна сплошная натяжка. Или суперпопулярное «Метро 2033» Дмитрия Глуховского. Всем понятно, что люди под землей в метрополитене столько лет не протянут. Электричества и чистой воды там не будет, никакие грибные плантации и свинофермы существовать не смогут, а уж нескончаемые патроны, которые помимо боеприпасов являются еще и платежным средством, и подавно далеки от реальности. И тем не менее книгу любят и читают, потому что интересно, потому что она заставляет задуматься.

В «Армагеддоне» натяжка как раз небольшая. Соединенным Штатам вполне по силам сделать такую вот «резервацию», изолировав ее от остального мира. Но главное здесь даже не это, а взаимоотношения людей, которые оказались на Закрытой Территории. То, как быстро без благ цивилизации человек становится животным, и как сложно не перейти эту грань и остаться человеком.

Наверное, нужно ответить еще на несколько популярных читательских вопросов. К примеру, почему главный герой Ростислав Шибанов - именно хоккеист?

Мне нужен был герой, который живет и работает в Америке, но при этом довольно далек от нее и от ее образа жизни. Поэтому, когда он попадает в чрезвычайную ситуацию, то видит и переживает все по-своему. Хоккеист здесь был очень даже кстати — не хотелось делать героем, скажем, программиста. Или баскетболиста, потому что в баскет-

боле я попросту не разбираюсь и этот вид спорта не люблю. Вот и получился Шибанов. Парень, который застал перестройку и реформы еще совсем мелким пацаном, но все помнит и знает. И именно поэтому отвечает Джею-Ти, расписывающему кошмары проживания в негритянских кварталах: «Ты при Ельцине в Кирове не жил». Сразу понятно — такой человек в какой-то Америке не пропадет, хотя он вовсе не супермен.

Встречаются нарекания по поводу упомянутого Профессора Джея-Ти. Якобы он слишком уж «негритянский негр» со всеми шутками про белых, слэнгом, сквернословием...

Здесь не следует забывать, что Джей-Ти — в первую очередь медийная персона, представитель шоу-бизнеса. Он представляет себя крутым парнем, бывшим гангстером, хотя на самом деле из воспоминаний и разговоров видно, что он рос в обычной семье, слушался бабушку, и теперь просто играет хорошо покупаемую роль. И играет ее хорошо. Почитайте интервью звезд «черного рэпа» и поймете, из кого и как я слепил Профессора. Кстати, персонаж получился яркий, мне часто говорят, что он даже перекрывает собой Шибанова.

Да, главного героя выделить в «Армагеддоне» довольно сложно. Почему подобралась именно такая четверка?

Я старался подобрать персонажи, которые далеки от супергеройства. Кроме Шибанова с его корнями и жизненным опытом российской глубинки, остальные — люди, которые не мыслят себя без благ цивилизации. Нет света, горячей воды, Интернета, телевидения — все, значит, мир рухнул. И им постепенно приходится встраиваться в новые условия существования, пересматривать какие-то моральные устои и нормы, учиться выживанию. Да, конечно, иногда им помогает случай, тот самый «бог из машины». Но именно такие случайности порой все и определяют в реальной жизни.

Читатели спрашивают, почему в более поздней по времени действия «Марусе» никак не упоминается Америка и вирус «Армагеддон».

Америка в «Марусе» упоминается — там говорилось, что Нестор Тарасов вылечил смертельно больного президента Североамериканского Альянса. А Североамериканский Альянс как раз появляется в «Армагеддоне», то есть в 2012-14 годах после того, как были образована Закрытая Территория, отделился Техас и непонятно что происходит с Калифорнией. Во времена «Маруси» США давно раздроблены на несколько государств, которым далеко до претензий на мировое господство. Ведущая держава этого периода — Россия, и никакая Америка нам не нужна.

Не боялись вы использовать в книге реальных персонажей?

Чего же здесь бояться? Тем более я никого не оскорбил и не обидел. Даже Маккейн получился довольно сложным персонажем, к тому же это не совсем тот Маккейн, которого все имеют в виду. В третьей книге вы поймете, в чем тут дело. Что касается Владимира Владимировича Путина, то, если он вдруг читал мою книгу, то, полагаю, остался только доволен. Кстати, это второе появление Путина в моем творчестве. Несколько лет назад он уже появлялся в романе Виктора Бурцева (это псевдоним, под которым мы писали с Виктором Косенковым) «Алмазная реальность». Там Путину уже за восемьдесят, но он бодр, активен и волевым решением наводит порядок в Африке, где идет война между местными супердиктаторами, которыми руководят искусственные интеллекты.

После прочтения второй книги отчетливо видно, что в «Армагеддоне» начинают развязываться многие узелки, завязанные в предыдущих сериях.

Да, мы специально посмотрели, и получилось, что так или иначе здесь имеется привязка ко всем более ранним сериям — «Чингисхану», «Революции», «Миллиардеру», «Дракону», «Блокаде» и, естественно,

«Марусе». На самом деле уже пора давать ответы на некоторые вопросы. Тем более мы их слишком много задали, и интрига в «Этногенезе» получилась даже чрезмерная. Вот понемногу наводим порядок и выполняем обещания. Что любопытно, некоторые сюжетные линии, выходящие на ранние серии, я даже не сочинял специально. Напишу без задней мысли, а потом пересчитываю и вижу — елки, да это же я вон о чем! Совершенно подсознательно.

Почему в книге так мало действуют предметы?

Потому что в книге очень много действуют люди. Ведь предметы в «Этногенезе» это вообще не самоцель, и даже нельзя сказать, что обязательный элемент. В этом и уникальность проекта — здесь отсутствуют рамки. Тем не менее, Скорпион у Ростислава Шибанова всегда с собой, и его влияние присутствует. Иначе как вы думаете, почему Ростислав с первого выстрела попал в блок, крепящий люстры?

Скорпион вообще предмет сложный. Каково его действие?

Скорпион помогает хорошим людям в добрых делах. Я уж не знаю, как он определяет, добрые это дела или злые, но Николаю Гумилеву он помогал именно творить добро. То же самое с Шибановым. В этом суть предмета. Если, чисто теоретически, Шибанов соберется грабить банк, то Скорпион ему ни в коем случае не поможет.

Наконец-то прояснилось, кто же такой «хихикающий демон».

Да, над этим читатели давно ломали голову. Хихикающее существо, отгрызающее пальцы — это Страж Линзы. У него есть свои слабости, есть свои сильные стороны. Что он из себя представляет, откуда взялся — пока тайна. Необходимо заметить, что кроме, так сказать, постоянных Линз существуют и случайные. Именно через такую Линзу совершил переход Нестор Тарасов, в итоге спасший Джея-Ти. Случайные Линзы не имеют Стражей.

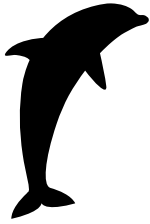
Кстати, а когда выйдет третий «Армагеддон»?

Точную дату я вам не назову, но, как минимум, до 2012 года. На самом деле, конечно, гораздо раньше. Это такая динамичная серия, которую не хочется искусственно притормаживать. Я уже знаю, что будет в третьей книге и чем все закончится. Как обычно, ждите сюрпризов.

Коты Сеня и Вася снова помогали вам в написании второй части «Армагеддона»?

Разумеется, они постоянно рядом. Даже если просто спят или хулиганят, все равно от них исходят положительные флюиды. Недаром во второй части появилось целых два кота! А еще, как всегда, помогала моя любимая жена Таня, которая по моей просьбе написала целый ряд фрагментов, составляющих довольно приличную часть книги. Отдельное спасибо моему другу и главному редактору проекта «Этногенез» Кириллу Бенедиктову, который написал первую главу в «Крушении Америки» и эпизод про агентов ФБР во второй книге.

Игорь Пронин



Пираты

Книга первая

ОСТРОВ ДЕМОНА

Автор идеи
Константин Рыков



ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010



ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бриг «Устрица»

– Это ты, что ли, Джон Мак-Гиннис?

– Да, сэр!

Капитан Бриджис снова уткнулся в принесенное мной письмо, и я заметил, как сильно дрожат его руки. Это меня не удивило. Во-первых, о пьянстве моряков всегда ходили легенды. В представлении фермеров, среди которых я вырос, в море и делать-то больше нечего – корабль плывет, а ты знай себе наливай. Во-вторых, я уже слышал, что карьера Бриджиса в Королевском Флоте рано закончилась именно из-за пристрастия к спиртному. И в-третьих, на столе стоял стаканчик с вонючим виски, хотя капитан всего лишь завтракал. Дед Джон, царствие ему небесное, учил меня, что это просто так неприлично. Сам-то он с утра предпочитал старый добрый эль.

– Шотландец... – пробурчал капитан и поднял на меня бледно-голубые глаза с красными прожилками в белках. – Пас бы своих овец, что тебе от меня нужно? Ты хоть по-английски говоришь?

– Говорю, сэр! По матери я англичанин, а воспитывал меня ее отец, мой дед. Кроме того, сэр, у меня нет овец. Я сирота и все мое одето на мне. Впрочем, в наши времена имеющим собственность приходится еще труднее, чем неимущим.

– В наши времена! – передразнил Бриджис, имитируя мой несуществующий шотландский акцент, и отхлебнул из стакана. – Что ты можешь знать о наших временах, овцепас голоногий? Не смей умничать, если хочешь служить на моем корабле! Впрочем, это хорошо, что ты сирота. Если придется выкинуть тебя за борт, буду знать, что никого этим не расстрою.

– Так вы берете меня, сэръ?! Премного благодарен! Клянусь, вы не пожалеете – я с детства приучен к труду и...

– Заткнись! – рявкнул капитан. – Рот будешь открывать только по моему приказу. Кстати, если ты жаден, как все горцы, то с удовольствием напому: юнге плата не положена! А коли попробуешь показать шотландский норв – мигом окажешься в воде. Убирайся на берег, там где-то должна быть наша шлюпка. Скажешь старому жулику Мерфи, что поступаешь пока в его распоряжение.

Он опустил голову к тарелке и тяжело вздохнул. Можно было догадаться, что желудок капитана не слишком расположен принимать пищу. Поняв, что разговор окончен, я напялил дедовскую шляпу на голову и вышел из маленькой гостиницы, где и происходил разговор. Стоял необыкновенно теплый май 1650 года от Рождества Христова.

Выглядел я тогда полнейшим чучелом даже по меркам наших небогатых краев, но не осознавал этого. Да, латаные на коленях штаны были маловаты, старый дедовский камзол наоборот, велик, и все это порядком запачкалось во время пути. Но, по крайней мере, у меня был камзол! И шляпа имелась самая настоящая, как у джентльмена, а не соломенная, в каких ходят мальчишки на фермах. Мне было шестнадцать лет и ничто не могло меня расстроить: ни насмешливые улыбки прохожих, ни пустота в желудке, ни этот грубый, с утра пьяный капитан.

Последние годы моей жизни с дедом Джоном оказались довольно тяжелыми. Дед никогда не был хорошим хозяином – старый солдат, он лишь на старости взялся за сельский труд. Денег, скопленных на службе у Его Величества, как раз хватило на приобретение крохотной фермы, которая год за годом исправно приносила нам убытки. Смею надеяться, я свой кусок хлеба отработывал честно. Но сперва был слишком мал, чтобы помогать всерьез, а потом на наших островах началась такая заваруха, что дела просто не могли идти хорошо. Процве-

тали лишь торговцы, да и то лишь те, что связались с контрабандой. Мятельники всех мастей правили бал в совсем недавно могучей Англии, а пуще всех лютовал, конечно, Кромвель со своей бандой «круглоголовых». По крайней мере, такие до нас доходили вести. Люди относились к Кромвелю по-разному, но дед Джон и сам был преданным слугой короля, и меня воспитал так же.

– Эта страна катится прямо в ад! – кричал он, узнав, что Его Величество Карл I казнен. – И никто не может ее остановить! Ты слышал? Уже не только ирландцы, но и шотландцы поговаривают, что с Англией им не по пути! Все, ради чего мы сражались с проклятыми испанцами на суше и на море, гибнет!

– Успокойся, дед, тебе вредно так кипятиться! – просил я. – Ты же сам рассказывал, что во времена твоей молодости тоже все висело на волоске, и если бы испанцы смогли высадиться на островах...

– Во времена моей молодости была королева Елизавета, а у королевы были верные слуги! Один только сэра Френсис Дрейк чего стоил! А братья Хокинсы? Таких людей больше не делают... Кругом одни мошенники и предатели, вот королевская голова и оказалась в корзине. Но Кромвель не дурак, хотя святоша и изменник одновременно. Как он сказал своим головорезам? «На Бога надейся, а порох держи сухим!». И это верно. Принеси эля, Джонни, а я пока подумаю о твоём будущем.

Я отправился за элем и в пабе, конечно, услышал только плохие новости. Испанцы снова поднимали голову и вели бесконечную войну с голландцами прямо под боком у нас. Голландцы, несмотря на это, строили и строили корабли, и совсем прибрали к рукам морскую торговлю, отчаянно притесняя даже наших моряков. Французы тоже не давали скучать: похоронив кардинала Ришелье, который причинил Британии столько хлопот, завели себе другого, против которого сами же и восстали. От всего этого голова шла кругом. Я, по природе любознатель-

ный, немного задержался в пабе, а когда прибежал назад с полной кружкой, дед Джон уже дописывал письмо. Если уж он что решал, то действовал быстро, и меня научил тому же.

– Вот что, парень! Я воспитывал тебя слугой короля и надеялся, что ты по моему примеру подашься на службу. Уж кто-кто, а солдаты из шотландцев всегда выходили прекрасные. Но короля нет, на островах сумятица, а ты слишком юн, чтобы правильно выбрать сторону. Надеюсь, все еще переменится, но пока лучше бы тебе держаться подальше от сабельного звона. Слушай мое решение: когда я умру... – дед жестом приказал мне заткнуться. – Когда я умру – а умру я скоро, сам знаешь, как меня этой зимой кашель одолел! – когда я умру, бери это письмо и шагай в Глазго. Есть у меня там старый знакомый, из интендантов. Эти нигде не пропадут, у него и сейчас там свое дело. Работы он тебе, конечно, не даст, но в письме я прошу о немногом: пристроить тебя юнгой на корабль. Только не на всякий, а на идущий в Вест-Индию. Там, знаешь ли, британцев мало и времени на разборки меж собой нет. Так что если и сгинешь, то за родину, от руки какого-нибудь испанца, а это смерть достойная порядочного человека. Восстановится здесь законная власть – вернешься, если захочешь. Все понял?

– Да что мне делать за океаном? – растерялся я от таких новостей. – И на корабле... Дед, я моря-то не видел!

– Справишься! Не бойся, я же тебя не капитаном прошу определить... – дед закашлялся и мне пришлось держать кружку, пока не прошел приступ. Наконец он хлебнул эля и продолжил: – Ты не дурак, Джонни. Ты умеешь читать и писать, хорошо считаешь, у тебя пара не боящихся никакой работы рук и крепкое здоровье. Я немногому смог тебя научить, но ты знаешь, как зарядить мушкет и отобьешься саблей... Ну, от какой-нибудь злой индейской девки отобьешься. Кроме того, я часто ругался по-испански, а значит, самых злых наших врагов ты узнаешь легко. Остальное приложится! Я не приказываю тебе удрать с корабля

в первом же порту, решай сам, где тебе лучше остаться. Но советую: попробуй пожить там. Рассказывают о сказочных богатствах... Так много рассказывают, что я в эти богатства ни черта не верю. Но было бы мне шестнадцать – поплыл бы посмотреть своими глазами. Может быть, там и устроишься навсегда, в Новом Свете. Говорят, и Новая Шотландия там имеется.

– Где? – не поверил я.

– Чуток посеевернее Новой Англии, где же еще ей быть? Одним словом, я все сказал, письмо будет лежать в ящике. После моих похорон здесь не задерживайся: мы задолжали уже малость побольше, чем стоит наша ферма. Все мои вещи оставь, пусть поделят кредиторы. Только шляпу возьми: негоже проситься на корабль в соломенной. Подумают еще, что ты мастер только навоз разгребать. Так оно и есть, но им-то зачем знать?

И вот я здесь, в местечке Ньюарк, стою на берегу реки возле шлюпки и люблюсь на бриг «Устрица». Русло реки здесь широкое, и морские корабли подходят для погрузки как можно ближе к Глазго, что выше по течению. Насколько я знал, «Устрица» уже забрала груз для нашей новой колонии на далеком острове Ангилья – в основном сукно – и теперь ждала только удобного ветра, чтобы поднять якоря. И еще, конечно, бриг ждал капитана, который хлебал виски в гостинице.

Подойти к матросам, болтавшим у шлюпки, я постеснялся. И, конечно, испугался немного: они были не слишком похожи на фермеров, к которым я так привык. Честно говоря, матросы, скорее, напоминали банду разбойников. Загорелые, громкоголосые, широкоплечие парни были одеты кто во что горазд, а некоторые и вовсе щеголяли с голыми шеями, не стеснялись и волосатых рук. В краях, где я вырос, это считалось неприличным. В ушах у многих блестели медные серьги, а двое вместо шляп использовали повязанные на голову платки. А уж как они говорили... Дед Джон, старый солдат, не стеснялся в словах, но матросы просто сорековались между собой в сквернословии.

Скучать мне было некогда, я рассматривал бриг. Двухмачтовое судно стояло со спущенными парусами, но мне оно и без них казалось безумно красивым. Смущал только размер: в книгах из библиотеки нашего священника корабли изображались куда больше. Не верилось, что на таком крохотном деревянном острове несколько десятков людей могут жить неделями и даже месяцами.

– Чего уставился? – рядом со мной остановился невысокий, коренастый старик со шрамом на щеке. – Хочешь купить наше корыто?

– Нет, сэр... – на всякий случай я снял шляпу. – Капитан Бриджис определил меня юнгой на этот бриг. Мое имя Джон Мак-Гиннис. Мне приказано найти мистера Мерфи, как сказал капитан – старого жулика.

– Корабельного кока, – уточнил старик. – Изволь уж так его называть. Капитан Бриджис просто решил пошутить, а шутки у него... Ладно уж. А ты, значит, шотландец? Будешь лазить по вантам в юбке, чтобы акулы тонули от страха, а киты от смеха?

– У меня нет килта, – терпеливо объяснил я. – И я никогда его не носил. И на волынке играть не умею. Не все шотландцы одинаковы. А еще я протестант, вовсе не жадный, и верный слуга короля.

– Какого короля? В Англии, вроде бы, сейчас нет никакого короля... Это у вас в Шотландии, я слышал, на каждой горе свой король, – старик, прищурясь, тоже смотрел на «Устрицу». – Ходкое корыто, верткое, да с оснасткой не очень. Удлинить бы реи, повесить больше парусов... Если в открытом море кто захочет потолковать – не уйти, и придется туго, с нашими-то десятью пушечками. Будь я проклят, если нам не придется туго. Идем! И возьми корзину. Джек Мерфи – это я.

Я послушно подхватил корзину и пошел за ним. Меня несколько удивило, что обычного повара интересуют такие вещи,

как парусное оснащение и количество пушек. Да и шрам выглядел не так, как если бы Мерфи повздорил с другим коком по поводу какого-нибудь рецепта. Низкий хриплый голос, уверенная походка, настороженный взгляд... Скажу честно, даже на фоне матросов старик выглядел довольно зловеще.

– Это наш юнга, Джон! – представил меня Мерфи, забираясь в шлюпку. – Мальчик, помоги-ка молодцам столкнуть в воду эту деревяшку!

– А потом усаживайся на весла! – добавил толстый рыжий матрос. – Притомился я сегодня, ты вовремя!

– Нет! – отрезал Мерфи и я понял, что он пользуется среди команды авторитетом. – Парень поступает пока ко мне на камбуз. А мне там не нужен безрукий!

Матросы засмеялись, но грести меня больше никто не пытался заставить. Несколько позже я понял: ты можешь быть хоть фермером, хоть сапожником, но для флота ладони требуются совершенно особенные. И приобрести их можно, лишь наращивая мозоли на мозолях: от весел, от канатов, от дряния палубы и от штопки парусов, от всего, что и составляет флотскую жизнь.

– Ты прямо как капитан плывешь! – подначил меня по пути к бригу рыжеволосый. – Сидишь себе, а на коленях корзина со вкуснятиной! Это ты себе в дорогу припас, юнга Джон? Правильно: не солонину же тебе жрать вместе с остальной братвой!

Матросы хрипло загоготали своими продутыми морскими ветрами глотками и мне стало неуютно. Я собрался было оправдаться, но Мерфи похлопал меня по плечу.

– Тише, Моррисон! Это нашей губернаторше, – объяснил он. – Пока шли сюда от Лондона, ее настолько укачало, что леди даже не смогла сойти на берег! Ей очень плохо, и леди требует хотя бы сухопутной еды! Да побольше, побольше! Морская болезнь, что поделаешь.

В ответ снова раздался хохот. Из дальнейшего разговора я уяснил только, что на «Устрице» есть пассажиры, в том числе жена губернатора Ангильи. На эту леди неизвестная мне «морская болезнь» оказывала удивительное действие, выражавшееся в чудовищном аппетите. Всего через пару дней я понял причину смеха: когда сам от морской болезни пару дней не мог проглотить даже куска сухаря и ходил по палубе, шатаясь, словно пьяный. Мне многое, очень многое предстояло понять.

Оказавшись на палубе, я снова удивился размерам корабля: до противоположного борта было всего несколько шагов! Еще меня поразили мачты. Я думал, что это просто обтесанные стволы деревьев, которые поставили стоймя и укрепили такелажем, но мачты оказались обшиты толстыми брусками и скреплены железными обручами, словно бочки. Больше я ничего рассмотреть не успел, потому что получил хороший тычок в спину.

– Не стой столбом! Видишь корму? – рыжий Моррисон на всякий случай показал ее мне, деревенщине, пальцем. – Отнеси снесь губернаторше, да не забудь постучать!

Я послушно направился к кормовой надстройке, прикидывая, что надо бы заодно и к себе в каюту заглянуть – кинуть узелок и шляпу, чтобы не сдуло в воду ветром. Наивный, я полагал, что буду жить в каюте! Навстречу мне попался лохматый, босоногий паренек моих лет и я спросил у него, где найти губернаторшу. Вместо ответа он, воровато оглянувшись, сложил руки на груди и смерил меня надменным, как ему казалось, взглядом.

– Ты кто такой?

– Джон. Меня взяли юнгой.

– Вот оно что! – парень снова быстро оглянулся. – И сколько тебе, юнга, лет?

– Шестнадцать.

– Мне тоже... Но я раньше тебя попал на «Устрицу», а значит, я старший! Понял? И еще... – он подошел в упор и вдруг на се-

кунду показал мне нож, который ловко прятал в рукаве. – Никогда не связывайся с кокни, деревенщина! Будь я проклят, если не я теперь твой начальник!

Что тут было делать? Я аккуратно поставил корзину на палубу и вытащил из-за пазухи свой нож. Он достался мне от деда и был раза в полтора длиннее, чем у нахала. Парень тут же отпрыгнул и пригнулся, готовый к драке.

– Не знаю, кто такие кокни, но нож у меня, как видишь, тоже есть, – как мог спокойно сказал я. – Капитан приказал мне слушать кока Мерфи, и значит, мой начальник – он. Так меня зовут Джон Мак-Гиннис, а тебя?

– Роберт Летбридж, – юнга понял, что я не нападу, и выпрямился. – А ты парень с норовом. Хороший нож, только лучше спрячь, пока боцман или кто-нибудь еще не увидел. Могут отобрать. Лучше знаешь, что? Сыграем потом на него в кости. Я поставлю свой и еще хорошие сапоги, идет?

Я хотел отказаться, но тут распахнулась дверь и из кормовой надстройки вышел высокий, широкоплечий брюнет с орлиным носом. Он посмотрел на меня из-под полей красивой, украшенной перьями шляпы, и я заметил, что глаза у него разного цвета. Левый – голубой, а правый – ярко-зеленый.

– О, пища для больной леди! – воскликнул он, едва не споткнувшись о корзину с едой. – Зелень, овощи, окорок, речная рыба! Несите же ей скорее, леди уже час, как стонет от голода!

Незнакомец говорил с сильным французским акцентом. Я снял шляпу и поздоровался, не забыв и представиться. Дед Джон говорил, что хорошие манеры никогда не могут повредить. В ответ француз ловко щелкнул себя по шляпе ногтем.

– Что ж, юнга, зови меня мсье Клод Дюпон! Можешь дать мне на минуту этот нож, который ты так непринужденно держишь в руке, будто собираешься вспороть мне живот?

Ничего не оставалось, как выполнить его просьбу. Француз взял нож и прикрыл глаза. Роб – так уж прозвали Роберта на «Устрице» – тихонько пихнул меня в бок и подмигнул.

– Этот нож видел немало! – Дюпон с улыбкой вернул его мне. – Люблю подержать в руках вещи с историей. Я буканьер, родился в Вест-Индии, и весьма уважаю оружие. Ты умеешь с ним обращаться?

– С ножом? – не понял я. – Да что тут уметь. Можно резать, а можно колоть.

– Сдается мне, что тот, кому нож принадлежал раньше, управлялся с ним неплохо. Что ж, плавание нам предстоит долгое – может быть, я и научу тебя чему-нибудь, – француз, не прощаясь, прошел мимо. – Эй, мистер Гаррис! Где, черт возьми, наш капитан?! Ветер уже меняется! Я не собираюсь вечно торчать в этой речушке!

– Он всегда такой, этот Дюпон, – пояснил мне Роб. – Станный, но лихой парень. А еще немного колдун... Обещал показать, как стреляют буканьеры.

– Кто такие буканьеры?

– Буканьеры – это... – Роб осекся, глядя мне за плечо, и расплылся в улыбке.

Я оглянулся и увидел девчонку, нашу ровесницу или даже немного младше. Она шла к нам по палубе напрямик, не глядя по сторонам, так что даже толстяку Моррисону пришлось посторониться. При этом она нахально меня рассматривала.

– Кристин, это Джон! – закричал Роберт, тыча в меня пальцем. – Мой друг! Будем спать в одном гамаке – лишнего-то нет! Джон, это Кристин, служанка губернаторши.

– Поздравляю! – хмыкнула девчонка, подойдя. – А вам, мистер Джон, сочувствую. Берегите карманы, если собираетесь ночевать вместе с мистером Летбриджем. Это еда для леди Блейк?

– Да! – я, спохватившись, поднял корзину. – Я должен отнестись...

– Сама отнесу! – Кристин с неожиданной ловкостью выхватила у меня снесь. – Госпожа соскучилась, наверное, не на кого покричать. Чертовка собирается играть большую все плавание. Ставлю пять реалов: муж просто счастлив был пожить без нее!

Поправив выбившийся из-под шляпки рыжеватый локон, она оглянулась на меня в дверях и скрылась.

– Ты, шотландец! – Роб неожиданно толкнул меня. – Не засматривайся!

– Да я не засматриваюсь. Ты лучше скажи, почему я карманы должен беречь?

– Шутит она! – он немного смутился, но тут же затараторил: – Я – кокни! Понял? Ничего ты не понял! Я из Лондона, браток, с самых низов. Родился на мостовой и жил на мостовой. Настоящий кокни! А у нас все просто: как потопаешь, так и полопаешь. Кто за вещами плохо следит, тому вещи не нужны. И все такое, – Роб отодвинулся. – Но здесь-то – другое дело! Скучновато, тесновато, но мы же все вместе. Через океан поплывем! Тут мы одна семья! Хотя и скучновато... Просто Лондон – это, брат, такой город! Не ферма твоя.

Я понял, что не от хорошей жизни Роб подался в юнги. И про себя решил все сколько-нибудь ценное всегда носить при себе – пока не присмотрюсь к нему, да и к остальной команде поближе. Еще я понял, что Роберт влюблен в эту странную Кристин, с таким непочтением относящуюся к своей хозяйке. Я даже хотел сказать, что Роберт – дурак, и вообще его подразнить, но не успел. Не успел, потому что на палубу выпорхнул ангел.

Не знаю, как еще описать свое первое впечатление от Моник Дюпон. Пусть я вырос на ферме, в тихой провинции Шотландские Границы, но доводилось мне видеть и настоящих леди. Дело, поверьте, не в испанском платье, не в лентах, украшавших шляпку, и не в перчатках такой тонкой кожи, что она, казалось, должна была немедленно лопнуть даже на ее хрупких

запаястях. Дело было в загадочных, удивительно синих глазах, которые она подняла на меня, проходя мимо.

– Капитан Бриджис!

Услышав ее голос, я едва не упал в обморок. Никогда прежде я не думал, что мое сердце может остановиться лишь от двух слов. Совершенно оцепенев, я наблюдал, как леди перегнулась через борт и помахала кому-то рукой.

– Милый капитан Бриджис! Вы привезли мне, что обещали?

Ответа я не услышал, потому что из-за мачты появился Клод Дюпон, подскочил к ней и одним движением развернул к себе. Мне показалось, что он сейчас ее ударит, я шагнул к ним, но француз вдруг поцеловал женщину. Меня будто резануло по сердцу – чем-то мне этот француз сразу не понравился. Может быть, тем, что он был выше, взрослее и сильнее меня?

– Это его жена, Моник! – будто издалека донеслись до меня слова Роберта. – Тоже лягушатница, но – хороша, верно? Шлюпка с капитаном подошла, надо убраться с палубы – он, когда пьян, бывает крут... А пьян всегда.

Мы спустились в трюм. Если бы Роб не поддержал меня на последних ступеньках, я свалился бы с лестницы – так повлияло на меня появление Моник Дюпон. Произведенный нами шум кого-то потревожил, в темноте раздалась ругань, которая разбудила еще двоих или троих... Роберт потащил меня куда-то в темноте, я ушиб колено о ящик.

– Вот тут, за сукном, наш гамак. Тесно, но больше спать негде. Правда, если волнение не сильное – можно и на палубе местечко найти... Где-нибудь на баке. Но по честному будет разыгрывать в кости или карты: кому спать в гамаке, а кому на досках! Правильно я говорю?

Роберт шептал мне в ухо, что-то объяснял, но в этой темноте я видел только лицо Моник: крупные, широко распахнутые глаза, изогнутые брови, чуть-чуть вздернутый нос, яркие полные губы...

– Мсье Клод ее ревнует – только что дым из ушей не идет! Никуда одну не выпускает, вот и теперь рассердился, что без него выскочила на палубу! – снова услышал я шепот Роберта. – Не стой, садись! Я тебе все расскажу. Свечи днем тратить запрещено, а у нас в углу темно за ящиками... А так бы в кости сыграли. Я везучий, но ты не бойся.

– Куда они плывут? – спросил я, когда дар речи ко мне вернулся. – В Вест-Индию?

– А куда же еще? Ведь Дюпон сказал тебе, что он буканьер. Он родился там, на островах, и гордится этим страшно. Индюк надутый! Но малый и правда крутой...

Сверху раздались крики. Я узнал нетрезвый голос капитана Бриджиса, и понял, что он приказывает подготовиться к отплытию немедленно. Хотелось выйти на палубу, взглянуть на шотландский берег – кто знает, может быть, в последний раз? Но я боялся увидеть Моник и снова впасть в оцепенение. Мне было стыдно за себя. Вдруг в трюм кто-то заглянул.

– А где мои обезьяны, парни? У меня их теперь две и обе, кажется, напрашиваются на вертел!

– Мы здесь, мистер Мерфи! Я всего лишь показал Джону, где он будет спать! – Роберт вскочил и подтолкнул меня к лестнице. – Идем, если зовет Мерфи – надо идти. Он кок, а работа на камбузе – единственная радость юнги, уж ты мне поверь. Здесь с тебя жир-то быстро сойдет, на сухарях да солонине!

Проходя по темному трюму, в котором я до сих пор ничего не мог рассмотреть, я сильно ударился головой о какую-то балку. Вот с этого удара, можно сказать, и началось мое путешествие. Якорь еще не был выбран, а я уже успел завести себе вороватого друга и несчастную любовь. Как сказал бы дед Джон: день прошел не зря. А ведь мы еще не обедали... Я выкинул все из головы и занялся исполнением своих прямых обязанностей. То есть делал, что приказано, и не жаловался на пинки и подзатыльники.

Содержание

| | |
|--|----|
| ГЛАВА ПЕРВАЯ Побег верхом на «призраке» | 5 |
| ГЛАВА ВТОРАЯ Были сборы недолги... | 26 |
| ГЛАВА ТРЕТЬЯ На земле и под землей | 42 |
| ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ «Илиада» | 60 |
| ГЛАВА ПЯТАЯ Летучий Голландец и Крысиный Король | 68 |
| ГЛАВА ШЕСТАЯ Полет нормальный | 87 |
| ГЛАВА СЕДЬМАЯ Голгофа | 96 |

| | |
|--|-----|
| ГЛАВА ВОСЬМАЯ За периметром | 117 |
| ГЛАВА ДЕВЯТАЯ Спаситель | 132 |
| ГЛАВА ДЕСЯТАЯ Ловушка | 158 |
| ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ «Чому я не сокіл...» | 175 |
| ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ Зеленое море тайги | 193 |
| ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ База Неллис | 210 |



Армагеддон



| | |
|----------------|--|
| Имя | Ростислав |
| Отчество | Кириллович |
| Фамилия | Шибанов |
| Время действия | 2012 год н.э. |
| Возраст | 22 года |
| Адрес | Поместье Неверлэнд |
| Локация | Калифорния, Соединенные Штаты Америки |
| Предмет | Скорпион |
| Дар | Удача |
| Сайт | www.etnogenez.ru |



ЭТНОГЕНЕЗ



Пираты



| | |
|----------------|--|
| Имя | Кристин |
| Фамилия | Ван Дер Вельде |
| Время действия | 1650 год н.э. |
| Возраст | 15 лет |
| Адрес | Парусник «Ла Навидад» |
| Локация | Остров Демона |
| Предмет | Дельфин |
| Дар | Морская удача |
| Сайт | www.etnogenez.ru |



ЭТНОГЕНЕЗ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА



ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **Буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пražская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол. Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул. Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Юрий Бурносов

АРМАГЕДДОН 2

Книга вторая

Зона 51

Автор идеи Константин Рыков
Главный редактор Кирилл Бенедиктов
Выпускающий редактор Дмитрий Гусев
Арт-концепт Алексей Маслов
Арт-директор Алексей Гонтов
Компьютерная верстка Кирилл Соколов
Корректор Антон Нелихов
Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин
Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,
Сергей Пименов
Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»
Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,
тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)
www.etnogenez.ru

Подписано в печать 15.09.10 г. Формат 164х215
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt
Условных печатных листов – 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:
123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»
или на сайте www.shop.avanta.ru
Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ
www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10
zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14
тел. (8422) 41-11-07
факс (8422) 41-11-32